

М.А. Грачёв

**СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

Учебник

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 811.161.1'33: 343(075.8)
ББК 81.411.2 + 67.629.4я73
Г78

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и стилистики
Нижегородского государственного педагогического университета
им. Козьмы Минина *Н.Е. Петрова*;
д-р филол. наук, проф. Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского *Т.Б. Радбиль*

Грачёв М.А.

Г78 Судебно-лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс] :
учебник / М.А. Грачёв. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2016. —
360 с.

ISBN 978-5-9765-2528-3

Защититься от оскорбления и уберечься от суда, определить
мошенника и наркомана по особенностям их речи, не допустить
юридических ошибок в документах... Эти проблемы поможет
решить наша книга. Она является первой учебно-методической
работой, где автор показывает использование лингвистики
исключительно в практических целях — для определения
психофизиологических особенностей личности, оперативно-
розыскных мероприятий, классификации языковых экспертиз.

Книга представляет интерес для лингвистов, юристов,
документоведов, журналистов, психологов.

УДК 811.161.1'33: 343(075.8)
ББК 81.411.2 + 67.629.4я73

ISBN 978-5-9765-2528-3

© Грачёв М.А., 2016
© Издательство «ФЛИНТА», 2016

Оглавление

Введение	5
----------------	---

Часть I. ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

1. Место лингвокриминалистики в составе криминалистики	21
2. Оскорбительные и обидные слова	32
2.1. Из истории изучения вопроса	32
2.2. Оскорбительные слова	33
3. Языковой экстремизм	54
3.1. Терминология языкового экстремизма	54
3.2. Манипуляционные лингвистические приёмы	103
4. Автороведческая экспертиза и идентификация личности	112
4.1. Особенности автороведческой экспертизы	112
4.2. Определение психофизиологических свойств личности	115
5. Экспертизы об уточнении содержания товарных знаков	122
6. Недочёты звукозаписи	155

Часть II. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

1. Общие рассуждения	159
2. Арго	159
2.1. Названия арго	159
2.2. Происхождение и эволюция арго	163
2.3. Классификация арго	189
2.3.1. Общеуголовное арго	189
2.3.2. Тюремное арго	292
2.3.3. Специализированные арго	298
3. Условный и тарабарский языки	210
4. Нормы словоупотребления в речи криминальных элементов	215
5. Жесты и мимика преступников	224
6. Тагуировки	225
7. Пословицы и поговорки преступного мира	236
8. Клички	248
8.1. О степени изученности и статусе клички в русской антропонимической системе	248
8.2. О некоторых антропонимических официальных и неофициальных наименованиях человека	250

8.3. Состав и особенности русской клички	253
8.4. Место клички в криминальной ономастической системе	255
8.5. Функции клички	257
8.6. Информативность воровской клички	261
8.7. Особенности криминальных кличек в зависимости от социума	264
ПРАКТИКУМ ПО СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	275
ПРОВЕРКА УСВОЕННОГО МАТЕРИАЛА	281
ЗАДАНИЯ ПО ВТОРОЙ ЧАСТИ КНИГИ	285
ЗАДАНИЯ ПО ЭКСПЕРТИЗАМ	289
Заключение	321
Литература	323

ВВЕДЕНИЕ

Термин *лингвокриминалистика* имеет три аспекта изучения: 1) раздел науки о языке, изучающий текст в юридических целях; 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз; 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры.

Близок к нему термин *юрислингвистика*, который использует ряд учёных (например Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев), понимая под ним первые два значения термина *лингвокриминалистика*.

Учёный-лингвист Л.В. Калинина обобщила и вывела основные аспекты, относящиеся к термину *юрислингвистика*.

По её мнению, юрислингвистика — это научная дисциплина, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка и права.

В задачи юрислингвистики входят: изучение конфликтного (инвективного, манипулятивного, агрессивного, полиинтерпретативного) использования языка; изучение и практическая разработка юридическо-лингвистического аспекта государственного языка, языковой политики; разработка единых правил судебной экспертизы различных видов; лингвистическое образование специалистов в области права и т.д.

Юрислингвистика тесно связана с целым рядом смежных наук: лингвоконфликтологией, социолингвистикой, лингвоэкологией, теорией речевых актов, теорией лингвистической интерпретации, юриспруденцией, коммуникативистикой, герменевтикой, судебной психологией и др.

Главным объектом исследования лингвокриминалистов является текст как объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [Калинина 2015].

Наряду с основными терминами — лингвокриминалистикой и юрислингвистикой — нередко употребляются ещё и термины *судебное речеведение*, *лингвистическая экспертиза*. Но, дума-

ется, их объём намного меньше, чем у указанных выше терминов, и они неточно передают суть лингво-юридической дисциплины.

В нашей книге термин *лингвокриминалистика* включает также анализ элементов *субкультуры криминального мира*: арго (жаргон преступников), тарабарский и условный языки, клички, татуировки, тайные жесты и мимика, уголовные пословицы и поговорки. О важности знаний лингвистических составляющих криминальной субкультуры подробно говорится в соответствующих разделах книги.

Судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьёй, органами дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [Федеральный закон № 73 от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»].

Различаются следующие виды экспертиз: индивидуальные, комиссионные и комплексные. Как следует из названий: индивидуальные выполняет один специалист, комиссионные — два и более эксперта (от слова *комиссия*), комплексные — это экспертизы, в которых должно быть в зависимости от характера сложности два и более экспертов, имеющих специальные познания в разных сферах.

В связи со стремлением России к демократии и правовому государству усиливается роль новых дисциплин, связанных с юриспруденческими основами. Возрастает в настоящее время роль суда и судопроизводства, института присяжных заседателей. Многие дела теперь стали рассматриваться в правовом аспекте с учётом различных обстоятельств.

Существует мнение, что основная задача лингвокриминалистики — исключительно судебные лингвистические экспертизы или идентификация личности по её лингвистическим особен-

ностям. Но было бы ошибочно полагать, что круг данных экспертиз этим и ограничивается. Практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом рассмотрения лингвиста-эксперта. Лингвокриминалистика как раздел науки о языке в широком смысле преследует цель изучения текста, в узком понимании — составление лингвистических экспертиз. «...Право также ищет ответы на многие вопросы в языке», — справедливо утверждают учёные-эксперты [Голев, Матвеева 2002].

Несомненно, обучение проведению судебных лингвистических экспертиз занимает основное место в подготовке специалиста-лингвокриминалиста. Но, думается, основы знаний по лингвокриминалистике должны иметь и практические работники правоохранительных органов. Так, исследователь О.Н. Кравчук справедливо считает, что «значительная часть материалов, направляемых для производства фоноскопических экспертиз в ЭКУ ГУВД Нижегородской области, не пригодны для идентификации человека по голосу и устной речи ввиду низкого качества записи». Она считает, что в этом повинна не только слабая техническая оснащённость ОВД, но и неподготовленность сотрудников правоохранительных органов [Кравчук 2002].

Наиболее распространённые виды судебных лингвистических экспертиз связаны с оскорблением или негативной информацией (защитой чести и достоинства), установлением авторства, определением содержания понятия товарного знака, экстремизмом.

Иногда можно услышать и возражения от языковедов и юристов о целесообразности языковой дисциплины «Лингвокриминалистика».

Важность данной дисциплины для судопроизводства прокомментируем на, казалось бы, незначительном примере — отсутствии запятой в сложном предложении. Лингвистическая ситуация, типологически родственная расхожей фразе «*Казнить (,) нельзя (,) помиловать!*».

Приведём в качестве иллюстрации письмо главного редактора нижегородского журнала «Адвокат».

Уважаемый Михаил Александрович!

Мне в руки попал приговор суда, в котором допущена ошибка (боюсь ее квалифицировать с точки зрения лингвистики). Текст — ниже.

Говорить о важности грамотности мы не будем. Но нас интересует юридическая теория этой ситуации — воля законодателя (а решение суда равно по силе закону) одна, а из текста следует другая. Что это должно означать — прежнюю волю, изложенную с ошибкой или новую волю — согласно тексту?

В своем интервью нашему изданию Вы давали ответ на подобный вопрос, решив его «в пользу» грамматики. Думаю, практикующие юристы однозначно решат его в пользу сохранения «истинной» воли. Тема для нас не закрыта, сегодняшний казус — повод к ней вернуться.

Но, прежде чем использовать нынешний пример, хотелось бы удостовериться, что ошибка в нем все же имеется.

Если Вас не слишком обременит, проясните, пожалуйста, для нас лингвистическую ситуацию, вот текст:

«Суд установил» (далее идет описание преступления, совершенного Флягиным, убийства Есенкова с целью скрыть преступление, в том числе, наконец, интересующее нас предложение):

«Не желая допустить, того, что совершенное Флягиным С.О. преступление будет выявлено, а его причастность установлена, Флягин С.О. подбежал к Есенкову А.В., который при выходе из гаража упал и нанес ему неоднократные удары ножом в область груди».

При таких обстоятельствах, суд приходит к выводу о наличии в действиях Флягина С.О. квалифицирующего признака убийства, совершенного с целью скрыть другое преступление».

Когда читаешь, вроде наоборот, **Есенков бил Флягина**. Таким образом, то, что «суд установил», противоречит тем выводам, к которым пришел суд. Хочется убедиться, что:

1. Действительно тут есть ошибка с отсутствующей запятой? (Наверное, причастный оборот).

2. Что отсутствие запятой меняет смысл фразы (кто кого бил). Меня смущает текст «и нанес ему». Этот текст как будто бы делает позицию суда понятной, несмотря на отсутствие запятой. Вот если бы было «и нанес Флягину...»! Но думаю, что двойное толкование «и ему» (кому ему?) с точки зрения лингвистики решается не в пользу суда из-за пропущенной запятой, или тут есть нюансы? Словом, имеют ли мои сомнения насчет «и ему» значение, если там нет запятой? Или без запятой это уже не имеет значения, все равно смысл изменился, все равно ошибка?

Надеюсь, Вы сможете решить дело парой абзацев текста, которые послужат для нас авторитетной справкой (если угодно, готовы опубликовать Ваш комментарий + фото). Ибо за полноценную экспертизу рассчитаться с Вами издание не в состоянии.

Завещаю, что Ваша консультация нужна именно для публикации, а не для дела частного характера.

С глубоким уважением, Алексей Королев*.

Ответ на письмо главного редактора нижегородского журнала «Адвокат».

Уважаемый Алексей Николаевич!

Сначала относительно того, что «император не должен быть выше грамматики». Ведь языковые средства, использованные где-либо и когда-либо, основываются на правилах (законах), которые устанавливает общество. И эти правила должны соблюдать все члены общества, независимо от их социального статуса, и тем более юристы.

А теперь обратимся к конкретной ситуации (см. контекст):

«Не желая допустить, того, что совершенное Флягиным С.О. преступление будет выявлено, а его причастность установлена, Флягин С.О. подбежал к Есенкову А.В., который при выходе из

* Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

гаража упал и нанес ему неоднократные удары ножом в область груди».

Здесь, я думаю, Вы абсолютно правы: всё решает отсутствие запятой, которое в контексте создаёт двусмысленность. Но её перечёркивает вывод суда:

«При таких обстоятельствах, суд приходит к выводу о наличии в действиях Флягина С.О. квалифицирующего признака убийства, совершенного с целью скрыть другое преступление». т.е. убил А.В. Есенкова всё-таки С.О. Флягин.

Если была бы запятая, то придаточным предложением (предикативной частью) стала бы следующая часть фразы *«который при выходе из гаража упал»*. И в целом, со смыслом было бы всё в порядке: С.О. Флягин убил А.В. Есенкова.

А теперь разберём фразу с отсутствием запятой. Как видим, в этом случае придаточное предложение (предикативная часть) *«который при выходе из гаража упал и нанес ему неоднократные удары ножом в область груди»* увеличивается. Данная придаточная часть является определительной, стоящей после определяемых(ого) слов(а) *Есенкову В.А.* (и это указывает, что вся придаточная часть относится к словам *Есенкову В.А.*; слово *который* (относительное местоимение) является заменителем *Есенкову В.А.* и подлежащим. От него задаём вопрос (что сделал?) к сказуемым — *упал и нанёс*. Оба этих сказуемых выражены глаголами прошедшего времени и совершенного вида и являются в предложении однородными сказуемыми. Правило гласит: **между двумя однородными сказуемыми, соединёнными союзом *и*, запятая не ставится.**

Хотя эти же грамматические категории имеет и глагол-сказуемое *подбежал*, относящийся к Флягину С.О. (*Флягин С.О.* — подлежащее, *подбежал* — сказуемое). т.е. отсутствие запятой свидетельствует о том, что именно Есенков А.В. ударил ножом подбежавшего С.О. Флягина (упал и нанёс), а не наоборот. Однако в этой фразе нет пояснений, кто кого убил: С.О. Флягин А.В. Есенкова или же А.В. Есенков С.О. Флягина.

Но и это не всё. Наблюдается ещё один любопытный юридический казус: если А.В. Есенкова убил С.О. Флягин, то после нанесе-

ния последнему ударов ножом. т.е. здесь можно уже рассуждать о том, что С.О. Флягин совершил убийство в состоянии аффекта или обороняясь (однако в этом случае мы уже вступаем в область догадок).

ВЫВОДЫ

1. Запятая между двумя однородными сказуемыми *упал* и *нанёс* не ставится.
2. Отсутствие запятой свидетельствует о том, что именно А.В Есенков ударил ножом С.О. Флягина.
3. Отсутствие запятой создаёт ещё один юридический казус.

М.А. Грачёв.

Уже в процессе написания книги у автора возникла мысль о том, что адвокаты осуждённого могут обжаловать приговор суда, ссылаясь на двусмысленность толкования текста приговора.

«...Правоведы, — справедливо утверждает исследователь О.А. Морохова, — должны быть осведомлены о системно-языковых и функциональных свойствах естественного языка как субстрата языка юридического, и эти знания должны входить в лингво-юридическую компетенцию правоведов [Морохова 2006]. В то же время «...глубокое влияние лингвистики на юридическую сферу возможно лишь при таком моделировании юридического языка и речи, которое исходит именно из их специфики как отправной точки теоретических описаний или практических рекомендаций» [Нечипоренко 2006]. На практическое использование лингвистических данных указывает исследователь Е.И. Галяшина (доктор филологических и юридических наук). «Специальные познания в лингвистических дисциплинах, — подчёркивает она, — способствуют извлечению из речевого сообщения разнообразных фактологических и личностных данных участников переговоров и другой криминалистически значимой информации» [Галяшина 2003].

Широко известно то, что самым главным в судебных делах об оскорблении является перечень и характер оскорбительных

слов. Какие лексемы входят в их состав, в каких случаях они могут быть оскорбительными, а в каких — нет, как относиться к жаргонно-арготическим словам-инвективам с точки зрения определённых социальных групп — вот вопросы, на которые должен ответить лингвокриминалист. В книгах «Цена слова» и «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» уже сделана попытка классификации оскорбительных слов, но она нуждается в расширении и уточнении. Как показывает практика работы с правоохранительными органами, последние крайне нуждаются в методических рекомендациях по определению вербального оскорбления в делах о защите чести и достоинства. Существует потребность в конкретных примерах. Некоторые исследователи-лингвисты предлагают составить словарь, где «должна быть разработана новая система лексикографических помет (к примеру, *оскорбительное, неприличное, негативно-оценочное* и пр.), отражающая градацию инвективности» [Матвеева 2002]. Несомненно, такой словарь имеет право на существование. Но попутно возникает вопрос о реализации данных лексем в контексте и речевой ситуации. На это указывает известный лингвист В.И. Жельвис: «В юридической практике полезно учитывать, что часть оскорблений может время от времени использоваться в прямо противоположном смысле, как выражение восхищения или дружеского расположения: «Как он, собака, хорошо танцует!»... [Жельвис 2004].

Рассуждения выше не означают, что создание словаря инвектив нецелесообразно. Наоборот, данный словарь необходим как языковедам, так и юристам, он должен облегчить работу судопроизводства и написание лингвистических экспертиз. Трудность заключается в том, что каждая инвективная единица требует большого количества иллюстративного материала, т.е. необходимо привести конкретные примеры, показывающие случаи, когда слово может быть оскорблением и когда выступает в другой функции. Однако эти трудности вполне преодолимы: логично было бы использовать наиболее распространённые речевые ситуации.

В своей работе В.И. Жельвис акцентирует внимание на проблеме «бранного веса слов», «так как понятие оскорбительности ориентировано на слушающего», т.е. в различных социальных группах одни и те же слова могут восприниматься по-разному [там же]. Бесспорно, в этом случае нужно учитывать и субкультуру, и этические нормы определённых социумов. В то же время мы должны руководствоваться нормами литературного языка. Например, если уголовник назвал другого уголовника *помойкой* или *шваброй*, это будет оскорблением и в законопослушном обществе. Но в преступном мире эти слова являются инвективами с ярко выраженной негативной коннотацией, т.е. говорящий, произносящий их, ставит оппонента на низшую ступень криминальной лестницы, нанося ему при этом страшное оскорбление. Этот факт должен принимать во внимание лингвокриминалист и пояснять при необходимости следователю мотив преступления, однако, если дело касается оскорбления, он должен учитывать, что общество живёт по правилам законопослушных граждан, а не по законам криминальных групп. Поэтому, на наш взгляд, можно игнорировать утверждения истца о «смертельном оскорблении». В то же время известно, что ряд арготизмов перешёл в общенародный язык (см. примеры: *лох*, *козёл*, *шестёрка* и проч.), сохранив при этом ярко выраженную негативную коннотацию. В этом случае мы должны учитывать восприятие этих слов законопослушным населением. Действительно, в современном общенародном языке данные лексемы имеют пейоративную окраску.

Трудности могут возникнуть при определении характера вербального оскорбления, которое связано с восприятием и неумышленным употреблением арготизмов. К примеру, законопослушный гражданин назвал профессионального уголовника *голубком* (от *голубой* — гомосексуалист), *акробатом* — пассивным гомосексуалистом, *парафином* — человеком, стоящим на низшей ступени криминальной лестницы, *опарафиненным*. В уголовной среде данные лексемы считаются оскорблениями, а в законопослушном обществе они будут либо непонятыми в

определённом контексте, либо восприняты в общенародном значении.

Оскорбительные слова нередко связаны с негативной информацией. Однако последняя зачастую обходится без инвектив. Широко известно, что использованием негативной информации злоупотребляют в СМИ, предвыборных листовках, причём подача текста газетной статьи журналистом нередко осуществляется изобретательно: он ссылается на непроверенные факты, на мнение народа, на слухи и проч. Например, «по непроверенным фактам мэр г. Сибирска имеет любовницу», «по мнению народа, в мэрии процветает махровое взяточничество», «по слухам, начальник РОВД Иванов убил задержанного».

При написании ряда лингвистических экспертиз следует использовать исторический аспект. Например, исследователи-эксперты при анализе оскорбительных слов часто игнорируют диахронический аспект, однако известно, что уже до революции у юристов было понятие оскорбительных слов, например, профессионал-инвективы, интеллект-инвективы, социоморальные инвективы, каламбур-инвективы, полит-инвективы, сакрал-инвективы.

Существуют ещё многочисленные проблемы, связанные с использованием нецензурных слов. М.В. Горбаневский пишет о проблеме их использования в СМИ, считая, что употребление мата на полосах газет, по радио или телевидению должно рассматриваться как мелкое хулиганство [Горбаневский 2007]. И с этим нельзя не согласиться.

Конечно, нецензурные слова являются оскорбительными по своей сути, и если они направлены в чей-то адрес, то явно оскорбляют адресата. Однако нужно учитывать, что обценная лексика может менять при определённых речевых ситуациях свою направленность.

При судебных лингвистических экспертизах возникают вопросы, связанные с уточнением языкового характера товарного знака.

Лингвисту-эксперту иногда приходится решать проблемы, связанные с неправильной формулировкой закона.

Так, в законе РФ «О рекламе» имеется следующая информация (см. текст ст. 7. Недостоверная реклама): «Недостоверной является реклама, в которой присутствуют не соответствующие действительности сведения, в отношении: ...использования терминов в превосходной степени, в том числе путём употребления «самый», «только», «лучший», «абсолютный», «единственный» и тому подобных, если их невозможно подтвердить документально». Но выделенные курсивом слова терминами не являются... И тем не менее эксперт-лингвист нашёл выход из этой непростой ситуации, используя следующий текст: «Выражение “термины в превосходной степени”, употреблённые в законе РФ «О рекламе» (см. выше текст ст. 7. Недостоверная реклама) следует интерпретировать как слова, использованные в рекламе и имеющие общее значение «исключительности, превосходности, безусловности». Доказательством этого служат значения лексем, употреблённые в качестве иллюстрации данного закона.

В настоящее время идет реформирование суда, и языковеды-эксперты, которые вносят существенный вклад в данные изменения, должны решать конкретные проблемы, стоящие перед лингвокриминалистикой.

Сотрудники судебно-правовой системы могут устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу на основе специальных филологических познаний. Работники суда, прокуратуры, адвокатуры нередко сталкиваются с трудностями назначения лингвистической экспертизы, не зная, как правильно сформулировать вопросы эксперту, как проверить его компетентность.

Задачи лингвокриминалистики, решаемые в данной книге, — это ознакомление сотрудников судебно-правовой системы с методами и приёмами толкования текстов, их интерпретацией.

Юрист должен иметь понятие об основных лингвистических процессах, которые могут упоминаться в судебных экспертизах: *тавтологии, плеоназме, метафоре, метонимии, лексическом значении слов, эвфемизме, типах речевых ошибок* и т.д. Он должен хорошо знать те лингвистические термины, которые непо-

средственно касаются судебной лингвистической экспертизы и суда: *неприличная форма; негативная информация; обценная лексика; инвективная лексика* и др.

Далеко не последнюю очередь в лингвистической экспертизе играет *антураж* (фр. *entourage*) — среда, обстановка или окружение, обычно как объект изображения, декорация и т.п.

К сожалению, антураж статей, брошюр или книг пока мало исследован. Хотя навыки его анализа обязательны для эксперта-лингвиста. Конечно, чаще всего он является дополнительным аспектом исследования в лингвистической экспертизе, но иногда может сыграть и решающую роль.

Приведём такой пример: в одной из нижегородских газет рядом со статьёй «МОП приходит в любую погоду», в которой содержалась негативная информация, было помещено изображение паука, что усиливало отрицательный эффект воздействия публикации. Образ паука (в отличие, например, от образов пчелы, муравья — символов трудолюбия) — отрицательный символ, нередко отождествляемый с коварным человеком, плетущим интриги. Не случайно рядом со статьёй «МОП приходит в любую погоду» автор (редактор) поместил две статьи, в которых содержится положительная (чуть ли не хвалебная) информация о предпринимателях («Как дефолт заставил заложить парфюм в банке», «И сказка стала былью»). Эффект противопоставления — *злой, своевольный МОП, мешающий работе бизнесменов, и хороший предприниматель* — от этого усиливается.

Нередко антураж в качестве подачи негативной информации используется совместно с другими вербальными средствами (заголовком, эпиграфом).

Перед экспертами был поставлен следующий вопрос: «Содержится ли в статье “Прокурорские забавы”, опубликованной в № 14 (339) газеты “Ленинская смена” от 05—11 апреля 2007 г., и на первой странице указанной газеты негативная информация о Смирнове А.А.?»

Проведённое исследование показало, что в контексте представленной на экспертизу публикации имеются фрагменты, ко-

торые содержат сведения, несущие негативную информацию, относящуюся к прокурору А.А. Смирнову.

На первой странице исследуемой газеты и в оформлении статьи имеются фрагменты (вербальные и иллюстративные), содержащие негативную информацию о Смирнове А.А. или усиливающие негативный фон статьи.

Основной текст статьи «Прокурорские забавы», помещённый на седьмой странице газеты «Ленинская смена» № 14 (339) от 5—11 апреля 2007 г., предваряют коллаж, эпитафия (заголовок?) и анонс, расположенные на первой странице.

Эпитафия (заголовок?) находится в левом верхнем углу газеты и набран крупным шрифтом. Он представляет собой выдержку из широко известной песни В.С. Высоцкого «Ой, где был я вчера»: «...Будто голым скакал, / будто песни орал, / а отец, говорил, / у меня генерал!» Эти строчки должны вызвать у читателя ассоциацию со всей песней, содержащей рассказ о дебоше пьяного лирического героя.

Справа от эпитафии (заголовка?) имеется **коллаж** к статье: изображён высокомерный (спесивый) сотрудник правоохранительных органов (предположительно полковник милиции), на столе бутылки (предположительно со спиртным) и атрибут правосудия — деревянный молоточек (спиртное и молоточек — своеобразные символы), на фоне вывески прокуратуры — три выпивающие, смеющиеся девушки. **Коллаж** явно дополняет смысл заголовка и настраивает читателя на то, что в основном тексте статьи **содержится негативная информация о представителях правоохранительных органов**. Ниже эпитафии (названия?) приводится **анонс** статьи: «В прокуратуре тоже люди работают, а не какие-нибудь там «Железные Феликсы». 9 марта это наглядно продемонстрировал прокурор Шатковского района Андрей Алексеевич Смирнов...». **Анонс** статьи является интригующим, намекающим читателю на то, что **речь в основном тексте пойдёт о незаконных действиях прокурора**. Эпитафия (название?), коллаж и анонс на первой странице явно направлены на дискредитацию правоохранительных органов. Не случай-

но рисунок и анонс повторяются на седьмой странице указанной газеты.

В конце статьи (на с. 7 указанной газеты) также имеется коллаж, изображающий на фоне судебного «Дела» прапорщика, заводящего руки за спину (надевающего наручники?) нарушителю закона в штатской одежде, предположительно полковнику правоохранительных органов (на переднем плане изображены полковничьи погоны). Коллаж также включает в себя изображения автомашины (иномарки), бутылки спиртного с соской, полстакана спиртного, огурца и двух кусков хлеба на тарелке. На «Деле» лупой увеличено название населённого пункта — Шатки. По сути, второй рисунок является композиционным продолжением первого: он показывает, что привело к преступлению и каков возможный финал для нарушителя закона. **Оба коллажа — явный намёк на противоправные действия прокурора Шатковского района А.А. Смирнова**, которые описаны в основном тексте статьи.

Несомненно, эксперт-речевед должен уметь анализировать текст, так как ему приходится сталкиваться с многочисленными ошибками как пунктуационно-орфографического, так и стилистического характера.

Порой перед лингвистами юристы ставят и задачи справочного характера, например, нами был получен следующий запрос.

Прокуратура Российской Федерации	№
Прокуратура Нижегородской области	Заведующему кафедрой русского языка и общего языковедения доктору филологических наук профессору Грачёву Михаилу Александровичу
Прокуратура Канавинского района г. Нижнего Новгорода	На №
ул. А. Пешкова, д. 14, г. Н. Новгород, 603002 тел. 46-41-09	

В производстве прокуратуры Канавинского района г. Н. Новгорода находится уголовное дело № 123647, возбуждённое 13.08.2005 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4

ст. 111 УК РФ, по факту обнаружения 13.08.2005 г. у дома 11 по ул. Акимова г. Н. Новгорода трупа Предкова Д.Э. 1980 г.р.

Обвиняемыми по настоящему делу являются Абдулмуслимов И.О. и Хасбулаев Х.Ж.

Обвиняемому Абдулмуслимову И.О. назначен переводчик в связи с тем, что обвиняемый не в полной мере владеет русским языком. Языком, которым владеет Абдулмуслимов, является цезский. В настоящее время возникла необходимость в переводе постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения по данному уголовному делу.

На основании вышеизложенного, прошу Вас предоставить в наш адрес заключение о том, имеется ли письменность у цезской языковой группы.

Ст. следователь прокуратуры Канавинского района
г. Н. Новгорода юрист 3 класса
т.р. 46-47-62 Г.В. Патяева*

Ответ на запрос прокуратуры Канавинского района г. Нижнего Новгорода:

Государственное образовательное учреждение
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ст. следователю прокуратуры
Канавинского района г.
Н.Новгорода
юристу 3-го класса Г.В. Патяевой

В ответ на Ваш запрос от 16.11.2005 г. сообщаю следующее: цезский язык принадлежит к цезской подгруппе аваро-андо-цезских языков. Имеет большое количество диалектов. В школе *цезы* обучаются на аварском языке, который широко распространён среди цезского населения и используется им в общественной жизни.

* Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

ни и как средство общения с соседями. Число говорящих на цезском языке — около семи тысяч человек.

Язык бесписьменный.

21.11.05.

Заведующий лабораторией
социопсихолингвистических исследований профессор,
доктор филологических наук М.А. Грачёв

В настоящее время становятся действенными комплексные экспертизы, в которых принимают участие специалисты разных областей знаний. Особая роль в них должна отводиться лингвисту-эксперту. Так, при назначении сложной судебно-экономической экспертизы, не обойтись без специальных языковых знаний, которые помогут установить личность писавшего документы, идентифицировать текст и проч. Между тем, лингвистические вопросы в судебно-экономических экспертизах почти не рассматриваются (см., например: [Ванаев 1999]) и возможная помощь языковедов ещё остаётся невостребованной. Порой комплексные экспертизы, в которых должен участвовать лингвокриминалист, называют «нетрадиционными судебно-психологическими» [Аврамцев 2004].

Часть I. ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

1. Место лингвокриминалистики в составе криминалистики

Учёные-криминалисты все судебные экспертизы обычно делят на двенадцать классов: 1) криминалистические; 2) медицинские и психофизиологические; 3) инженерно-технические; 4) инженерно-транспортные; 5) инженерно-технологические; 6) экономические; 7) биологические; 8) почвоведческие; 9) сельскохозяйственные; 10) пищевых продуктов; 11) экологические; 12) искусствоведческие.

Как видим, лингвистическая экспертиза в криминалистике не выделяется в особую отрасль. Она входит в первый класс экспертиз — криминалистических, который включает в себя три вида: А — традиционные криминалистические, формирование которых относится в основном к периоду возникновения и становления судебных экспертиз; Б — экспертизы, формировавшиеся в последние десятилетия XX в.; В — различные виды исследований материалов, веществ, изделий, выделяемые в самостоятельный род, также именуемые материаловедческими. К группе экспертиз А относятся: автороведческая; баллистическая; почерковедческая, портретная, техникокриминалистическая экспертиза документов; трассологическая; холодного оружия (см.: [Зинин, Майлис 2002: 54—59]). Как видим, в характеристике нет даже упоминания о лингвистической экспертизе. Автороведческая экспертиза юристами рассматривается лишь как один из разрядов криминалистической экспертизы. Данное «неравноправие» должно измениться, так как в настоящее время лингвистические вопросы, требующие разрешения в юриспруденции, становятся актуальными. Не исключено, что лингвистическая экспертиза сможет выделиться в

самостоятельную отрасль, так как в её понятие входят все экспертизы, связанные с текстом.

Лингвистическая экспертиза проводится по тем же правилам и законам, что и любая другая.

Профессор Т.В. Губаева о порядке проведения экспертиз: «Так, согласно ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации” в заключении или комиссии экспертов должно быть отражено:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основание производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, об эксперте (Ф.И.О., образование, специальность, стаж работы, учёная степень и учёное звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с Законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием применённых методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам» [Губаева 2002].

Главным объектом исследования лингвокриминалиста является *текст*.

Под ним обычно понимается «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свой-

ствами которой являются связность и цельность». Как видно из определения, текстом можно считать и иллюстрации, и различного рода дорожные знаки, и условные знаки моряков и проч., т.е. любую информацию, имеющую систему. Любой текст (а значит, и любая информация) появляется и существует в определённом социально-культурном пространстве. Именно оно порождает информацию и определяет механизмы её интерпретации. Заметим, что параметр времени является ключевым.

Одним из распространённых видов экспертиз являются исследования, связанные с защитой чести и достоинства и деловой репутацией.

Основные понятия, связанные с этими категориями, делятся на три группы:

1. Объект воздействия — *честь, достоинство, престиж, репутация*.

2. Характеристика процесса и средства воздействия — *сведения, унижение (чести и достоинства), клевета, оскорбление, неприличная форма, циничная форма, нецензурные выражения*.

3. Результат воздействия — *моральный вред, нравственные страдания*.

Честь — способность человека оценивать свои поступки, действовать в нравственной жизни в соответствии с принятыми в обществе моральными нормами, правилами и требованиями. Дискредитация человека в общественном мнении есть унижение чести [Понятия чести, достоинства и деловой репутации 2004].

Достоинство — положительное отражение социальной оценки качеств человека в собственном сознании.

Деловая репутация — общественная оценка деловых качеств физического или юридического лица в глазах контрагентов, клиентов, потребителей и других лиц.

Распространение сведений — опубликование сведений в печати, трансляция по радио и телевидению, демонстрация в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет; изложение в

служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам; сообщение сведений в устной или иной форме хотя бы одному лицу.

Порочащими называют сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправомерном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица [Арапова, Ледовских 2006].

Клевета — распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

Оскорбление — унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

Негативная информация — это информация, содержащая отрицательный семантический компонент, т.е. под негативной понимается такая информация (сведения), которая содержит *отрицательные характеристики лица* — юридического или физического — с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имеющий специальных познаний в области юриспруденции). Если такая негативная информация не соответствует действительности, то она унижает честь, умаляет достоинство и (или) порочит деловую репутацию того лица, к которому относится.

Понятия «честь», «достоинство», «репутация» определяют близкие между собой нравственные категории. Различие между ними лишь в субъективном или объективном подходе при оценке этих качеств: если имеется в виду объективная оценка человека — речь идёт о чести, а если субъективная — о достоинстве.

Таким образом, унижение чести — это результат дискредитации человека в общественном мнении.

Все вышеперечисленные термины связаны с *диффамацией* — унижением чести, достоинства и деловой репутации, умалением достоинства в неприличной форме или путём распространения не соответствующих действительности, иногда заведомо ложных сведений порочащего характера [Арапова, Ледовских 2006]. В ходе судебной лингвистической экспертизы нужно установить следующие её признаки: присутствуют ли в тексте негативные высказывания об истце; адресованы ли эти высказывания лично истцу; для чего служат негативные высказывания: характеризуют конкретные действия или слова потерпевшего (типа «N ворует», «N хамит»); дают обобщённую оценку его личности в целом (типа «N — вор», «N — преступник», «N — хам», «N — проститутка»); используется ли в этих высказываниях оскорбительная лексика и фразеология; имеют ли анализируемые высказывания неприличную форму [Взгляд 2005].

Информация в тексте может быть выражена в форме *утверждения, мнения, оценки или предположения*.

Утверждение — это мысль, положение, *высказывание*, утверждающее что-либо [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Под термином «*высказывание*» понимается лингвистически оформленное, логически завершённое *суждение*, выражающее законченную мысль и оформленное как предложение.

В научной теории логики содержится следующее определение *утвердительногo суждения (утверждения)*: это суждение, в котором отображается связь предмета и его признаков (см.: [Кондаков 1975]). *Грамматически* утвердительное суждение выражается формой *повествовательного предложения* — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения о фактах или событиях распознаются в тексте по отсутствию в предложении маркированности специальными вводными конструкциями и наречиями, выражающими неуверенность, сомнение, или по наличию маркированности конструкциями, подчёр-

квивающими достоверность сообщаемого (например, «известно», «точно», «доподлинно», «несомненно», «фактически» и др.). Утверждения могут быть *истинными и ложными*.

Вопросительные предложения утвердительных суждений не содержат. Постановка вопросительного знака, как правило, связана с тем, что данное предложение содержит в себе вопрос — особую форму рассуждения, не являющуюся суждением о чём-либо, т.е. не содержащую ни утверждения, ни отрицания чего-либо [Горский, Ивин, Никифоров 1991]. Исключение составляют отдельные разновидности вопросительного предложения, которые могут выражать утверждение или отрицание. Это, во-первых, *вопросительно-отрицательные предложения*, в которых под видом вопроса выражается отрицание, и, во-вторых, *вопросительно-риторические предложения*, содержащие утверждение или отрицание в форме вопроса, на который не ожидается ответ (см.: [Розенталь, Теленкова 1983]).

Мнение о фактах, событиях, лицах (в отличие от высказывания о фактах в форме утверждения) предполагает явное указание на носителя мнения. Выражение мнения распознаётся *по наличию определённых слов и конструкций*, указывающих на него (например, «по моему мнению», «я считаю», «я полагаю» и т.п.). Если такие маркеры отсутствуют, то адресат текста (получатель информации) имеет дело с утверждением, а не с мнением. Мнение, в отличие от утверждения, не может быть истинным или ложным, но оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, не основанным на фактах. Человек может формировать своё мнение сознательно, рационально оценивая факты, или бессознательно, не отдавая себе отчёта в том, почему он так считает.

Предположение, в отличие от утверждения, содержит *специальные маркеры* — слова, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из возможных версий (например, «может быть», «вероятно»,

«по-видимому», «как представляется» и т.д.). Предположение является *одной из форм выражения мнения*, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности.

Семантические компоненты, потенциально закреплённые в значении той или иной лексемы, актуализируются (проявляются) *в зависимости от контекста*, в котором они употреблены [Петренко 1997]. Значения конкретных лексических единиц и высказываний, употреблённых автором текста, определяются исходя из микроконтекста (словесного окружения) и макроконтекста (содержания и композиции текста в целом).

Оценка фактов, событий, лиц выражается при помощи *определённых оценочных слов или конструкций*, в том числе эмоционально окрашенных, модальных, в значении которых можно выделить элементы «плохой / хороший» или их конкретные разновидности («добрый / злой» и др.). При наличии положительной оценки может идти речь о позитивной информации. При наличии отрицательной оценки — о негативной информации.

Следует разграничить *высказывания*, содержащие негативный семантический компонент, подлежащие проверке (верификации) на соответствие действительности, и *высказывания оценочного характера*. Соответственно негативная информация может быть фактологической (о поступках, обстоятельствах деятельности людей или о событиях) или же оценочной (содержать субъективное мнение, основанное на представлениях о том, что хорошо, а что — плохо).

Итак, сведения — это *высказывание в форме утверждения о факте* (реальном, конкретном событии), *которое можно верифицировать*, т.е. проверить на истинность или ложность. Мнение выражает *соответствие оцениваемого факта* не действительности, а *субъективным представлениям* отдельного человека — выразителя мнения. Критерием разграничения сведений и мнения является *принципиальная возможность* или невозможность *верификации информации*, изложенной в вербальной (словесной) форме. Верификации подлежат сведения.

Мнения проверить на соответствие действительности невозможно [Цена слова 2002].

Чтобы выявить основную форму подачи информации в больших текстах, следует подсчитать общее количество предложений (это можно сделать с помощью компьютера), выявить предложения с утверждением, мнением, предположением, оценкой. Например, книга экстремистского характера содержит 14 000 предложений. Не выражают мнения, оценки, утверждения, предположения вопросительные предложения. Общее количество вопросительных предложений — 151 (включая заголовки и содержание). Предложения, выражающие мнения, оценку, предположение, составляют 349 единиц. Все они, в целом, равномерно распределены по тексту книги. Следовательно, утвердительные (и частично отрицательные) составляют 13 500 единиц. Можно сделать вывод, что информация в тексте данной книги, в целом, является утвердительной.

Факт — это достоверно установленное знание о чём-либо [Спорные тексты 2005].

Лингвист-эксперт не может установить наличие клеветы — это прерогатива следствия и — шире — юристов. Но «ведущим признаком клеветы (ст. 129 УК РФ), необходимым для возбуждения уголовного дела по данному составу, является наличие определённой языковой формы, а именно: высказывание в форме утверждения о факте или событии» [там же].

Нередко автор (чаще журналист) использует систему вводных слов, предложений и конструкций; вопросительных предложений, ссылку на определённые (и неопределённые) источники, чтобы вызвать у читателя нужные ассоциации. В качестве примера можно рассмотреть характер лингвистической экспертизы. Перед экспертом были поставлены следующие задачи и вопросы:

1. Дать стилистический и лексический анализ текста статьи под названием «Министр МВД сидел в Лефортово?», опубликованной в 41-м номере газеты «Московский комсомолец в Чебоксарах».

2. Содержит ли текст вышеуказанной статьи негативную информацию об Антонове В.В. — министре внутренних дел Чувашской Республики?

3. Если содержит, то в какой форме: утвердительной, предположительной или в какой-нибудь другой?

ИССЛЕДОВАНИЕ

Статья И. Завидовой «Министр МВД ЧР сидел в Лефортово?» помещена под рубрикой «Корзина слухов». Это нацеливает читателя на то, что дальше будет использована непроверенная информация (слухи).

Название статьи «МИНИСТР МВД СИДЕЛ В ЛЕФОРТОВО?» (выделенное крупными буквами) призвано привлечь читателя необычностью информации.

Первый абзац статьи начинается со слов «*Говорят*, что Вадима Антонова “попросили” освободить...», что также свидетельствует о непроверенной информации, о слухах. Во втором абзаце уже явно утверждается: информация, содержащаяся в первом абзаце, является слухом (см. первое предложение второго абзаца: «*Шокирующий слух* уже больше месяца *мустируется* в народе»). В дальнейшем автор перечисляет те слухи, которые имеют место в народе, причём они приводятся по нарастающей шкале: министр, будучи за рулём в нетрезвом состоянии, сбивает женщину и скрывается с места происшествия, убивает случайного свидетеля, который (в дальнейшем) якобы оказывается ребёнком потерпевшей (!). Причём эти преступления он совершает в неопределённом месте: то «в Нижнем Новгороде, то в Йошкар-Оле, то в Тольятти» — всё это также указывает на слухи. То есть он предстаёт комическим злодеем, который в конце концов попадает в лефортовскую тюрьму. Но из неё он выходит благодаря связям. Комизм ситуации усиливается из-за того, что его всё же отправляют в отставку вместе с его заместителем. (Но заместителя-то за что?). Всё это говорит об ироничности и сатиричности повествования. Явно, что журналистка хотела посмеяться над

слухами (и над теми, кто их распускает), а не опорочить честь и достоинство министра внутренних дел. Анализ других статей И. Завидовой под той же рубрикой — «Корзина слухов» (см., например, заметку «Бананы заражены трупной палочкой» — «МК в Чебоксарах» от 18—25 октября 2001 г.) показывает, что у автора такой ироничный стиль, благодаря которому она высмеивает слухи. Лексика двух первых абзацев, использованная в заметке «Министр МВД сидел в Лефортово», подчёркивает ироничность и сатиричность повествования тех, кто распространяет слухи: И. Завидова называет их *вездесущими*, употребляет выражение министр *смывается* (просторечное слово, которое также вносит элемент комичности: человек, занимающий большой пост в правительстве ЧР, и *смывается*, т.е. быстро и незаметно (как мальчишка-хулиган) уходит (убегает) с места происшествия). И. Завидова для комического (сатирического) эффекта использует и другие языковые средства: слова и фразеологизмы с переносными значениями (*мягкое кресло* — «высокая и выгодная должность»), архаизмы (сии деяния — «эти действия») и т.п.

Третий абзац опровергает слухи, о которых идёт речь в первом и втором абзацах, причём это опровержение категоричное, см. предложения: «Откуда взялись эти слухи — понять сложно. Сейчас лишь можно с *уверенностью сказать*, что они *не подтверждаются*». Причём в третьем абзаце тон повествования меняется с ироничного и сатирического на серьёзный, уважительный по отношению к министру МВД ЧР; например, если в первых двух абзацах его называли «Вадим Антонов», то в третьем — «Вадим Валентинович». Косвенным подтверждением уважительного отношения журналистки к министру является свидетельство о том, что В.В. Антонов «находится в *очередной командировке в Чечне*» (т.е. *неоднократно подвергался опасностям* — таков подтекст). В абзацах уже отсутствует лексика, способная создать сатирический эффект (см. предыдущие рассуждения по первому абзацу). В дальнейшем автор ссылается на пресс-службу МВД ЧР, которая также категорически говорит о необоснованности слухов, см. фразу: «Пресс-служба МВД

ЧР опровергла всякие догадки журналистов и не только о ДТП и других криминальных случайностях, которые якобы происходили с министром: «Иначе его бы арестовали!». Но здесь, нам кажется, неправильно использовано выражение «криминальные случайности», что в определённой степени снижает тональность последнего абзаца. Получается, что министр МВД может совершить не преступление, а «криминальную случайность»

Негативно может воспринять информацию невнимательный и неподготовленный читатель (тот, кто читает выборочно или начало статей, тот, кто отрицательно относится к правоохранительным органам и т.п.). Такая категория читателей будет утверждать, что «народ зря говорить не будет», «нет дыма без огня» и т.д. При беглом чтении складывается впечатление, что автор пересказывает непроверенные слухи (тем самым распространяя их). На негативное восприятие информации этой категории читателей будут играть следующие лингвистические факторы: двусмысленное название «Министр МВД ЧР сидел в Лефортово?»; попутное замечание, содержащееся в скобках, см. фразу: «Чудом вызволили его оттуда собственные сотрудники (*благо, связей хватает*)...», здесь как бы намёк на защиту чести мундира правоохранительными органами. Антураж заметки (фотография В.В. Антонова, выделение текста чёрным цветом); выделение первого абзаца особым шрифтом, в котором говорится о «преступной» деятельности В.В. Антонова, — всё это может способствовать двусмысленному восприятию текста статьи невнимательным и неподготовленным читателем.

ВЫВОДЫ

1. Текст статьи Ирины Завидовой «Министр МВД сидел в Лефортово?», опубликованной в № 41 газеты «МК в Чебоксарах», не содержит негативной информации об В.В. Антонове — министре внутренних дел Чувашской республики.
2. Негативно текст о В.В. Антонове может воспринять лишь невнимательный и неподготовленный читатель (тот, кто читает выборочно или только начало статей, тот, кто отрицательно относится к правоохранительным органам и т.п.).

Информация может быть **прямой, затекстовой** и **подтекстовой**. *Прямая* информация содержит непосредственное указание на какие-либо факты, а затекстовая — опосредованно, путём намёков, иносказаний.

Затекстовая форма подачи информации — информация о ряде аспектов события в тексте непосредственно не выражена и вместе с тем подразумевается, что и говорящий, и слушатели её знают [Цена слова 2002].

Подтекстовая форма, когда информация не содержится непосредственно в тексте, но легко понимается из него читателем или слушателем, здесь прямой оценки может и не быть, однако «факт даётся в таком контексте, что оценка логически выводится из него» [Спорные тексты 2005].

В лингвистических экспертизах в основном используется четыре вида анализа:

1. *Контент-анализ*, определение текстовых фрагментов, актуальных для настоящего исследования согласно тематике поставленных вопросов.

2. *Семантико-синтаксический анализ* высказываний в пределах сформированной картотеки микроконтекстов.

3. *Логико-грамматический анализ* языковых единиц, входящих в выбранные текстовые фрагменты.

4. *Лексико-семантический анализ* ключевых наименований (с учётом микро- и макроконтекста, а также жанра и композиции как исследуемого текстового источника, так и текста-ссылки).

2. Оскорбительные и обидные слова

2.1. Из истории изучения вопроса

Летописи указывают, что клеветник и оскорбитель в Древней Руси осуждался на телесное наказание, иногда даже приговаривали к отрезанию (вырыванию) языка. Такие же суровые наказания имелись в древности и у других народов. Так, «...Древнейшее исландское законоположение за словесное и письменное

обесчещенье гражданина осуждает виновного на изгнание и пенью; за сочинение ругательной песни наказывались изгнанием и пенею; за укоризну же в трусости, женоподобности — смертью. Далее в “Уложении” с точностью означены пени денежные за *бесчестье и непригожее слово*, за кои часто бывали разорительные тяжбы» [Снегирёв 1996].

В русском уголовном праве 2-й половины XIX в. даётся следующая классификация бранных слов:

а) бранные и ругательные слова (к ним относятся матерные слова, а также лексемы и выражения, употребляемые исключительно для ругани (*стерва, сволочь, каналья*); по мнению авторов «Уголовного права», они «бессодержательны и не имеют внутреннего значения»;

б) злословие или поносительные слова (они выражают суждения о нравственном поведении личности (*дурак, подлец, распутная женщина, вор, мошенник, мазурик*);

в) неприличное название других национальностей (еврея — *жидом*, немца — *немчурой, француза* — французишкой);

г) неполные имена (*Гришка* вместо Григорий Иванович);

д) упрёки, укоры (если кто-либо будет укорять женщину за её развратную жизнь);

е) аморальные и противозаконные предложения (например, если *кому-либо предложили взятку или предложили женщине переночевать у мужчины*);

ж) насмешки, презрительные выражения, выраженные в унижительной («площадной») форме (например, *рассступись земля — навоз ползёт* — о человеке).

Уголовное законодательство не считало за оскорбительные неуместные и невежливые отзывы или суждения (например, *ты самолюбив, гордец, тщеславен, скуповат*) [Уголовное право 1892].

2.2. Оскорбительные слова

В современной лингвокриминалистике выделяются следующие **разряды слов, использование** которых в отношении опре-

делённого лица является **оскорбительным** (а сами лексические единицы именуются **инвективами**):

1. Слова и выражения, обозначающие социально осуждаемую деятельность (*бандит, жулик, мошенник* и т.д.).

2. Названия ряда профессий, употребляемые в переносном значении (*мясник, палач* и т.д.).

3. Фито-зоосемантические метафоры — метафоры, отсылающие к названиям животных и подчёркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: неуклюжесть (*корова*), глупость (*осёл*) и т.п.

4. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию (*негодяй, хам* и пр.).

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*воровать, ханнуть* и т.д.).

6. Прилагательные с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*продажный, подлый* и т.п.).

7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер (*женщина лёгкого поведения, интердевочка* и пр.).

8. Нецензурные слова, использованные в качестве характеристики определённого лица.

9. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования (*коммуняки, дерьмократы* и т.п.).

10. Ненормативные лексико-фразеологические единицы из жаргонов, территориальных диалектов, просторечия, например, *растащиловка, козёл, вертухай* и пр.

11. Пейоративные личные имена (например, имена *Колька, Люська* в определённом контексте).

12. Диминутивы с суффиксами, придающими слову пренебрежительно-уменьшительный оттенок (например, *депутатишка* — «плохой депутат», *лекаршишка* — «плохой лекарь», *токаришка* — «плохой токарь» и пр.).

Исследователь О.Н. Матвеева использует и другие названия оскорбительных слов, но суть остаётся та же: «Среди те-

матических классов слов можно назвать интеллект-инвективы (*глупец, болван, дурак*), социоморальные инвективы (*подлец, мерзавец, хам*), полит-инвективы (*расист, обструкционист*), национал-инвективы (*чурки, хачики, жида, чёрные*), профессионал-инвективы (*мясник, коновал, свинопас*), зоо-инвективы (*баран, осёл, свинья*), секс-инвективы (*голубой*), жаргон-инвективы (*вертухай, петух*), эвфемизм-инвективы (*девушка лёгкого поведения*), каламбур-инвективы (*дерьмократы*), мат-инвективы, инвективы-сравнения с историческими одиозными личностями и литературными персонажами [Матвеева 2002: 55]*.

Однако не всегда эти оскорбительные слова могут быть оскорблениями. Так, они не могут быть оскорблениями, если не направлены против кого-либо, т.е. отсутствует вербальное и невербальное (мимико-жестовое) указание на потерпевшего.

В доказательство этому приведём пример лингвистического исследования, проведённого автором книги.

Ответчицей М.Н. Думиной описана следующая лингвистическая ситуация: «Я произнесла в присутствии Валуева Н.А., Валуевой В.В. и Пырова А.Ю. одно слово *козёл*, вырвавшееся как междометное, без контекста, без сопроводительных жестов и мимики в адрес кого-либо (в тот момент я думала о своём муже)».

На разрешение лингвиста-эксперта были поставлены **следующие вопросы:**

* Подробнее об оскорбительных словах см. в кн.: Цена слова: Из практики лингвистических текстов СМИ в судебных процессах по защите чести достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002. — С. 329—331, 333—340; Грачёв М.А. Актуальные проблемы отечественной лингвокриминалистики // Социальные варианты языка-V. — Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. — С. 4—8, также об оскорбительном и унижающем человеческое достоинство имени собственном см. в кн.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — С. 76—77.

1. Является ли слово *козёл* оскорблением кого-либо в описанной лингвистической ситуации?

2. Каково отношение к употреблению слова *козёл* в описанной лингвистической ситуации со стороны участников судебных процессов: Н.А. Валуева, В.В. Валуевой, А.Ю. Пырова, М.Н. Думиной?

3. Содержится ли в речи Н.А. Валуева скрытая угроза в адрес М.Н. Думиной в связи с употреблением слова *козёл*?

Для лингвистического исследования **представлен следующий материал:**

Заявление на проведение лингвистического заключения от 13.12.2007 г. — 1 с.

Ксерокопия заявления Н.А. Валуева от 12.08.2007 г. — 2 с.

Ксерокопия протокола заседания суда от 8.10.2007 г. — 8 с.

Ксерокопия приговора суда от 14—15 декабря 2007 г. — 14 с. и 12 с.

Ксерокопия кассационной жалобы в Коллегию по уголовным делам Нижегородского областного суда от 18 декабря 2007 г. — 6 с.

Примечание эксперта: в постановлении суда сохранены стилистика, орфография и пунктуация судебных документов.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Для решения поставленных вопросов было проведено лингвистическое исследование представленного материала **в соответствии с методиками** производства лингвистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, **рекомендованными к использованию** при проведении лингвистических экспертиз **решением Научно-методического совета при председателе правления ГЛЭДИС** в 2002 г. (подробнее см.: [Цена слова 2002]).

По результатам исследования *каждого высказывания, относящегося к предмету настоящего исследования, осуществля-*

лась **оценка** установленных **языковых фактов** и формировался **вывод по каждому из поставленных вопросов**.

Информация в тексте может быть выражена в форме *утверждения, мнения, оценки или предположения*.

1. Исследование по первому вопросу

Вопрос: Является ли слово *козёл* оскорблением кого-либо в описанной лингвистической ситуации?

Главная цель вопроса — установление признаков, необходимых для констатации фактов оскорбления.

Оскорбление как речевой акт обязательно направлено на конкретное лицо — адресата оскорбления. т.е. речевой акт оскорбления требует использования соответствующих неприличных выражений, направленных (адресованных) конкретному лицу [Осадчий 2007].

При вербальном оскорблении должно быть чётко очерчено коммуникативное намерение автора. Его нет, так как отсутствует контекст. При оскорблении должно прочитываться в самом высказывании авторское желание навредить адресату речи. Но в нашем случае оно не прочитывается, так как адресат речи отсутствует.

С семантической точки зрения оскорбление содержит два важнейших компонента. Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-то отрицательная характеристика (вне зависимости от того, соответствует это реальности или нет). Во-вторых, эта отрицательная характеристика вербализуется (выражается) в неприличной форме. Но в данной лингвистической ситуации отсутствуют и утверждение, и мнение, и оценка.

Поскольку речевой акт М.Н. Думиной состоит из одного слова, то по контексту невозможно установить, что конкретно имеется в виду. Понимание лингвистической ситуации осложняется ещё и тем, что данное слово не сопровождается жестами и мимикой.

Это как раз тот случай, когда только говорящий (произносящий слово *козёл*) может пояснить то, что он имел в виду. М.Н. Думина как раз и поясняет, имея в виду при произнесении

слова *козёл* своего отсутствующего при данной речевой ситуации мужа (с ним она была в разводе). Возможно, данные ассоциации у неё вызвали неправомерные, по её мнению, действия Н.А. Валугева. Хотя в этом случае мы уже вступаем в область догадок, тем более что она могла и не пояснять, кого имела в виду при произнесении лексемы *козёл*, чтобы не создать ещё один возможный юридический казус, направленный против неё.

В данной речевой ситуации нет предикативных отношений — отношений между подлежащим как носителем признака и сказуемым как выражением признака. т.е. в анализируемой лингвистической ситуации отсутствуют фразы, где бы конкретно прослеживались указания на Н.А. Валугева (например: «Ты, папа, *козёл!*», «А не кажется ли, что ты, Валугев, *козёл?!*», «Вы, Валугев, *козёл!*» и т.п.).

Произнесённое без соответствующего контекста, сопроводительных жестов и мимики слово *козёл* следует рассматривать как производное междометие, т.е. образованное от полнозначного слова, потерявшего свою номинативную функцию и произносимого с сильной эмоционально-экспрессивной окраской, например: *Беда! Крышка! Матушки! Караул! Дрянь!* и т.п. От знаменательных частей речи междометия отличаются тем, что они не обладают функцией называния, так как являются словами-сигналами, употребляемыми для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или человека [Розенталь, Теленкова 1983] И так, на основании отсутствия контекста, а следовательно, и предикативности, а также отсутствия специальных сопроводительных жестов, можно сделать однозначный вывод: оскорбления конкретного лица, в данном случае Н.А. Валугева, не было.

2. Исследование по второму вопросу

Вопрос: Каково отношение к употреблению слова *козёл* в описанной лингвистической ситуации со стороны участников судебных процессов: Н.А. Валугева, В.В. Валугевой, А.Ю. Пырова, М.Н. Думиной?

Рассмотрим вербальные и невербальные действия четырёх участников речевой ситуации на основе представленных судебных материалов: Н.А. Валуева, В.В. Валуевой, А.Ю. Пырова, М.Н. Думиной.

В приговоре суда от 15 декабря 2008 г. имеется следующее заявление подсудимой М.Н. Думиной: «С Валуевым она — Думина М.Н. — вообще не разговаривала, ни жестом, ни взглядом, не дав понять, что высказанное относится к потерпевшему» (с. 7) (в дальнейшем сохранена орфография, пунктуация и стилистика судебного текста).

Потерпевший Н.А. Валуев в мировом суде также не конкретизирует суть оскорблений (т.е. в каком контексте и с какими сопроводительными жестами было произнесено слово(а)), см. с. 7: «Когда сотрудник на кухне в квартире, собирая материал по заявлению Валуевой В.В., допрашивал меня, то Думина М.Н., вызванная Валуевой В.В. стала оскорблять меня, называя “*псом*” и “*козлом*”».

Судебное заседание от 18.11.2008 г.

Оправданный Валуев Н.А., с. 4: «Ей (М.Н. Думиной. — М.Г.) было проще сказать “эй, ты *козёл*”, но она это не так сказала. А как сказала М.Н. Думина, на это Валуев Н.А. не даёт ответа. Не говорит ни о вербальных, ни о невербальных средствах, сопровождаемых так называемое оскорбление.

Кроме того, несмотря на то, что в помещении находилось двое мужчин (Н.А. Валуев и А.Ю. Пыров), именно Н.А. Валуев воспринял слово *козёл* на свой счёт, игнорируя при этом А.Ю. Пырова.

На следующем заседании (вероятно, поняв по заявлению М.Н. Думиной суть её защиты) Н.А. Валуев начинает утверждать, что она при произнесении слова *козёл* сделала жест — кивок в его сторону.

См. выдержку из судебного заседания от 14.12.2008 г., с. 3.

На вопрос суда: почему слова Думиной Вы восприняли на свой счёт?

Частный обвинитель (потерпевший) Валуев Н.А.: Я однозначно воспринял слова подсудимой, поскольку, более в помещении лиц, которым бы Думина М.Н. могла бы адресовать свои слова, не имелось.

На вопрос суда: Вы разговаривали с Думиной М.Н.?

Частный обвинитель (потерпевший) Валуев Н.А.: *нет, мы не разговаривали, но когда она говорила слово «козёл», то она кивнула в мою сторону*; т.е. Н.А. Валуев отрицает наличие разговора с М.Н. Думиной. Поэтому можно предположить и об отсутствии контекста, в котором было использовано слово *козёл*.

В суде также указано свидетелем (частным обвинителем) Валуевой В.В. (почему-то показания этого важного участника лингвистической ситуации игнорируются. — М.Г.), что М.Н. Думина разговаривала исключительно с участковым А.Ю. Пыровым («стояла лицом к Пырову», с. 9). Если это так, то кивка при произнесении слова *козёл* в адрес Н.А. Валуева М.Н. Думина сделать не могла.

Сама М.Н. Думина не отрицает, что употребила лексику *козёл*, об этом она и заявила на суде, но не в адрес Н.А. Валуева: «Судом было установлено, что я произнесла слово “козёл”. Этот факт я не отрицаю, но не в адрес Валуева Н.А. Я не называла Валуева Н.А. “козлом”, а эмоционально, у меня просто вырвалось как междометное. Не направлено это было на него, у меня и в мыслях не было оскорблять своего папу, а он посчитал, что это в его адрес. Доказательством моих слов является то, что я не указывала на Валуева Н.А. пальцем руки или жестом, я не говорила что: “ты, Валуев Н.А. — “козёл”».

Теперь рассмотрим показания главного свидетеля в данной речевой ситуации — А.Ю. Пырова.

Свидетель, милиционер А.Ю. Пыров, также утверждает, что было употреблено слово *козёл*, однако в каком контексте и как это было выражено — вербально или невербально (с сопровождением жестов, мимики) — он не конкретизирует. Заметим, что это очень странно со стороны сотрудника правоохранительных органов. Ещё более странным звучит его заявление: «Каким

образом Думина М.Н. ещё оскорбляла Валугева Н.А. он, свидетель, не помнит» (с. 9). Показания свидетеля неоднозначны:

а) либо должны быть ещё какие-то оскорбительные слова, произнесённые М.Н. Думиной в адрес Н.А. Валугева, которые он не помнит;

б) либо слово *козёл* адресатом имеет Н.А. Валугева;

в) либо лексема *козёл* была единичной и употреблена, по свидетельству М.Н. Думиной, как междометное.

ВЫВОД

В судебных показаниях Н.А. Валугева и свидетеля А.Ю. Пырова имеются противоречия и неточности относительно использования М.Н. Думиной слова *козёл* в конкретной лингвистической ситуации, главными из которых являются: употреблялось ли слово в контексте или без него, использовались ли жесты и мимика при произнесении данного слова, наблюдается также «забывчивость» по отношению к ряду лингвистических фактов со стороны А.Ю. Пырова; судом проигнорированы показания В.В. Валугевой; М.Н. Думина использовала слово *козёл* как междометие, без контекста, жестов и мимики.

3. Исследование по третьему вопросу

Вопрос: Содержится ли в речи Н.А. Валугева скрытая угроза в адрес М.Н. Думиной в связи с употреблением слова *козёл*?

У словесной угрозы есть ряд жанрообразующих признаков. К ним относится прежде всего субъектный состав: угроза произносится одним субъектом в адрес другого субъекта, являющегося объектом угрозы. Бывают случаи, когда рассказывается о наказаниях, часто противоправных действиях, в отношении третьих лиц, подразумевая непосредственного объекта. В нашем случае мы столкнулись и с тем, и с другим.

Вторым важным условием для констатации жанра угрозы является особое качество временной организации.

Условием для констатации речевого акта угрозы является субъектная принадлежность: факт угрозы тогда очевиден, когда субъект говорит о действии, которое будет совершено им самим. Эта субъектная принадлежность действия может быть как прямой, так и косвенной: говорящий может угрожать самостоятельными действиями в отношении слушающего либо сообщать о своём намерении организовать третьих лиц, активизировать сторонние процессы, которые обязательно затронут объекта угрозы.

Важным признаком жанра угрозы является тип действия: оно должно наносить вред объекту угрозы, так как говорящий обещает совершить действие, невыгодное либо опасное для слушающего [Осадчий 2007].

Лексема *козёл* является пейоративной (содержащей негативную эмоционально-экспрессивную окраску) в криминальной среде, так как в блатном жаргоне имеет следующие значения: «представитель группы осуждённых, активно сотрудничающих с администрацией исправительного учреждения»; «сотрудник правоохранительных органов»; «пассивный гомосексуалист»; «оскорбление в адрес мужчины». То, что Н.А. Валуев воспринял слово *козёл* в блатном значении, свидетельствует его фраза: *За «козла» и на «перо» можно «поставить»*. Н.А. Валуев заговорил на блатном жаргоне: за слово *козёл* можно зарезать ножом. Он воспринимает данную лексему как представитель криминальных кругов, для них она действительно является страшным оскорблением. В этих фразах содержится скрытая угроза физически расправиться с М.Н. Думиной.

Думается, что фраза судьи *вы ранее судимы?* появилась не случайно, а под воздействием произнесённых на блатном языке слов. Мы можем говорить здесь о факте скрытой угрозы.

На вопрос суда *«что оскорбительного в слове “козёл”?»* частный обвинитель (потерпевший) Валуев Н.А. ответил: *«Я не животное, а человек»*. Заметим, что животные и птицы могут символизировать различные качества людей, как положитель-

ные, так и отрицательные: лиса — хитрость, медведь — неуклюжесть, но: лев — силу и храбрость, леопард — ловкость, сокол — красоту и проч.). Иными словами, Н.А. Валуев конкретно не ответил на вопрос судьи, почему его так оскорбило данное слово.

В то же время Н.А. Валуев предупреждает: *Если бы она была мужчиной, то я наверное ударил бы её по лицу. Когда я работал в ПАП, то ударил одного человека за подобное оскорбление в свой адрес.* То есть на судебном заседании, в присутствии судьи и ряда свидетелей Н.А. Валуев признаётся в совершённом им противоправном действии из-за слова *козёл*.

Тем самым Н.А. Валуев прозрачно намекает М.Н. Думиной, что он воспринимает лексему *козёл* как оскорбление и может ударить своего обидчика.

ВЫВОД

В речи Н.А. Валуева звучит скрытая угроза в адрес М.Н. Думиной в следующих фразах: *За «козла» и на «перо» можно «поставить»*; *«Если бы она была мужчиной, то я наверное ударил бы её по лицу»*; *«Когда я работал в ПАП, то ударил одного человека за подобное оскорбление в свой адрес»*.

В практике экспертов-лингвистов анализировалась следующая похожая речевая ситуация.

Школьный секретарь находилась в неприязненных отношениях с учителем физики. В одно дождливое утро она, войдя в канцелярию, раскрыла зонтик и положила его сушиться на пол. Внезапно выбежавший из кабинета директора учитель физики нечаянно задел его ногой. Секретарь в сердцах произнесла слово *скотина*. Вызванная милиция в протоколе отразила данный факт и направила в суд, где «нарушительница» была осуждена по ст. 130 УК РФ (оскорбление) и приговорена к штрафу. Однако внимательный разбор лингвистами-экспертами данного факта выявил двусмысленную ситуацию. Конечно, можно трактовать лексему *скотина* как оскорбление в адрес учителя физики. Однако в милицейском протоколе не были отражены факты

неприятных отношений между секретарём и учителем физики, а также не зафиксированы сопутствующие жестовые указания или использование лексемы *скотина* в контексте, который бы состоял как минимум из подлежащего и сказуемого. Вполне допустимо трактовать данное слово как восклицание междометного характера.

Что-то похожее наблюдается и в деле Ф. Киркорова—И. Ароян (во всяком случае в нём, с точки зрения лингвистов-экспертов, имеется двусмысленная речевая ситуация). Несомненно, что Ф. Киркоров должен быть наказан за употребление нецензурной брани в общественном месте, но было ли однозначное вербальное оскорбление И. Ароян?

Факт оскорбления можно выявить благодаря недвусмысленной речевой ситуации, где может и не быть прямого указания на адресата. Допустим, в магазине между клиентом и продавщицей возникли неприятные отношения, и клиент тут же звонит своему знакомому: «Я в этом супермаркете ничего не буду покупать, тут есть одна *собака*, которая *лает* и *лает*, всё настроение испортила!». Иными словами, он использует зооинвективы, характеризующие продавщицу в конкретной речевой ситуации.

Перед лингвистом-экспертом стоит ряд нерешённых задач, связанных с характером оскорбительных слов. Например, как относится к лексемам, имеющим уменьшительный суффикс, и к неполным именам?

Рассмотрим на примере фразы *депутатишка Андрюшка Исаев* (пример взят из конкретной судебно-лингвистической экспертизы о защите чести, достоинстве и оскорблении).

Депутатишка. В этом слове суффикс *-ишк-* придаёт пренебрежительно-уменьшительный оттенок, умаляет значимость А.К. Исаева как депутата. Лексема является оскорбительной, так как в данном контексте подразумевается её использование в значении «плохой депутат» (см. похожие слова: *лекаршишка* — плохой лекарь, *токаришка* — плохой токарь и т.п.).

Андрюшка (Андрюшка Исаев) — неполное имя (полуимя) является в данном контексте оскорбительным словом. «Уничжительная форма имени с суффиксом *-ка* по традиции сохранила, — как считают исследователи русских имён, — до настоящего времени оттенок пренебрежения к человеку, умаления его достоинства...» [Сулова, Суперанская 1991]. В данном контексте, направленном против А.К. Исаева как депутата, слово **Андрюшка** приобретает пейоративное значение (оно становится пейоративным именем). Несомненно, в этом случае следует учитывать и ментально-исторический аспект: в России полуименами обычно называли крепостных, слуг, лакеев. Использование же пейоративного имени **Андрюшка** в областной газете имеет явно выраженное намерение унижить и оскорбить адресата. И в сочетании со словом **депутатишка** оно ещё в большей степени умаляет значимость А. Исаева как депутата и как взрослого человека.

Имеется также проблема с иноязычными ругательствами. Во всяком случае, в российском законодательстве не прописана процедура наказания за употребление иноязычной обценной лексики, и поэтому её активно используют по телевидению, радио, часто можно увидеть в интернете и в прессе. Между тем иноязычное матерное слово, направленное в адрес человека, хорошо знающего определённый язык и культуру, может его оскорбить. Однако в Комментариях к Уголовному или Гражданскому Кодексу РФ отсутствуют какие-либо внятные пояснения по данной проблеме.

Важная информация в тексте может быть и не выражена вербально и «передаваться иными, например, так называемыми паралингвистическими средствами (интонацией, тембром, голосовыми модуляциями в звучащей речи, стилистическими приёмами и графическими средствами — в письменном тексте» [Галашина 2003]. Однако «употребление непристойных слов и выражений должно быть прямо адресовано конкретному лицу с целью унижения его в глазах окружающих, при этом инвектив-

ная лексика даёт обобщённую оценку его личности» [Спорные тексты 2005].

Лингвисты-эксперты констатируют тот факт, что группы инвективной лексики могут с течением времени меняться. Например, в середине XIX — начале XX в. лексемы *безбожник*, *неверующий* были инвективами, но после 20-х годов XX в. и вплоть до 90-х годов они перестали быть оскорбительными словами. Сейчас же в связи с совершенно новым отношением государства и общества к религии и церкви эти *тео-инвективы* вновь стали приобретать отрицательную коннотацию.

Эксперт-лингвист должен учитывать градацию оскорбительных слов. Особенно это касается национал-инвектив. Несомненно, будут оскорбительными такие лексемы, как *чурка*, *чурбан* — коренной житель Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Севера. А как быть с такими лексемами, как *кацап* — русский или *хохол* — украинец? Во всяком случае, проблема регистра оскорблений существует.

Особо следует отметить проблему оскорбительных слов в различных социумах, в частности, в тех, которые являются обособленными. Речь идёт о территориальных или социальных диалектах. В общенародном употреблении данные слова могут быть нейтральными и не являться оскорбительными или обидными, тогда как в территориальных и социальных диалектах они могут иметь яркую оскорбительную направленность. Например, в Сосновском районе Нижегородской области лексема *сударушка* имеет явно оскорбительный характер для жителей, так как обозначает любовницу, а слово *куратор* (учебной студенческой группы) воспринимается как образование от территориальной лексемы *кураться* — «совершать половой акт».

Имеется проблема при разграничении обидных и оскорбительных слов. К обидным относятся те лексемы, которые «неприятны, но объективны». Например, полному человеку может быть обидно слышать о себе «толстый», человеку высокого роста — «верзила». Но, по мнению авторов «Цены слова», они «являются обидными, так как указывают на какие-либо физиче-

ские особенности человека». Внесём в это утверждение коррективы. Нам кажется, что они могут иметь определённую степень оскорбительности. Но всё это зависит от ситуации, характера лексем, социального статуса человека. Если, например, эти физические особенности указаны грубыми просторечными единицами, если речь идёт о человеке, занимающем важное место в обществе (политике, губернаторе, академике, депутате и проч.), или эти слова употреблены в СМИ.

Нередко сотрудники правоохранительных органов ставят перед экспертом следующий вопрос: «Выражены ли оскорбительные слова в неприличной форме?», хотя часто не понимают сути выражения *неприличная форма*. Данное понятие также нуждается в определении и уточнении. (Во всяком случае, сотрудники правоохранительных органов часто просят в экспертизах указать о «приличном» или «неприличном» характере оскорбительных слов). Но оскорбительные лексемы не могут иметь *приличный* характер, так как все они по своей сути уже неприличные (иначе бы не были оскорбительными!). Судебная практика показывает: к неприличным словам относятся *зоо-инвективы, мат-инвективы, названия гениталий и человеческих экскрементов, обвинения в незаконнорожденности* и некоторые другие.

В настоящее время относительно неприличной формы оскорбительных слов имеется много расхождений как в юриспруденции, так и в лингвистике. Нередко можно услышать от лингвистов, что все оскорбительные слова — неприличные. Рассмотрим данный вопрос на конкретном примере одной экспертизы.

На разрешение лингвиста-эксперта были поставлены следующие вопросы (приводятся дословно из запроса от 9 августа 2011 г. о назначении лингвистической экспертизы): 1) адресовано ли данное выражение лично Королёвой А.Н.? 2) имеет ли анализируемое выражение *Я... старая... больная... обезьяна* неприличную форму? Если да, то в чём она состоит? 3) используется ли в этом высказывании оскорбительная лексика и фразеология? 4) содержится ли в выражении *Я... старая... больная*

обезьяна! негативные высказывания о Королёвой А.Н., т.е. субъективные оценки, мнения, негативно характеризующие Королёву А.Н. как личность, а её действия, поступки, поведение — как подрывающие её престиж в глазах окружающих?

Примечание эксперта

Первый вопрос («Адресовано ли данное выражение лично Королёвой А.Н.?») не относится к компетенции эксперта-лингвиста, так как ответ на него зависит от учёта особенностей и правил размещения информации на сайте, а также от источника, с которого поступает информация. Однако в дальнейшем эксперт будет исходить из презумпции того, что анализируемое выражение адресовано лично А.Н. Королёвой. Четвёртый вопрос дублирует второй и третий вопросы. Анализ по третьему вопросу («Используется ли в этом высказывании оскорбительная лексика и фразеология?») должен стоять на первом месте. Таким образом, экспертом рассматривались второй и третий вопросы, причём в следующем порядке:

1) Используется ли в этом высказывании оскорбительная лексика и фразеология?

2) Имеет ли анализируемое выражение *Я... старая... больная... обезьяна* неприличную форму? Если да, то в чём она состоит?

Для лингвистического исследования представлены следующие материалы:

Материалы «Дела» № 10/31-9/2011 г.

Настоящее исследование проводилось в рамках функционально-семантического подхода к описанию текста и входящих в него единиц при использовании методов анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа. При этом в качестве контекста, в рамках которого функционируют рассматриваемые единицы, исследовался как микроконтекст (ближайшее окружение лексемы), так и макроконтекст (в нашем случае — в целом содержание электронной страницы, в том числе фото и другие невербальные компоненты).

1. Исследование по первому вопросу

В современной лингвокриминалистике выделяются следующие разряды слов, использование которых в отношении определённого лица является оскорбительным (а сами лексические единицы именуются инвективными) (приводится классификация оскорбительных слов. — М.Г.).

Далее следует проанализировать и определить значения всех четырёх лексических единиц, из которых состоит исследуемое предложение.

Я — 1. Служит для обозначения говорящим самого себя [Ожегов, Шведова 1997: 915—916].

Старая — 1. Достигшая старости. 2. Существующая с давнего времени, долго. 3. Долго бывшая в употреблении. 4. Уже не действительная, негодная. 5. Старинная, древняя. 6. Прежняя, не современная, устаревшая.

Больная — 1. Поражённая какой-л. болезнью. 2. Свидетельствующая о наличии болезни себя [Ожегов, Шведова 1997: 55].

Обезьяна — 1. Млекопитающее разряда приматов. 2. *Переносное, разговорное неодобрительное* Человек, склонный к подражанию другим, гримасник, кривляка себя [Ожегов, Шведова 1997; Большой толковый словарь русского языка 2002]. 3. Об очень некрасивом человеке [Большой толковый словарь русского языка 2002: 665]. В этом значении имеется и бранный оттенок (см. фразу: Не суйся куда не следует, *обезьяна* [там же]). 4. Грубое, насмешливое (выражение) о любой некрасивой несимпатичной женщине [Химик 2004: 280].

Таким образом, первое слово «Я» употреблено в прямом значении, второе слово *старая* употреблено в значении *достигшая старости*, третье слово *больная* можно расценивать как употреблённое в первом значении — *поражённая какой-либо болезнью*. Что касается лексики *обезьяна*, то она является в данном случае инвективой, так как относится к третьему разряду оскорбительных слов (является зоосемантической метафорой, отсылающей к названиям животных и подчёркивающей какие-либо отрицательные свойства человека). В нашем

случае — лексема *обезьяна* обозначает человека либо с безобразной внешностью, либо постоянно гримасничающего (кривлящегося).

II. Исследование по второму вопросу

Рассмотрим анализируемое предложение в двух аспектах.

Пунктуационно-синтаксический аспект. Предложение является простым, двусоставным, где подлежащее выражено местоимением 1 лица единственного числа *Я*, составное именное сказуемое состоит из нулевой связки *есть* + именной части *обезьяна*; согласованные определения выражены прилагательными *старая*, *больная*, относящимися к главному слову — *обезьяна*. В данном предложении наблюдается прямой порядок слов, т.е. на первом месте стоит подлежащее, на втором — сказуемое. Слово *обезьяна* стоит в сильной синтаксической позиции (в конце предложения, где размещено логическое ударение). Это акцентирует негативную коннотацию слова *обезьяна*, подчёркивает его инвективный характер. В предложении используется такой пунктуационный знак, как многоточие. Многоточие в русском языке чаще всего ставится в следующих случаях: а) чтобы показать пропуск каких-либо слов; б) обратить внимание на замедленный темп речи, паузы между словами. Восклицательный знак в данном предложении свидетельствует о том, что предложение содержит оценку и насыщено экспрессией. Итак, фраза *Я... старая...больная... обезьяна!* должна произноситься следующим образом *Я* (пауза) *старая* (пауза) *больная* (пауза) *обезьяна* (произносится с усилительной интонацией).

Лексема *обезьяна* в анализируемой реплике находится в максимально сильной позиции, так как: а) выполняет функцию сказуемого; б) находится в рематической части высказывания (то есть, будучи сказуемым, сосредотачивает в себе новую и наиболее важную информацию); в) располагается в финале фразы. Всё это многократно усиливает негативный смысловой компонент данной лексической единицы. Местонахождение данной фразы рядом с фотографией симпатичной девушки (женщины)

вызывает резкий диссонанс, наблюдается контраст. Слова *больная* и *старая* могут вызвать и дополнительные отрицательные ассоциации у пользователей сайта «Одноклассники». (*Больная* — чем, какой болезнью?), *старая* (в каком возрасте: далеко за 30 лет, за 40 лет?).

Что касается вопроса о неприличной форме выражения, то в лингвокриминалистике он ещё недостаточно чётко разработан. Считается, что неприличная форма — это наличие высказываний в адрес гражданина, содержащих оскорбительную, непристойную лексику. При этом подобные слова и выражения должны быть прямо адресованы конкретному лицу с целью унижения его в глазах окружающих, опорочивания его чести и достоинства.

Лексема *обезьяна* в контексте анализируемого материала имеет негативно-оценочный характер, что подтверждается пометой *неодобр.*, *разг.*, *бран.* и соответствующим словарным толкованием (см. рассуждения ранее). Кроме того, негативно-оценочный, оскорбительный характер усиливается другими словами (*старая*, *больная*) с отрицательной коннотацией и пунктуационно-синтаксическими особенностями фразы.

Если фраза *Я... старая... больная... обезьяна!* адресована А.Н. Королёвой, то имеет явно оскорбительный характер, унижающий честь и достоинство А.Н. Королёвой, так как содержит в себе инвективу (оскорбительное слово), усиленную другими языковыми средствами (см. анализ выше). Известно, что при переносном, метафорическом употреблении слово такого рода, как *обезьяна*, приобретает пейоративную (осуждающую) экспрессию и передаёт явно негативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительная или клеветническая характеристика. Как говорилось ранее в нашем исследовании, лексема *обезьяна* относится к 3-му разряду оскорбительных слов — зоосемантической метафоре. А подобные слова, по мнению исследователей, «содержат негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения и т.п.; многие из таких метафор относятся к

бранной (инвективной) лексике, оставаясь, впрочем, в рамках литературного языка. См., например: *быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, свиное рыло, сука, сукин сын...*» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации 2004: 69—70]. К перечисленному ряду следует добавить и слово *обезьяна*, в переносной форме цинично обозначающее своего рода пародию на человека. С функциональной точки зрения, оскорбление имеет целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие статусу, положению и др. [Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? 2006: 51—52]. В анализируемом случае явно подчеркнута ущербность лица-адресата, стремление показать его неполноценность в физическом отношении (старая, больная, уродливая женщина). Ситуация может усугубляться тем, что оппонент заведомо знала уязвимые черты характера А.Н. Королёвой (во всяком случае, оппонент, как показывают материалы дела, был хорошо с ней знаком).

Выражение *Я... старая... больная... обезьяна!* содержит непозволительно резкую отрицательную оценку собеседника, т.е. данная фраза наделена первым признаком оскорбительного высказывания — она унижает честь и достоинство другого человека. Второй обязательный признак оскорбительного высказывания — неприличность формы — это использование в средствах массовой информации, т.е. имеет место публичность. Причём мы бы употребили термин *устойчивая публичность*: в отличие от газет, телевидения и проч., любой желающий может зайти на сайт «Одноклассники» и обнаружить данную запись. И этот данный факт хорошо понимают и адресант, и адресат. Использование подобных фраз резко противоречит нормам приличия и правилам общения.

К определению приличности или неприличности языковой формы можно применять два подхода, предполагающих соответствующее понимание категории приличия. В аспекте ортологического подхода приличие в общении — это соответствие языковой единицы общим нормам современного русского лите-

ратурного языка. В аспекте релятивного подхода приличие понимается как уместность и допустимость языковой единицы в конкретной коммуникативной ситуации [Осадчий 2007: 43]. Так как рассматриваемая фраза была написана в ответ на фотографию, данная речевая реакция не является адекватной: девушка, изображённая на фотографии, явно не является безобразной и старой.

Определению приличной / неприличной формы, по мнению исследователя М. Осадчего, помогает наличие / отсутствие оскорбительной эмоциональной окраски, унижающей честь и достоинство другого лица [там же]. Следовательно, эмоциональная окраска также может быть расценена как признак оскорбления. Решающее значение в данном случае играет не степень эмоциональности фразы, а её субъектная организация — иерархия образа говорящего и образа слушающего. Ненависть, как и обиду, мы испытываем к человеку, равному нам по возрастным, социальным и интеллектуальным параметрам. Чувство презрения мы испытываем к людям, которых ставим ниже себя. Следовательно, эмоция ненависти предполагает сильную отрицательную оценку человека с сохранением к нему доли уважения. Презрительная же фраза не просто выражает отрицательную оценку, а принижает адресата речи и осмеивает его. Именно презрительность, уничижительность и является оскорбительной эмоциональной окраской [там же].

То есть дополнительным признаком неприличной формы во фразе *Я... старая... больная... обезьяна!* является явное осмеяние и унижение адресата — А.Н. Королёвой. Данное выражение является порочащим по своему содержанию, а по форме неприличным.

ВЫВОДЫ

Ответ на первый вопрос не относится к компетенции лингвиста-эксперта. Однако, принимая во внимание материалы дела, в дальнейшем эксперт, отвечая на последующие вопросы, исходил из презумпции того, что выражение *Я...*

старая... больная... обезьяна! адресовано лично А.Н. Королёвой.

Анализируемое выражение «Я... старая... больная... обезьяна!» имеет неприличную форму, которая состоит в том, что унижает честь и оскорбляет достоинство А.Н. Королёвой, негативно характеризует А.Н. Королёву как личность, подрывает её престиж в глазах окружающих.

В высказывании «Я... старая... больная... обезьяна!» используется оскорбительная лексическая единица «обезьяна», употреблённая как инвектива (зооморфизм).

В выражении «Я... старая... больная обезьяна!» содержатся субъективные оценки, мнения, негативно характеризующие А.Н. Королёву как личность, а её действия, поступки, поведение — как подрывающие её престиж в глазах окружающих.

3. Языковой экстремизм

3.1. Терминология языкового экстремизма

Общепризнанного определения понятия «политического экстремизма» в настоящее время не существует, нет и однозначно определения его признаков. И многие склонны отождествлять политический экстремизм и с фашизмом, и с шовинизмом, и с радикализмом (правым и левым). В действительности же, все данные явления — это только части более широкого явления политического экстремизма.

Наблюдаются ещё и недочёты в правовой сфере. Хотя проблема экстремизма появилась давно, в обществе имеются серьёзные сомнения в отношении определения этого понятия. По данным интернет-опроса чуть более 60% респондентов понимают, что представляет собой экстремизм и ратуют за введение в интернете запрета на публикацию экстремистских произведе-

ний, а 40% не до конца разбирается во вреде экстремизма и выступают против цензуры.

Перечислим основные признаки экстремизма:

1) публичные призывы к установлению диктатуры, т.е. строя, значительно ущемляющего политические и гражданские права;

2) публичные призывы к насильственному свержению конституционного строя или захвату власти;

3) создание вооруженных формирований;

4) разжигание социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной розни и публичное выражение намерений ограничить права граждан по этим признакам;

5) представление своих целей, идеалов или отличительных признаков с помощью символики, в недалёком прошлом присущей национал-социалистическому режиму Германии и фашистскому режиму Италии;

6) публичное одобрение национал-социалистических, фашистских и иных тоталитарных режимов; отрицание преступлений, совершённых такими режимами, оправдание их лидеров и политики;

7) применение для достижения своих политических целей террористических, диверсионных и иных актов, опасных для жизни и здоровья людей [Прибыловский 1995].

Как видно из перечисленных признаков, экстремизм связан с такими понятиями как *нация (национальный), народ, раса, социальный, религия, язык, происхождение, пол*. Рассмотрим их.

Нация — исторически сложившаяся общность людей, объединённых экономическими связями, обладающих едиными территорией и языком, отличительными особенностями культуры и характера. В современной литературе существует расхождение при определении нации: некоторые учёные нацию отождествляют с народом, включая в понятие нации общие черты самосознания и социальной структуры, другие определяют нацию как общность по принадлежности к определённому государству [Новейший энциклопедический словарь 2004; Философский энциклопедический словарь 1997]. Соответ-

ственно «**национальный**» определяется как относящийся к общественно-политической жизни нации, связанный с её интересами или же характерный для данной нации, свойственный именно ей, а также государственный [Словарь иностранных слов и выражений 2000].

Раса — исторически сложившаяся группа человечества, объединённая общностью наследственных физических признаков (цветом кожи, глаз, волос, формой черепа и др.), обусловленных общностью происхождения и первоначального расселения: *европеоидная, монголоидная, негроидная раса*. Прилагательное — *расовый*. *Расовые* теории. *Расовая* исключительность. *Расовые* дискриминации [Ожегов, Шведова 1997; Большой толковый словарь русского языка 2000].

Религия — мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение, определяемое верой в существование Бога, божества. Религия предполагает *чувство связанности, зависимости и долженствования по отношению к тайной силе*, дающей опору и достойной поклонения. Особенности различных религий должны быть выведены из специфических душевных и народно-психологических особенностей исповедующих религию людей. Эти особенности наиболее ярко могут обнаруживаться в различных представлениях о божестве, которые они себе составляют [Философский энциклопедический словарь 1997].

Социальный — общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе [Ожегов, Шведова 1997; Большой толковый словарь русского языка 2000].

Пол — каждый из двух генетически и физиологически противопоставленных разрядов живых существ (мужчин, женщин, самцов, самок), организмов [там же].

Происхождение — принадлежность по рождению к какой-нибудь расе, классу, сословию [там же].

Язык — наиболее объемлющее и наиболее дифференцированное средство выражения, которым владеет человек [там же].

Информация квалифицируется как возбуждающая национальную, расовую, религиозную или социальную вражду в том случае, если прямо способствует формированию в сознании читателя (слушателя) негативного образа человека на основе его принадлежности к специальной группе, под которой понимается нация, раса, а также языковая, социальная и религиозная группы.

Для того чтобы информация была признана возбуждающей описанные чувства, она должна быть направлена на формирование негативного отношения к неким лицам — причём это отношение должно быть основано не на личностных качествах, а на их принадлежности к специальной группе. На достижение подобного эффекта прямо направлены высказывания, содержащие:

- перенос негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю группу;
- приписывание всем представителям группы стремления следовать древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;
- утверждение о природном превосходстве одной группы и неполноценности или порочности других;
- приписывание враждебных действий и опасных намерений одной группы по отношению к другой;
- возложение вины и ответственности за деяния определённых представителей на всю группу;
- утверждение об изначальной враждебности определённой группы по отношению к другой;
- утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной группы с интересами других;
- утверждение о наличии тайных планов, заговоров одной группы против другой;
- объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определённых групп (см.: [Осадчий 2007]).

Трудность для юристов (а также экспертов-лингвистов) при назначении судебной лингвистической экспертизы в отношении текстов СМИ по уголовным делам, связанным с экстремизмом (ст. 282 УК РФ), представляют формулировки вопросов. Нам кажется, наиболее удачными являются определения Е.И. Галяшиной (за основу ею был взят перечень вопросов в кн.: [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004: 37—38]):

1. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо национальной, конфессиональной или иной социальной группы?

2. Имеются ли в представленном тексте высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы?

3. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу?

4. Имеются ли в представленном тексте высказывания побудительного характера, содержащие побуждения к насильственным действиям против лиц определённой национальности, расы, религии и/или иной социальной принадлежности?

5. Имеются ли в представленном тексте высказывания об изначальной враждебности какой-либо нации, расы или иной социальной группы по отношению к другой?

6. Имеются ли в представленном тексте высказывания об антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной национальной, религиозной, этнической или иной социальной группы по отношению к другой?

7. Имеются ли в представленном тексте высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной, этнической, конфессиональной или иной социальной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой нации, народности, этнической или иной социальной группы?

8. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической или иной социальной группы?

9. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие негативные уничижительные оценки личности как представителя определённой национальности, этноса, расы или иной социальной группы? [Галяшина 2006].

Под видом религиозной организации может функционировать политическая террористическая или деструктивная организация, лидеры которой для привлечения новых сторонников и членов вынуждены пользоваться не убеждением и не открытыми призывами, а манипулятивными приёмами. Опасность манипуляции заключается в её незаметности и иллюзии самостоятельности в принятии решений человеком, ставшим объектом действий манипулятора.

Статья 282 Уголовного кодекса гласит, что к экстремизму относятся следующие противоправные действия:

а) насильственное изменение конституционного строя и нарушение целостности РФ;

б) подрыв безопасности РФ;

в) захват или присвоение властных полномочий;

г) создание незаконных вооружённых формирований;

д) осуществление террористической деятельности;

е) осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий, актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной вражды, а равно по мотивам ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы;

ж) финансирование экстремистской деятельности либо иное содействие её совершению;

з) воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной

деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединённое с насилием или угрозой его применения;

и) применение насилия в отношении представителя государственной власти;

к) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершённое в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

л) нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением;

м) создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из этих признаков.

Призыв к перечисленным видам деятельности является элементом экстремизма, следовательно — уголовно наказуемым деянием [Осадчий 2007].

Одним из главных компонентов экстремизма является **призыв**.

В толковых словарях русского языка слово **призыв** имеет значения: 1. Слова, которыми приказывают, зовут для чего-либо; просьба, мольба. 2. Обращение в краткой форме, выражающее политическое требование.

С лингвистической точки зрения явным прямым призывом является словесная конструкция, содержащая глагол в форме повелительного наклонения (*иди, бери, не позволяй* и т.п.) или эквивалентных данному наклонению форм (типа *Поборемся! Избавим! Дадим отпор! Пошли! Встали!*). Обязательным компонентом призыва является образ адресата речи — того, кто должен выполнить действия. Адресат речи может быть заявлен открыто, в виде обращения (*Молодые люди! Граждане!* и т.п.). Итак, можно создать формулу явного прямого призыва: **импе-**

ратив (форма глагола с побудительным значением) + образ адресата.

В русском языке имеется большое количество способов выражения *побуждений к совершению действия или принятию состояния*, т.е. способов выражения **призыва**. Грамматической базой для выражения призыва в русском языке является повелительное наклонение глагола.

Основной формой этого наклонения является форма второго лица единственного и множественного числа: *бери — берите, иди — идите*.

Первое лицо повелительного наклонения представлено формами совместного действия, передающими призыв к действию, в котором принимает участие и говорящий: «*Пойдём посмотрим!*» или «*Споёмте, друзья!*». Иногда форма первого лица употребляется вместе с частицей «*давай*» или «*давайте*», что позволяет устранить омонимичность форм повелительного наклонения и изъявительного наклонения будущего времени: «*Давайте решим эту проблему!*».

Значение призыва к совместному действию имеет также структура с частицей «*давай / давайте*» и инфинитивом несовершенного вида глагола: «*Давай играть*» или «*Давайте читать*».

Призыв к совместному действию выражается и при помощи использования формы, омонимичной прошедшему времени множественного числа: «*Пошли в кино!*».

Третье лицо повелительного наклонения образуется с помощью частиц «*да*», «*пусть*» и «*пускай*» в сочетании с формами третьего лица: «*да здравствует*», «*пусть войдёт*», «*пускай рассказывают*». Данная форма обычно имеет более насыщенную стилистическую окраску.

Значение повелительного наклонения могут передавать также:

- инфинитив (*Встать! Молчать!*);
- формы прошедшего времени (*Пошёл вон!*);
- формы условного наклонения (*Открыли бы Вы лучше окно*).

В русском языке имеются различные средства передачи *смягчённого повеления*. К ним относится, например, постпозитивная частица «-ка» (*пойдём-ка, возьмите-ка*), а также синтаксический способ — повтор сказуемого и употребление при нём подлежащего, выраженного местоимениями «ты» и «вы». Напротив, категоричность повеления может быть подчёркнута, к примеру, употреблением формы единственного числа второго лица по отношению к группе лиц («Курсанты! *Слушай* мою команду!»).

При наличии отрицания формы повелительного наклонения второго лица могут приобретать значение запрещения или предупреждения («*Смотри*, никому *не говори!*»).

Формы повелительного наклонения могут употребляться не только в прямом императивном, но и в переносном значении. Но уточнение и корректировка смысла в подобных ситуациях легко достигаются путём синонимических замен.

Следует различать использование повелительного наклонения (а следовательно, и побуждений к действию) в таких документах как *инструкция, рецепт, рекомендация*.

Слово *инструкция* в толковых словарях имеет следующие значения: свод правил, устанавливающих порядок и способ осуществления чего-л.; руководящие наставления, указания [Большой толковый словарь русского языка 2000]. т.е. инструкция — это правовой акт, который издаётся и утверждается в целях установления определённых правил. Текст инструкции имеет характер указаний. Используются чёткие словесные формулировки с распорядительными словами: «должен», «имеет право», «не допускается», запрещается и т.д. Текст излагают от третьего лица или в безличной форме [Басаков 2001]. **Инструкции** издаются также в целях разъяснения и определения порядка применения и использования чего-либо. В заголовках инструкции чётко очерчивается круг вопросов, объектов и лиц, на которых распространяются требования. Текст инструкции носит указующий характер, поэтому в ней рекомендуются чёткие формулировки с распорядительными словами типа: «должен», «сле-

дует», «необходимо», «имеет право», «не допускается», «рекомендуется», «запрещается» и т.д. [Кузнецова 1998].

По характеру использования глаголов повелительного наклонения и побуждению к действию к инструкции близок **рецепт**. Данное слово имеет следующие значения: указание о способе изготовления, приготовления чего-либо — *рецепт варки стекла, рецепт засолки огурцов*; руководство, совет, как действовать, поступать в том или ином случае. Рецепт — это прежде всего наставление, рекомендация. См. пример предложения с призывом к совместному действию в рецепте приготовления рыбного блюда: *Отрезаем у рыбы хвост*.

Рекомендация в толковых словарях русского языка толкуется как совет, пожелание, предложение [Большой толковый словарь русского языка 2000].

В отличие от политического призыва в них отсутствует экстремизм, но имеется императив, предложение, приказание вести себя так или иначе. В призыве же не допускается вести себя по-другому, а только однозначно.

Призыв — это наиболее радикальная и открытая форма словесного воздействия на поведение человека. Обязательным компонентом призыва является образ адресата речи — того, кто должен выполнить действия. Адресат речи может быть заявлен открыто, в виде обращения (*Молодые люди! Граждане! И т.п.*). Однако чаще авторы экстремистской литературы ограничиваются личными местоимениями (*ты* должен, *нам* необходимо) или вовсе отказываются от открытого словесного указания на адресата речи. В этом случае под адресатом речи подразумевается любой потенциальный читатель.

Для сравнения: в **политическом призыве** — высокая степень категоричности, намного выше, чем в *технологии, рецепте* и *инструкции* (например, *выгнать всех чёрных из России! бей инородцев — спасай страну!*). Категоричности способствует и постановка восклицательного знака. Политический призыв — это наиболее радикальная и открытая форма словесного воздействия на поведение человека.

Категоричность призывов может быть создана и общим негативным фоном текста, а также усилена за счёт использования формы единственного числа личного местоимения второго лица (*тебе, с тобой* и пр.) и притяжательным местоимением *твой*, см. контекст: «Если *твоими* соседями стали кавказцы или среднеазиаты, знай, что и *твоя* квартира уже недолго будет принадлежать *тебе*». т.е. русский читатель воспринимает эти воззвания как непосредственно обращённые к нему.

Призыв может быть явным, открытым, но сформулированным не прямо, а косвенно. Формула **прямого призыва**: *глагол с побудительным значением + образ адресата*. **Косвенный призыв** — форма открытого побуждения без использования форм глагола с побудительным значением. Косвенный призыв может быть лишён прямого указания на образ адресата речи (в этом случае используются только модальные глаголы без личных местоимений: *необходимо спасти Россию, нужно избавлять от иноверцев!*). К разряду косвенных призывов стоит отнести побудительные предложения, оформленные как вопрос: «*Русский, ты и дальше будешь сидеть сложа руки?!*» Не меньшей призывной силой обладают конструкции со скрытой командой. Внешне фраза «*Надеюсь, Вы сегодня обязательно придёте на наш семинар?*» является вопросом, но в нём скрыто утверждение-команда, сосредоточенное в слове «*обязательно*» [Осадчий 2007].

Нередко прямые призывы сочетаются в предложении с косвенными. См., например, предложение: «*Вступайте в нашу организацию для свержения ненавистного режима!*». В данном случае призыв к вступлению в партию будет прямым, а призыв к свержению режима — косвенным.

В практике судебных лингвистических экспертиз встречается **скрытый призыв**, который отличается от явного отсутствием главной внешней приметы призыва — императивной формы глагола. При скрытом призыве текст подстрекает к определённым действиям, программирует поведение адресата речи, нередко при этом манипулирует сознанием [там же].

Имеются и более сложные случаи для проведения экспертиз, связанных с экстремизмом. Так, в Интернете была распространена книга, в которой были изложены рецепты, технологии, инструкции и рекомендации для изготовления огнестрельного оружия, взрывчатых материалов, взрывных устройств и наркотико-психотропных веществ.

Главная мысль книги, отражённая в аннотации, содержит в себе призыв к использованию тех знаний, с помощью которых можно изготовить, приобрести и применить огнестрельное оружие, взрывчатые материалы, взрывные устройства и наркотико-психотропные вещества, чтобы «устроить маленькую революцию в своём населённом пункте. Читайте, думайте и воплощайте, и да благословит вас Иисус». Под «маленькой революцией» в населённом пункте, судя по контексту, автор (авторы) подразумевает массовые беспорядки. Во всяком случае, книга явно подстрекает и провоцирует граждан на изготовление, приобретение и применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств и наркотико-психотропных средств, чтобы вызвать беспорядки в населённых пунктах. В основном, информация в ней выражена в форме утверждения

Из всего сказанного следует, что в книге имеются как прямые призывы, которые направлены непосредственно против личности или правительственного учреждения («*Читайте, думайте и воплощайте, и да благословит вас Иисус*» — прямой призыв к совершению террористических актов), так и императив, содержащийся в инструкциях, технологиях и рецептах для изготовления, нахождения и использования огнестрельного оружия, взрывчатых материалов и ядов, наркотических и психотропных веществ.

Наше законодательство ещё далеко от совершенства. И нередко юристами игнорируется экстремистская информация в тексте, а упор делается исключительно на призывы. Вот пример экспертизы, проведённой автором книги.

На разрешение эксперта следователем были поставлены вопросы:

1. Содержат ли представленные документы высказывания, содержащие призывы?

2. Если да, то имеются ли в представленных документах публичные призывы:

2.1. К осуществлению экстремистской деятельности?

2.2. Направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?

На лингвистическое исследование **представлен следующий материал**: ксерокопия листовки с заголовками «Обращение к Русским женщинам» и «Обращение к российским шлюхам». Объём текста — около 9000 знаков. Текст набран шрифтом Times New Roman, размер шрифта — 10, межстрочный интервал одинарный. Поля: левое — 1,5; правое — 1,0; верхнее — 2,0; нижнее — 1,0. Оба заглавия размещены по центру страницы и подчёркнуты. Текст размещен на листе формата А-4 с двух сторон.

Экстремистского текста в этих двух листовках было очень много: в нём говорилось и о превосходстве одной расы перед другой, и о том, что во всех бедах русского народа виноваты выходцы с Кавказа, Закавказья и Средней Азии и проч., но непосредственно в призывах экстремизм отсутствовал (вероятно, данные листовки готовил юридически опытный человек). Кроме того, собственно экстремистский материал структурно-логически не был связан с призывами. Одним словом, эксперт не обнаружил прямых экстремистских призывов, о характере которых писал следователь в поставленных вопросах, см. исследование:

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. Исследование по первому вопросу

Анализируемая листовка содержит два текста: «Обращение к Русским Женщинам» и «Обращение к российским шлюхам».

Проведённое исследование показало, что в контексте представленной на экспертизу листовки имеются фрагменты, которые содержат формы повелительного наклонения глагола в значении собственно побуждения к совершению действия, т.е. призывы.

В первом тексте («Обращение к Русским Женщинам») имеются следующие призывы:

1. Русские Женщины! ...несмотря ни на что, избегайте ино-родцев.

2. Почаще прислушивайтесь к голосу Крови!

3. Русские Женщины! Героически отстаивайте свою врож-дённую нравственную чистоту!

4. Дорожите своим божественным призванием продолжате-лей Рода великой Русской Нации!

5. Цените самих себя!

6. Любите свой род, свой народ, свою расу!

7. Пусть ваши дети будут похожи на вас, на ваших отцов и матерей!

8. Пусть они сохраняют ваш национальный язык, вашу нацио-нальную культуру и традиции!

9. Пусть грузин женится на грузинке! Татарин женится на татарке! А Русские должны создавать семейные пары только с Русскими.

10. Русские! Спасайте свою Nation и Родину!

11. Не стоит отчаиваться!

Во втором тексте («Обращение к российским шлюхам») име-ются следующие призывы:

1. Читайте внимательно нижеследующие слова: совокупляясь с инородцами, т.е. с чёрными, жёлтыми, цветными, вы, продажные шлюхи, ведёте к гибели великую Русскую нацию. (Здесь призыв к чтению нижеследующих слов...)

2. Сравните, что вы (и Жизнь в целом) потеряли и что приобрели взамен...

3. Помните об этом! (Перед этим имеется следующий текст: «Превращая Русских в нерусей, вы губите носителей Русской

культуры, совершаете социальное преступление перед потомством, перед нацией, перед государством».)

4. Помните об этом! (Перед этим имеется следующий текст: «Так же научно установлено, что женщины, сожительствующие с мужчиной иной расы, в несколько раз чаще болеют онкологическими заболеваниями. Ещё никому не удавалось безнаказанно нарушать законы Природы».)

ВЫВОД

Представленные документы «Обращение к Русским Женщинам» и «Обращение к российским шлюхам» содержат высказывания, содержащие публичные призывы.

2. Исследование по второму вопросу

Проанализируем каждый из публичных призывов относительно возможного наличия в них экстремизма, действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

В первом тексте («Обращение к российским женщинам»):

1. Русские Женщины! ...несмотря ни на что, избегайте инородцев. (Призыв к тому, чтобы русские женщины, несмотря ни на какие обстоятельства, избегали инородцев. В данном призыве не указана конкретная раса или нация, слово *инородец* в данном контексте употреблено в значении «человек иного рода, нерусский».)

2. Почаще прислушивайтесь к голосу Крови! (Призыв к тому, чтобы русские женщины прислушивались к голосу крови; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

3. Русские Женщины! Героически отстаивайте свою врождённую нравственную чистоту! (Призыв к тому, чтобы русские женщины отстаивали врождённую нравственную чистоту.)

ту; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

4. Дорожите своим божественным призванием продолжателей Рода великой Русской Нации! (Призыв к тому, чтобы русские женщины дорожили своим божественным призванием продолжателей рода великой русской нации; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

5. Цените самих себя! (Призыв к тому, чтобы русские женщины ценили себя; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

6. Любите свой род, свой народ, свою расу! (Призыв к тому, чтобы русские женщины любили свой род, свой народ, свою расу; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

7. Пусть ваши дети будут похожи на вас, на ваших отцов и матерей! (Призыв к тому, чтобы дети русских женщин были похожи на них, а также на их отцов и матерей, т.е. на дедушек и бабушек; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

8. Пусть они сохранят ваш национальный язык, вашу национальную культуру и традиции! (Призыв к тому, чтобы дети русских женщин сохранили их национальный язык, национальную культуру и традиции; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

9. Пусть грузин женится на грузинке! Татарин женится на татарке! А русские должны создавать семейные пары только с русскими. (Призыв к тому, чтобы грузин женился на грузинке, татарин — на татарке, а русский — на русской женщине; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

10. Русские! Спасайте свою Нацию и Родину! (Призыв к русским, чтобы те спасали свою нацию и Родину; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

11. Не стоит отчаиваться! (Призыв к тому, что не надо отчаиваться; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

Во втором тексте («Обращение к российским шлюхам»):

1. Читайте внимательно нижеследующие слова: совокупляясь с инородцами, т.е. с чёрными, жёлтыми, цветными, вы, продажные шлюхи, ведёте к гибели великую Русскую нацию. (Здесь призыв к чтению нижеследующих слов.; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

2. Сравните, что вы (и Жизнь в целом) потеряли и что приобрели взамен... (Призыв к сравнению, что они (шлюхи) потеряли и что приобрели взамен; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

3. Помните об этом! (Перед этим имеется следующий текст: «Превращая Русских в нерусей, вы губите носителей Русской культуры, совершаете социальное преступление перед потомством, перед нацией, перед государством»). (Призыв-напоминание о том, что, превращая русских в нерусей, они (шлюхи) губят носителей русской культуры, совершают социальное преступление перед потомством, перед нацией, перед государством; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

4. Помните об этом! (Перед этим имеется следующий текст: «Так же научно установлено, что женщины, сожительствующие с мужчиной иной расы, в несколько раз чаще болеют онкологическими заболеваниями»). (Призыв-напоминание о научном факте, что женщины, сожительствующие с мужчиной иной расы, в несколько раз чаще болеют онкологическими заболеваниями; в данном контексте отсутствуют слова и словосочетания экстремистского толка.)

ВЫВОД

В представленной листовке отсутствуют публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и при-

звы, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

СМИ часто используют в своих теле-радиопередачах, статьях экстремистскую лексику, и даже лексику, оскорбляющую лиц нерусской национальности. Уже названия статей говорят о многом: «Кавказцы грабили воров и прокурора», «Лица кавказской национальности объявили войну “славянам”», «Метадоновый грузин», «Грузинский беспредел на улице Гаражной», «Шведский алкаш отсидел за другого». По мнению исследователя журналистских публикаций С.Н. Кедркина, «использование негативно окрашенных этнических маркеров в СМИ является свидетельством невысокой культуры корреспондентов в освещении вопросов межэтнических отношений, поэтому и возникает проблема языково-правовой экспертизы [Кедркин 2006].

Некоторые экстремистские статьи не только порождают чувство вражды, но и способствуют погромам и беспорядкам. Приведём в качестве примера анализ статей М. Аблязова (Казахстан), в которых содержатся экстремистские призывы.

В данной экспертизе, проведённой автором книги по запросу суда в г. Актау (Казахстан), приводится анализ трёх экстремистских статей, использованных в Республике Казахстан и направленных как лично против президента Н. Назарбаева, так и против существующей власти. Автор-эксперт приводит обоснование различных аспектов лингвистического экстремизма.

На разрешение лингвиста-эксперта были поставлены следующие вопросы:

1. Содержатся ли в представленном на исследование текстовом материале высказывания, направленные на формирование социальной нетерпимости, возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды, розни,

оскорбления национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, а также высказывания об исключительности, превосходстве либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности?

2. Содержатся ли в представленном на исследование текстовом материале высказывания побудительного характера, содержащие призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти, насильственному свержению или изменению конституционного строя, подрыва безопасности государства, насильственному нарушению единства территории Республики Казахстан?

Тексты статей

1. Встань с колен, казах, сбрось с шеи тирана и вора!

Автор: Мухтар Аблязов

19.09.2011

«Я повторяю Ваш призыв, который полностью поддерживаю, — встань с колен, казах, сбрось со своей шеи тирана и вора, построй свое будущее сам вместе с теми, кому дорого будущее нашей Родины», — пишет политик Мухтар Аблязов в своём отклике на «письмо Шаханова». Ниже публикуем полный текст его обращения в переводе на русский, оригинальный текст на казахском — в приложении.

Обращение Мухтара Аблязова к гражданам страны по поводу предложения отменить 2-й пункт 7-й статьи Конституции РК

Я надеюсь, что это письмо прочтут те, кто подписал обращение к Назарбаеву и Масимову с предложением отменить статус русского как языка официального, языка межнационального общения. Очевидно, это было сделано с подачи администрации президента, стремящейся в преддверии парламентских выборов в очередной раз запугать русскоязычных избирателей и тем самым заставить их голосовать за «Нур Отан».

Это письмо также и для тех, кто искренне считает, что можно построить мононациональное государство и сделать счастливыми казахов, вытеснив неказахское население из республики или превратив их в граждан второго сорта.

Как казах, я разделяю вашу тревогу относительно настоящего и будущего казахского языка, но уверен: административным нажимом и тем более насилием в данной сфере ничего не решить. Вы правильно отметили, что казахский язык находится в бедственном положении, хотя за двадцать лет казахи стали не только государствообразующим народом, но и значительно прибавили в численности.

Причин тому множество, как объективных, так и субъективных. Среди первых тот факт, что многие десятилетия казахский язык не развивался и оставался языком доиндустриальным, преимущественно бытовым и сегодня его словарный запас, его литературное развитие не соответствуют современным требованиям. Он не может обеспечить его носителю полноценный доступ к информации, технологиям, знаниям, которые нужны человеку, живущему в XXI в.

Это означает, что реализация требования отменить статус русского языка как официального неизбежно приведёт к принудительному сокращению сферы его использования. В условиях, когда казахский язык не способен полноценно заменить русский в большинстве отраслей экономики и сфер человеческой деятельности, это приведёт к тому, что казахи ещё больше потеряют свою конкурентоспособность, ещё больше будут изолированы от мира и прогресса.

Ваше требование обеспечить поддержку казахскому языку как государственному за счет отмены статуса русского языка как официального — это прямой путь к обострению межнациональных отношений, усилению бегства русскоязычного населения из страны, ухудшению имиджа нашей страны за рубежом. Вы этого хотите? Если нет, то задайтесь двумя вопросами — кто виноват в бедственном положении казахского языка и что нужно делать?

Ответ на первый вопрос лежит на поверхности. Кто руководит Казахстаном последние двадцать лет? Кто глава государства, лидер нации и гарант Конституции? Назарбаев Нурсултан Абишевич. Именно Назарбаев виноват в нынешнем бедственном положении казахского языка.

Развитие казахского языка невозможно без развития казахской литературы. В настоящих условиях эта сфера не может развиваться без прямой и мощной государственной поддержки. Писатели, поэты, люди творческих профессий, ощущали ли вы эти двадцать лет такую поддержку? Или вам просто бросали подачку в виде госзаказа за славословие и лесть? Хотя деньги в государственном бюджете были всегда, особенно в последнем десятилетии.

Власть Назарбаева держится на его умении разделять казахстанцев и натравлять их друг на друга. Обратите внимание, что проблема казахского языка в том или ином виде всегда появляется перед крупными политическими событиями вроде президентских или парламентских выборов. И сразу исчезает после них. Потому что Назарбаев сначала натравливает патриотов казахского языка на русскоязычных казахстанцев, запугивая последних и вынуждая голосовать за себя, а затем спускает вопрос на тормозах. Если бы Назарбаев хотел, чтобы казахский язык действительно стал не только государственным, но и языком, которым хотят владеть все граждане страны, он при своей власти, возможностях и деньгах легко бы этого добился. Но этого нет — значит это не нужно Назарбаеву.

Как человек, твёрдо придерживающийся демократических принципов, я считаю права человека первичными, исходными, в том числе право любого казахстанца жить там, где он родился, говорить на том языке, который он считает для себя родным, исповедовать ту веру, которую он для себя выбрал, или наоборот быть атеистом.

Поэтому нам нужно в первую очередь построить демократическое государство, в котором казахи будут жить лучше, чем сейчас. Но не потому, что другие национальности станут жить хуже, а по-

тому что ВСЕ КАЗАХСТАНЦЫ будут жить хорошо. Мы должны построить своё справедливое и успешное государство, в котором все заживут справедливо и счастливо. И тогда остальные национальности сами захотят изучать и наконец-то заговорят на казахском языке. Добровольно. Это ответственность казахов перед собой, перед своими предками и всеми казахстанцами.

Я повторяю Ваш призыв, который полностью поддерживаю, — встань с колен, казах, сбрось со своей шеи тирана и вора, построй свое будущее сам вместе с теми, кому дорого будущее нашей Родины.

Гражданин Республики Казахстан
Мухтар Аблязов

Мухтар Аблязов: «Нужно выбирать свои органы власти»

Автор: Редакция

23.08.2011

Выбрать своих депутатов, своего акима и своих судей предлагает нефтяникам Мангистау оппозиционный казахстанский политик и бизнесмен Мухтар Аблязов. По его мнению, если власть не устраивает граждан, то они имеют полное право её поменять. Другого выхода заставить «Ак орду» услышать рабочих он не видит. «Выбор трудный, но он за вами», — пишет Аблязов, обращаясь к нефтяникам. Ниже читайте полный текст его обращения.

2. К бастующим нефтяникам Жанаозена

Четвёртый месяц продолжается ваша забастовка. Вы на личном опыте убедились, что власть, государство в трудовом споре сразу и без колебаний поддержало работодателей.

Это не случайность, а осознанная и продиктованная политической необходимостью позиция. Созданная Назарбаевым система боится любого протеста, не важно — политического, социального, экономического, религиозного.

Для Назарбаева и его коррумпированной сверху донизу власти опасен даже один человек, который осмеливается защищать свои интересы. Тем более сотни и тысячи таких людей, как вы. Именно поэтому с первого дня государство не дает вам использовать свои законные права, не позволяет поменять прирученных работодателем руководителей профсоюза, выносит судебные решения о признании ваших требований и забастовок незаконными, арестовывает и сажает за решётку лидеров и активистов, увольняет с работы, угрожает, запугивает, поджигает. И даже убивает.

В этой трудной ситуации возникает вопрос, что делать дальше.

Ответ лежит на поверхности: если власть не устраивает граждан, то они имеют полное право её поменять. Назарбаев и его клика не всесильны.

Вам будут говорить — сейчас власть поменять невозможно. В стране нет политической конкуренции, избирательный механизм монополизирован Назарбаевым и его политической партией, а все ветви власти находятся под его полным контролем. Но выход есть — *надо выбирать свои органы власти.*

Если режим не слышит народ, который по Конституции является источником власти, *народ может и имеет полное право избрать свою власть.*

Выбрать своих депутатов, начав с маслихата, — таких, которые будут представлять интересы региона и его жителей.

Выбрать акима, который будет решать проблемы граждан, а не обслуживать личные интересы Назарбаева и его семьи.

Выбрать судей, которые будут судить по закону, а не по заказу.

Это будет непросто — власти снова попытаются вас запугать и задавить силой. Но на вашей стороне сочувствие не только казахстанцев, но и международной общественности. Если бы Назарбаев мог, он давно посадил бы за решётку всех, кто против него выступает, но — уже не получается. Хотя бы потому, что он держит украденные им миллиарды долларов за рубежом и вынужден приотрывать демократом.

Мир изменился — никто не простит ему кровопролития, Назарбаеву и его семье некуда будет бежать, и в «Ак орде» это прекрасно понимают. Тем более на фоне сообщений из Ливии и Сирии, где диктаторы уже загнаны в угол.

Нужно сделать первый шаг к реальным изменениям. Выбор трудный, но он за вами.

Сделайте его — возьмите власть в свои руки!

Мухтар Аблязов
23 августа 2011 г.

Мухтар Аблязов: «Пора победить страх и действовать!»

Автор: Редакция

23.09.2011

«Народ — это второе имя бога! Народ — это сила! И никакая армия и полиция не сможет его остановить, если он проявит свой гнев и характер», — пишет в своем новом обращении к бастующим нефтяникам Мангистау Мухтар Аблязов. Текст — правда, только на казахском языке — появился на этой неделе на форумах в интернете, в том числе на Zonakz.net.

Ниже предлагаем перевод этого обращения, сделанный силами редакции. Заранее просим извинения за то, что не всегда выдержана стилистика.

3. Борцы священной земли Мангистау!

Более трёх месяцев длится Ваша борьба за справедливость. Не только в Казахстане, но и во всём мире редко проходят такие продолжительные забастовки. Несмотря на различные провокации и беспрецедентное давление властей, Вы не сдались и не опустили руки. Это, бесспорно, служит всему народу примером мужества и твёрдости духа!

Преступный режим нанес Вам несколько сильных ударов. Борцы, которые встали на Вашу сторону и защищали права простого народа, были жестоко наказаны: юриста Наталью Соколову приговорили к шести годам лишения свободы, лидеру нефтяников

Жанаозена Акжанату Аминову дали два года условно, лишили его здоровья, и вот теперь активистку забастовки нефтяников Наталью Ажигалиеву осудили на пятнадцать суток.

Вам также известно, что молодой политик, член «Народного фронта», защищающий Ваши интересы на республиканском и международном уровне, был отправлен за решётку на десять суток. Но власть на этом не остановилась. Этот преступный режим пошёл даже на убийства: жестоким образом были убиты молодой нефтяник Жаксылыка Турбаев, который должен был возглавить профсоюз, и дочь активиста забастовки нефтяников Жансауле Карабалаева. Вам не удалось защитить их от режима.

Но граждане, которые вышли на Вашу сторону и которые тем самым подвергают свои жизни опасности, нуждаются в активной защите! И именно в Вашей защите! Сколько же можно терпеть и смотреть, как власть расправляется с Вашими активистами? Сегодня уже чёрные тучи нависли не только над лидерами забастовки, но и над всеми Вами. Если вчера они ограничивались наказанием лидеров забастовок, то завтра очередь дойдёт и до Вас, рядовых забастовщиков. Режим хорошо освоил тактику «разделяй и властвуй» и ловко пользуется ею. Если сейчас Вы не проявите солидарности и организованности, то, без сомнений, забастовка решится в пользу преступного режима.

Соседи-киргизы показали пример победы над преступным и антинародным режимом. С чего началось их восстание, закончившееся победой народа? С борьбы против антинародного режима и противостояния произволу диктатуры. Режим Курманбека Бакиева преследовал независимых журналистов и общественных деятелей, в том числе подверг жёсткому прессингу сотрудников «Стан ТВ» (партнёр телеканала «К плюс», который оказывает и вам информационную поддержку). Позже начались аресты оппозиционных лидеров, и тогда народные дружины разгромили тюрьмы и вытащили на свободу лидеров восстания. Почему хорошо подготовленные и вооружённые до зубов войска не смогли противостоять народу? Ответ прост — народ показал пример единства и сплочённости.

Они не оставили своих лидеров на растерзание диктаторского режима!

Ситуация в Мангистау очень схожа с тем, что происходило год назад в Кыргызстане. Почему власть арестовала Соколову? Разве она действительно виновна в «разжигании социальной розни»? Нет! Это был «тест» народного гнева. Проверка, чтобы узнать, представляют ли забастовщики единую и серьёзную силу, способны ли они организовать защиту своим лидерам или это просто толпа, не способная ни на что. Нет смысла писать письма в адрес президента и его зятя с просьбой освободить Соколову! Они посадили юриста не для того, чтобы освободить её!

Увидев неспособность защитить Соколову и Аминова и ответную реакцию на убийства мирных граждан, власти начали массовые репрессии в отношении других лидеров. Это — приёмы «Ак орды», направленные на то, чтобы сломить Ваш дух. Если Вы хотите победить, то пришла пора остановить незаконные действия власти!

Объединяйтесь! Добейтесь освобождения Соколовой и Ажигалиевой! Народ должен встать горой на их защиту. Конечно, цепные псы режима будут ждать Вас. Но не надо их бояться! Они не смогут стрелять в народ! Народ — это второе имя бога! Народ — это сила! И никакая армия и полиция не сможет его остановить, если он проявит свой гнев и характер.

Целое лето Вы провели под палящим солнцем. Наступила осень — не за горами дожди, холода. Чего ждать теперь? Действуйте! Идите вперед! Освободите своих лидеров! Разве Вам нужна антинародная власть? Если не нужна, так меняйте же её и установите Народную власть! Да, это нелегко. Казахи говорят: «Көз қорқақ, қол батыр» («глаза бояться, а руки делают»). Но пора победить страх и действовать.

Справедливость и правда на вашей стороне! «Аққа құдай жак» гласит народная мудрость («Бог на стороне праведного»).

С уважением, гражданин Республики Казахстан Мухтар Аблязов

19.09.2011

Характеристика анализируемого материала

Исследовался текст статей М. Аблязова: «Нужно выбирать свои органы власти» (23.08.2011), «Встань с колен, казах, сбрось со своей шеи тирана и вора» (19.09.2011); «Пора победить страх и действовать!» (23.09.2011). Текст статей явно направлен на дискредитацию существующей власти, способы её смены и установления своей власти. В материале статей усиливается тональность давления на существующую власть: в первой статье «Нужно выбирать свои органы власти» (23.08.2011) повествуется о создании незаконных параллельных структур и органов власти, во второй статье «Встань с колен, казах, сбрось со своей шеи тирана и вора» (19.09.2011) предлагается убрать с занимаемой должности президента Казахстана, в третьей статье «Пора победить страх и действовать!» содержатся призывы к созданию дружин и выступлениям против существующей власти. Мы констатируем тот факт, что все статьи тематически объединены. Обоснование для этого вывода: один автор (М. Аблязов), одна тематика (направлена против существующей власти), одинаковые языковые средства, приёмы и стиль. Их цель: изображение несостоятельности существующей власти, её дискредитация, подстрекательство к захвату власти, призывы к её свержению. Признаком публичности данных статей является их публикация в одном из средств массовой информации — Интернете.

То есть в статьях формулируется программа «конструктивных» экстремистских действий [Осадчий 2007].

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Ниже излагаются толкования основных терминов, имеющих отношение к предмету исследования, исходя из существа поставленных вопросов.

Призывы являются одной из форм активного воздействия на сознание, волю и поведение людей для формирования в них побуждения к определённому виду насильственной деятельности.

сти, например, изменению конституционного строя и нарушению целостности Республики Казахстан. Отличительной чертой призывов является их лозунговый, обобщённый характер. Они могут быть не обращены персонально к какому-либо конкретному адресату, а также могут не содержать указания о конкретном месте, времени и способе совершения экстремистских действий.

С лингвистической точки зрения явным прямым призывом является словесная конструкция, содержащая глагол в форме повелительного наклонения (*иди, бери, не позволяй* и т.п.) или эквивалентных данному наклонению форм (типа *Поборемся! Избавим! Дадим отпор! Пошли! Встали!*). Обязательным компонентом **прямого (явного) призыва** является образ адресата речи — того, кто должен выполнить действия, к которым призывает автор текста. Адресат речи может быть заявлен открыто, в виде обращения (*Молодые люди! Граждане!* и т.п.). Таким образом, формула явного призыва выглядит следующим образом: **императив (форма глагола с побудительным значением) + указание на адресата.**

В русском языке имеется большое количество способов выражения *побуждений к совершению действия или принятию состояния*, т.е. способов выражения **призыва**. Грамматической базой для выражения призыва в русском языке является повелительное наклонение глагола. Основной формой этого наклонения является форма второго лица единственного и множественного числа: *бери — берите, иди — идите*.

Значение повелительного наклонения могут передавать также: инфинитив (*Встать! Молчать!*); формы прошедшего времени (*Пошёл вон!*); формы условного наклонения (*Открыли бы Вы лучше окно*).

В русском языке имеются различные средства передачи *смягчённого повеления*. К ним относится, например, постпозитивная частица *-ка* (*пойдём-ка, возьмите-ка*), а также синтаксический способ — повтор сказуемого и употребление при нём подлежащего, выраженного местоимениями *ты* и *вы*. Напротив,

категоричность повеления может быть подчёркнута, к примеру, употреблением формы единственного числа второго лица по отношению к группе лиц («Курсанты! *Слушай* мою команду!»).

Иначе функционируют формы повелительного наклонения в таких документах как *инструкция*, *рецепт*, *рекомендация*.

Слово *инструкция* в толковых словарях имеет следующие значения: свод правил, устанавливающих порядок и способ осуществления чего-либо; руководящие наставления, указания [Большой толковый словарь русского языка 2000]. То есть **инструкция** — это правовой акт, который издаётся и утверждается в целях установления определённых правил.

Текст инструкции имеет характер указаний. Используются чёткие словесные формулировки с распорядительными словами: «должен», «имеет право», «не допускается», «запрещается» и т.д. Текст излагают от третьего лица или в безличной форме. Инструкции издаются также в целях разъяснения и определения порядка применения и использования чего-либо. В заголовках инструкции чётко очерчивается круг вопросов, объектов и лиц, на которых распространяются требования.

По характеру использования форм повелительного наклонения к инструкции близок **рецепт**. Данное слово имеет следующие значения: указание о способе изготовления, приготовления чего-либо — *рецепт варки стекла*, *рецепт засолки огурцов*; руководство, совет, как действовать, поступать в том или ином случае. Рецепт — это прежде всего наставление, рекомендация. Именно в таком значении используются в рецепте формы императива и другие глагольные формы с императивным значением. Например, призыв к совместному действию в рецепте приготовления рыбного блюда: *Отрезаем у рыбы хвост* [Грачёв, Маркова 2004].

Рекомендация в толковых словарях русского языка толкуется как совет, пожелание, предложение [Большой толковый словарь русского языка 2000].

В любом **политическом призыве** степень категоричности намного выше, чем в инструкции, рецепте или рекомендации

(например: *Бей инородцев — спасай страну!*). Категоричности способствует и постановка восклицательного знака на письме, а в устном варианте — соответствующая интонация, тон голоса, жестикуляция. Политический призыв — это наиболее радикальная и открытая форма словесного воздействия на поведение человека.

Категоричность призывов может быть обусловлена и общим негативным фоном текста или же усилена за счёт использования формы единственного числа личного местоимения второго лица (*тебе, с тобой* и пр.) и притяжательного местоимения *твой*: «Если *твоими* соседями стали кавказцы, знай, что и *твоя* квартира уже недолго будет принадлежать *тебе!*».

Призыв может быть не только явным, но и косвенным, выраженным в подтексте, имплицитно. **Косвенный призыв** — побуждение, выраженное без использования форм глагола с побудительным значением. Косвенный призыв может быть лишён прямого указания на адресата речи (*Необходимо спасти страну, нужно избавлять от иноверцев!*). К разряду косвенных призывов стоит отнести побудительные предложения, оформленные как вопрос: «*Русский, ты и дальше будешь сидеть сложа руки?!!*» Не меньшей призывной силой обладают конструкции со скрытой командой. Внешне фраза «*Надеюсь, Вы сегодня обязательно придёте на наш семинар?*» является вопросом, но в нём скрыто утверждение-команда, сосредоточенное в слове «*обязательно*» (см.: [Осадчий 2007]). Нередко прямые призывы сочетаются в предложении с косвенными. Например, в предложении «*Вступайте в нашу организацию для свержения ненавистного режима!*» призыв к вступлению в организацию будет прямым, а призыв к свержению режима — косвенным.

В публичных выступлениях ораторы нередко используют манипулятивные приёмы. Опасность манипуляции заключается в её **незаметности** и **иллюзии самостоятельности в принятии решений** человеком, ставшим объектом действий манипулятора.

Манипуляция — скрытое воздействие на сознание, волю и поведение человека. Воздействовать можно разными методами, в том числе и языковыми. При этом манипулятор может использовать в своей речи средства воздействия на сознание (подсознание) адресата, т.е. воздействовать на подсознательный компонент личности, чтобы сформировать выгодное для себя убеждение.

Манипулятивной (то есть потенциально оказывающей воздействие на сознание/подсознание адресата речи помимо его воли) является фраза, в которой использованы средства **скрытого речевого воздействия**. К таковым относятся: многовекторное воздействие, психологическое давление, психический автоматизм, эксплуатация личных качеств адресата, <...> а также нейролингвистическое программирование (НЛП-технологии) и гипноз [Осадчий 2007].

В манипулятивных текстах могут использоваться такие **приёмы**, как *фальсификация цитат, спекуляция авторитетным именем или источником, воздействие большими числами, создание впечатления массовости того или иного явления, имитация мнения специалиста, алогизм, подмена понятий, эксплуатация национально-культурных стереотипов, графика* и др. (см.: [Грачёв 2009; Кара-Мурза 2004]). Манипуляция представляет собой не что иное, как вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которого он от них ожидает. В конечном счёте результатом манипуляции является не собственно действие манипулируемого, а **желание манипулируемого сделать то, что нужно манипулятору** (см.: [Кара-Мурза 2004]).

ИССЛЕДОВАНИЕ

Для решения поставленных вопросов было проведено лингвистическое исследование представленного материала при использовании методов контент-анализа, лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста (подробнее см.: [Цена слова 2002]).

Резюмированное исследование по первому вопросу

В статьях явно прослеживаются высказывания, направленные на формирование социальной нетерпимости, возбуждение социальной вражды.

В данных публикациях различаются две противоположные социальные группы: законная власть во главе с Президентом Н. Назарбаевым, работодатели, с одной стороны, и М. Аблязов и его сторонники, с другой стороны. Фактически текстовый материал построен по принципу разграничения — *хороший — плохой (и очень плохой!)*, т.е. *М. Аблязов и его сторонники — хорошие, а законная власть, президент Н. Назарбаев, работодатели — плохие*. В ряде мест М. Аблязов считает своим сторонником *весь казахстанский народ* (см., например, контекст: *«Народ — это сила! И никакая армия и полиция не сможет его остановить, если он проявит свой гнев и характер»*).

В трёх статьях М. Аблязова наблюдается формирование у читателей социальной нетерпимости к представителям законной власти (всей государственной системе), работодателям и президенту Н. Назарбаеву. Причём им дана исключительно негативная характеристика. По сути, формируется образ врага: он (враг) занимается казнокрадством и воровством, коррумпирован, творит произвол в отношении простых граждан и инакомыслящих, арестовывает, заключает их под стражу, лишает здоровья, убивает и даже сжигает, к тому же не способен урегулировать современные проблемы Республики Казахстан (см. ситуацию с государственным языком). Например, президента Н. Назарбаева называют тираном и вором (см. призывы в анализе по второму вопросу). Саму власть и её структуры считают «коррумпированной сверху донизу» и творящей беззаконие, см. контекст: *«Для Назарбаева и его коррумпированной сверху до низу власти опасен даже один человек, который осмеливается защищать свои интересы. Именно поэтому с первого дня государство не даёт вам использовать свои законные права, не позволяет поменять прирученных работодателем руководителей профсоюза, выносит судебные решения о при-*

знании ваших требований и забастовок незаконными, арестовывает и сажает лидеров и активистов, увольняет с работы, угрожает, запугивает, поджигает». Власть также боится любого протеста (см. контекст: «Созданная Назарбаевым система боится любого протеста...»). Если власть, в том числе и президент, предлагают языковые меры, ущемляющие права русскоязычного населения, то М. Аблязов выступает как интернационалист, предлагающий защитить русский язык. Если современное государство плохое, то *«мы должны построить своё справедливое и успешное государство, в котором все заживут справедливо и счастливо»* (см. статью «Встань с колен, казах, сбрось с шеи тирана и вора»). Называя Н. Назарбаева *тираном*, М. Аблязов считает себя *«демократом»*, *«гражданином Республики Казахстан»*.

Используется система запугивания существующей власти: приводятся примеры удачных выступлений противников легитимных властей в Киргизии, Египте и Ливии. (Заметим, что в данных странах ими были использованы насильственные действия). Тем более что все остальные страны будут на стороне единомышленников М. Аблязова и против Н. Назарбаева и его семьи, см. контекст: *«Мир изменился — никто не простит ему кровопролития, Назарбаеву и его семье некуда будет бежать, и в “Ак орде” это прекрасно понимают. Тем более на фоне сообщений из Ливии и Сирии, где диктаторы уже загнаны в угол»*.

М. Аблязов призывает создавать народные дружины, которые должны выручить арестованных его сподвижников в Мангистау. И он опять ссылается на удачный опыт в Киргизии (см. контекст: «Позже начались аресты оппозиционных лидеров, и тогда народные дружины разгромили тюрьмы и вытащили на свободу лидеров восстания» — статья М. Аблязова «Пора победить страх и действовать»). В то же время М. Аблязов убеждает своих сторонников не бояться властей, которые, по его мнению, «не будут стрелять в народ!», тем самым провоцируя забастовщиков на новые активные выступления против леги-

тимной власти. Текст всех трёх статей направлен на возбуждение социальной вражды между сторонниками М. Аблязова и легитимной властью, которую автор называет «преступным режимом».

По существу, все три статьи М. Аблязова — это нагнетание страстей против власти и её главы — президента Республики: первая статья «Нужно выбирать свои органы власти» (23.08.2011), направлена против местных органов власти, вторая статья «Встань с колен, казах, сбрось со своей шеи тирана и вора» (19.09.2011); — против президента Н. Назарбаева и третья статья «Пора победить страх и действовать!» призывает народ к освобождению арестованных лидеров и борьбе против всей легитимной власти Казахстана. В статьях отсутствуют слова о диалоге с работодателями, существующей властью и с президентом Республики Казахстан.

Большинство призывов (см. исследование по второму вопросу) направлено на возбуждение социальной вражды между сторонниками М. Аблязова и законной властью Республики Казахстан.

ВЫВОД: В представленном на исследование текстовом материале имеются высказывания, направленные на формирование социальной нетерпимости, возбуждение социальной вражды и розни.

В то же время в статьях отсутствуют высказывания, направленные на формирование национальной, родовой, расовой, религиозной вражды, оскорбления национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, а также высказывания об исключительности, превосходстве либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности.

Резюмированное исследование по второму вопросу

В материалах статей имеются следующие призывы (см. выше теоретические рассуждения о призывах):

В статье М. Аблязова: «Нужно выбирать свои органы власти» (23.08.2011) содержатся призывы, направленные на самовольное, неконституционное создание параллельных структур власти.

Главный призыв (прямой императив) находится в конце статьи: («Выбор трудный, но он за вами»). **«Сделайте его — возьмите власть в свои руки!»**. Этот призыв стоит в конце статьи, т.е. в сильной позиции.

Далее идут призывы, содержащие конкретизацию захвата власти:

1. Если власть не устраивает граждан, то они имеют полное право её поменять.
2. Надо выбирать свои органы власти.
3. Выбрать своих депутатов, начав с маслихата, — таких, которые будут представлять интересы региона и его жителей.
4. Выбрать судей, которые будут судить по закону, а не по заказу.
5. Нужно сделать первый шаг к реальным изменениям. Выбор трудный, но он за вами. ***Сделайте его — возьмите власть в свои руки!***

Как видно из призывов и обрамляющих их контекстов, самовольный захват власти на местах — первый шаг оппозиции.

Проанализируем призывы в статье М. Аблязова **«Встань с колен, казах, сбрось с шеи тирана и вора!»**.

Заголовок статьи (сильная позиция — абсолютное начало текста статьи) содержит призыв к насильственному свержению верховной власти (под тираном и вором понимается президент Казахстана Н. Назарбаев: об этом свидетельствует и данный, конкретный текст статьи, и предыдущая статья, и последующая. Глагол *сбросить* содержит в себе семантику *насильственные действия*. Лексемы *тиран* и *вор* содержат отрицательный компонент характеристики президента Казахстана. Контекст призыва

ва подсказывает, что от тирана можно избавиться только насильственным путём — *сбросить его с шеи* казахского народа (*казах* имеет значение «казахский народ» — перенос наименования с целого на часть (синекдоха). Анализируемый призыв повторяется дважды в данной статье.

1. *Я повторяю Ваши призыв, который полностью поддерживаю, — встань с колен, казах, сбрось со своей шеи тирана и вора, построй свое будущее сам вместе с теми, кому дорого будущее нашей Родины.*

2. Повторяю Ваш призыв, который полностью поддерживаю, — *встань с колен, казах, сбрось со своей шеи тирана и вора, построй свое будущее сам вместе с теми, кому дорого будущее нашей Родины.* (Последние строчки находятся в сильной позиции — в конце статьи.)

Данные призывы содержатся на фоне текстов дискредитации власти и её запугивания, в частности, в статье содержатся косвенные угрозы президенту Казахстана Н. Назарбаеву.

Призыв-рефрен к отстранению от президентской власти Н. Назарбаева насильственным путём, по сути, является вторым шагом сторонников идей М. Аблязова.

В статье М. Аблязова «Пора победить страх и действовать!» содержатся следующие призывы:

1. Заголовок статьи «Пора победить страх и действовать!» (сильная позиция — абсолютное начало текста) является призывом, направленным против законной власти. Как показывает дальнейший текст статьи, данный призыв расшифровывается следующим образом: *победить страх* перед властью; и *действовать* против власти за освобождение из-под стражи своих лидеров.

2. Если сейчас Вы не проявите солидарности и организованности, то без сомнений забастовка решится в пользу преступного режима (законной власти Республики Казахстан. — М.Г.).

3. Если Вы хотите победить, то пришла пора остановить незаконные действия власти! (*То есть действия властей счита-*

ются незаконными, причём призыв предусматривает двоякое толкование: то ли незаконными считаются **все** действия властей, то ли какие-то **конкретные** действия).

4. Объединяйтесь! Добейтесь освобождения Соколовой и Ажигалиевой! Народ должен встать горой на их защиту. Действуйте! Идите вперед! Освободите своих лидеров!

5. Разве Вам нужна антинародная власть? Если не нужна, так меняйте же её и установите Народную власть!

6. Но пора победить страх и действовать. (Данный призыв повторяет призыв-заголовок статьи). По сути, он используется как выразительное средство, направленное на закрепление призыва к борьбе. Здесь автор, призывая к освобождению лидеров забастовок, переходит и на призывы, направленные против власти и установление собственной власти. *Это подмена органов власти на собственные.*

Заголовки статей содержат призывы к насильственному захвату власти.

ВЫВОД

В текстах статей имеются высказывания побудительного характера, содержащие призывы к насильственному захвату власти, насильственному изменению конституционного строя.

В текстах не содержится высказываний побудительного характера, содержащих призывы к насильственному удержанию власти, подрыву безопасности государства, насильственному нарушению единства территории Республики Казахстан.

Некоторые лингвистические экспертизы не подтверждают в материалах публикаций и — шире — в текстах наличия экстремистских призывов. В качестве примера приведём комиссионную экспертизу (лингвисты-эксперты — М.А. Грачёв и Т.Д. Маркова).

Материал исследования: статья Ю. Фадеева «О ювенальной юстиции и домострое», опубликованная в газете «Улица Московская» № 30 (355) от 06.08.2010.

На разрешение лингвистов-экспертов были поставлены следующие вопросы (приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала Запроса):

1. Имеются ли в тексте высказывания побудительного характера, содержащие призывы к насильственным действиям в отношении лиц определённой социальной группы? (школьников)
2. Имеются ли в тексте высказывания, обосновывающие или оправдывающие действия, направленные на дискриминацию лиц определённой социальной группы?
3. Имеются ли в тексте высказывания, направленные на нарушение прав, свобод и законных интересов лиц определённой социальной группы?
4. Содержится ли в тексте пропаганда культа насилия и жестокости?

Место проведения лингвистического исследования — Нижегородская региональная общественная организация «Лингвистический экспертно-консультационный центр» (Н. Новгород, ул. Пискунова, д. 20-а, к. 27).

Время проведения лингвистического исследования — с 11.01.2011 по 27.01.2011.

Исследование по первому вопросу

Для ответа на первый вопрос необходимо дать толкование таким лингвистическим терминам, как «*высказывание побудительного характера*» и «*призыв*», а также объяснить, как понимается в социолингвистике термин «*социальная группа*».

Высказывание побудительного характера — высказывание, выражающее волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо.

Языковые средства выражения побуждения:

- глагол в повелительном наклонении: *Принеси книгу!*
Спой песню!;
- глагол в неопределённой форме (инфинитив): *Принести книгу!* *Спеть песню!* *Молчать!*;

- глагол в личной форме, выражающий волю: *Прошу (приказываю, требую) принести книгу! Прошу спеть песню;*
- глагол в условном наклонении: *Вы бы хоть книги читали, что ли...;*
- слова различных частей речи со значением необходимости или возможности (*должен, надо, следует, можно*) в сочетании с инфинитивом: *Ты должен ему помочь! Можешь немного отдохнуть!;*
- частицы *давай, давайте, ну-ка, да, пусть, же*: *Пусть сильнее грянет буря! Да здоровует солнце!;*
- неполное предложение без сказуемого: *Книгу! Песню!;*
- предложения, начинающиеся союзом *чтобы* (для выражения категорического приказа): *Чтобы духу твоего здесь не было!;*
- в разговорной речи междометия *айда, марш, цыц*: *Айда ко мне!;*
- глагол в форме изъявительного наклонения (прошедшего и будущего времени): *Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви! Пошёл с дороги! Поехали!;*

Призывы бывают **прямые, косвенные и скрытые**.

Формула прямого призыва: глагол с побудительным значением + наименование адресата.

Косвенный призыв выражается без использования форм глагола с побудительным значением. Косвенный призыв может быть лишён прямого указания на адресата речи (в этом случае используются модальные глаголы без личных местоимений). К косвенным призывам относятся побудительные предложения, оформленные как вопрос.

Скрытый призыв отличается отсутствием императивной формы глагола. При скрытом призыве автор текста подстрекает к определённым действиям, программирует поведение адресата речи, нередко при этом манипулирует сознанием.

Социальная группа (С.г.) — относительно устойчивая совокупность людей, имеющих общие интересы, ценности и нор-

мы поведения, складывающаяся в рамках исторически определенного общества. В каждой *С.г.* воплощаются некоторые специфические взаимосвязи индивидов между собой и обществом в целом. Различному характеру этих связей соответствует многообразие *С.г.*. Каждой *С.г.* присущи определённые поведенческие нормы, в том числе и речевые.

Большая *С.г.* — совокупности людей, существующие в масштабах общества (страны) в целом. Принадлежность индивидов к большой группе определяется на основе некоторых объективных признаков. Лица, относящиеся к большой *С.г.*, могут не иметь непосредственного контакта с другими членами группы. Напр., этнические общности (нация, народность, племя), возрастные группы (молодёжь, пенсионеры).

Средняя *С.г.* — к этому виду обычно относят территориальные общности и производственные объединения работников одного предприятия. Производственные объединения создаются для достижения определённой цели и регулируют свой состав и отношения с помощью иерархической структуры власти, формализованных коммуникаций, способов принятия решений и санкций. Территориальные общности являются спонтанными образованиями. Например, работники какого-либо завода, крупной фирмы, жители одной деревни, города, района.

Малая *С.г.* — малочисленная социальная группа, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе (симпатии, неприятия или безразличия), так и особых групповых ценностей и норм поведения:

1) **неформальная малая *С.г.*** — то же, что и социально-психологическая группа. Малая группа, которая стихийно складывается на основе личных симпатий и общих интересов: дружеская компания или приятели, которые вместе ходят на охоту или в баню;

2) **формальная (целевая или инструментальная) малая *С.г.*** Функционирует в соответствии с заранее установленными

(обычно официально фиксированными) целями, положениями, инструкциями, уставами. Между членами формальной малой С.г. также могут складываться неформальные отношения, и успех её функционирования во многом зависит от соответствия друг другу формальной и неформальной структур группы. Например, семья, футбольная команда, школьный класс.

С учетом приведённого выше определения *социальной группы* можно говорить о том, что в тексте исследуемой публикации содержатся номинации следующих социальных групп, в частности национальной, возрастных, профессиональных и имущественных (здесь и далее толкования номинативных единиц даны в соответствии с использованными толковыми словарями — см. список использованной литературы):

Дети — мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества: *«И с бешеной энергией стали проталкивать соответствующие законы: преступников-родителей — в тюрьму; а детей — в заботливые руки государства».*

Русский народ, то же, что и *русские*, — составляющий основное коренное население России: *«Это хорошо спланированный, щедро оплаченный геноцид, направленный на физическое уничтожение русского народа».*

Чиновники — государственные служащие: *«...государство и обслуживающих государство чиновников».*

Капиталисты — богатые, разбогатевшие люди: *«...капиталистов и обслуживающий их персонал — от депутатов, журналистов, визажистов до нянь, садовников и бодигардов».*

Депутаты — выборные представители, члены выборного государственного учреждения: *«...капиталистов и обслуживающий их персонал — от депутатов, журналистов, визажистов до нянь, садовников и бодигардов».*

Журналисты — литературные работники, занимающиеся журналистикой: *«...капиталистов и обслуживающий их персонал — от депутатов, журналистов, визажистов до нянь, садовников и бодигардов».*

Визажисты — специалисты по макияжу, по наложению косметического грима: «...капиталистов и обслуживающий их персонал — от депутатов, журналистов, визажистов до нянь, садовников и бодигардов».

Няни — женщины или девушки, занимающиеся уходом за ребенком, за детьми: «...капиталистов и обслуживающий их персонал — от депутатов, журналистов, визажистов до нянь, садовников и бодигардов».

Садовники — работники, занимающиеся уходом за садом: «...капиталистов и обслуживающий их персонал — от депутатов, журналистов, визажистов до нянь, садовников и бодигардов».

Бодигарды — (англ. *body-gard* < *body* — тело + *gard* — охрана, стража) — личная охрана; телохранители: «...капиталистов и обслуживающий их персонал — от депутатов, журналистов, визажистов до нянь, садовников и бодигардов».

Беспризорники — бездомные, не имеющие семьи дети, подростки: «Лучше бы эти ревнителю ювенальной юстиции подались в товарищи Дзержинские и взяли под свою опеку беспризорников, шастающих по стране, как после Гражданской войны».

Молодые женщины — лица, противоположные по полу мужчинам, находящиеся в возрасте от отрочества до зрелых лет: «Слишком много развелось молодых женщин, которые могут профессионально шарить в Интернете, а подмыть собственного ребенка не умеют».

Семья — группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.), живущих вместе: «Каждая семья, задумавшая иметь ребенка, должна получить медицинский сертификат, гарантирующий, что новый член общества будет здоровым полноценным членом общества».

Также в тексте имеется случай использования имени существительного «ученик» в переносном значении. **Ученик** — учащийся средней школы, профессионально-технического училища: «Судья рассматривает прямо на месте каждый случай

*асоциального поведения ученика и выносит приговор». В данном высказывании толкование лексемы ученик, имеющей форму единственного числа, может быть двояким. С одной стороны, это может быть *любой (ученик), конкретный (ученик)*, а с другой — *совокупность учеников*, если автор использует имя существительное «ученик» в переносном значении (перенос по типу *синекдохи* — с части на целое). Вероятнее всего, с учётом контекста рассматриваемого фрагмента статьи в данном случае лексема ученик функционирует в смысле *ученики, школьники*.*

По отношению к некоторым из названных социальных групп в тексте публикации выражены побуждения, содержащиеся соответственно в высказываниях побудительного характера:

1. «Поэтому срочно! Немедленно! Сегодня же! Не дожидаясь, пока почешутся народные избранники насчёт соответствующих законов! Явочным порядком, если государству это по фигу! В каждой школе вести независимого ювенального судью».

2. «При этом пусть учтут, что сейчас каждый законопослушный и работающий гражданин РФ содержит <...>».

3. «Лучше бы эти ревнители ювенальной юстиции подались в товарищи Дзержинские и взяли под свою опеку беспризорников, шастающих по стране, как после Гражданской войны. И сделали из них достойных людей».

4. «Или потребовали бы от президентов и правительства разработать действительно доступную программу по обеспечению каждой семьи достойным жильем».

5. «Первое, что должны сделать депутаты, — принять закон о ювенальной юстиции. Второе — пересмотреть содержание школьных программ. И вести наряду с основами православия новый предмет — Домострой. <...> Четвертое. Каждая семья, задумавшая иметь ребёнка, должна получить медицинский сертификат, гарантирующий, что новый член общества будет здоровым полноценным человеком».

6. «Ксению Собчак законодательно обязать вести на телевидении программы “Домострой” и “Юности честное зеркало”. С соответствующим личным поведением, естественно».

Из приведённых выше фрагментов публикации **в одном** обнаружены высказывания побудительного характера, содержащие призыв: *«Поэтому **срочно!** **Немедленно!** **Сегодня же!** **Не дожидаясь,** пока почешутся народные избранники насчёт соответствующих законов! **Явочным порядком,** если государству это по фигу! В каждой школе **вести** независимого ювенально-го судью».*

Структурно данный фрагмент представляет собой парцеллированное высказывание. По данным словаря лингвистических терминов, стилистический прием *парцелляция* представляет собой «такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Парцелляция позволяет усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений». Таким образом, лексемы *срочно, немедленно, сегодня же, не дожидаясь, явочным порядком,* передающие экспрессивные оттенки значений, относятся к глаголу *вести*.

Грамматическими показателями, позволяющими квалифицировать данное высказывание как призыв, служат:

- 1) форма повелительного наклонения, которая передаётся инфинитивом глагола *вести*;
- 2) сочетание неопределённой формы глагола *вести* с наречиями, обладающими семантикой «незамедлительное действие» (*срочно, немедленно, сегодня же*);
- 3) сочетание неопределённой формы глагола *вести* с деепричастием со значением «незамедлительное действие» (*не дожидаясь*);
- 4) сочетание неопределённой формы глагола *вести* с фразеологической единицей *явочным порядком*, имеющей семантику «без согласования», «без спросу», «без разрешения».

Итак, высказывание *«Поэтому срочно! Немедленно! Сегодня же! Не дожидаясь, пока почешутся народные избранники насчёт соответствующих законов! Явочным порядком, если го-*

сударству это по фигу! В каждой школе ввести независимого ювенального судью» содержит призыв к назначению ювенально-го судьи в школе. Данное высказывание содержит призыв к действиям в отношении лиц определённой социальной группы — школьников, так как:

1) лексема *школа* имеет значения «учебное заведение, которое осуществляет общее образование и воспитание», «коллектив одного такого учебного заведения, его ученики и учителя».

2) лексема *ювенальный* имеет значение «связанный с детьми и подростками (о соответствующих органах юстиции)».

Других высказываний побудительного характера, **содержащих призыв**, в тексте публикации **не обнаружено**.

Таким образом, в тексте статьи имеется высказывание побудительного характера, содержащее призыв к действиям в отношении лиц определенной социальной группы (школьников), а именно — призыв ввести независимого ювенального судью в каждой школе.

Квалификация обнаруженного призыва как призыва к насильственным либо ненасильственным действиям не входит в профессиональную компетенцию лингвистов-экспертов.

Исследование по второму вопросу

Дискриминация (от лат. *discriminatio* — различение) — процесс, посредством которого член(ы) социально определенной группы воспринимается(ются) по-другому (в частности, с неудовольствием) из-за его (их) принадлежности к данной группе. Вызвать такое отношение могут особенности, связанные с расой, этносом, родом или религией [Джери 1999].

В Исследовании по первому вопросу (см. ранее) перечислены все социальные группы, упоминаемые в анализируемой публикации. С учётом принятого в социологии (и социолингвистике) и приведённого выше толкования *дискриминации* можно утверждать, что в тексте рассматриваемой статьи **не обнаружено** ни одного высказывания, в котором обосновывались бы или

оправдывались бы действия, направленные на дискриминацию лиц какой-либо социальной группы.

Исследование по третьему вопросу

Данный вопрос касается понятий, выходящих за пределы профессиональной компетенции лингвистов-экспертов: *права, свободы, законные интересы.*

Согласно данным толковых словарей современного русского языка (см. список использованной литературы), перечисленные термины в контексте заданного экспертам вопроса означают следующее:

ПРА́ВО — охраняемая государством, узаконенная возможность что-н. делать, осуществлять. *Права и обязанности граждан. Восстановить в правах кого-н. П. голоса. Права человека (права личности, гражданские, политические и социально-экономические права и свободы: право на жизнь, на свободу и неприкосновенность личности, на равенство всех перед законом, право на труд, на социальное обеспечение, на отдых, на образование и др.).*

СВОБО́ДА — отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса, всего общества или его членов. *С. совести (право исповедовать любую религию или не придерживаться никакого вероисповедания). С. слова. С. печати. С. личности (неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, телефонных и телеграфных сообщений, свобода совести). С. собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Борцы за свободу народа. Завоевать свободу.*

ЗАКОН́НЫЕ ИНТЕРЕ́СЫ — соответствующие закону нужды, потребности. *Групповые интересы. Защищать свои интересы. Духовные интересы.*

Из приведённых толкований, несомненно, следует, что для ответа на поставленный перед лингвистами-экспертами вопрос

познаний в области лингвистики явно недостаточно. Таким образом, исследование по третьему вопросу **не входит в профессиональную компетенцию лингвистов.**

Исследование по четвёртому вопросу

Для ответа на этот вопрос необходимо определить термины *пропаганда* и *культ*, а также дать толкования словам *насилие* и *жестокость*.

Согласно Большому энциклопедическому словарю (см. Список использованной литературы), пропаганда (от лат. *propaganda* — подлежащее распространению) — распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе; в более узком смысле — политическая или идеологическая пропаганда с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов. Аналогично объясняют это наименование и толковые словари: пропаганда — распространение в обществе каких-л. идей, воззрений, знаний путём постоянного глубокого и детального их разъяснения. Выделяют три категории пропаганды: «белая», «серая» и «чёрная». «Белой» называется пропаганда, в которой четко указаны источники информации и предоставляются точные сведения. «Серой» называется пропаганда, источник которой не всегда может быть точно определён и не всегда можно ручаться за точность предоставляемой информации. «Чёрная» пропаганда — это вид пропаганды, в которой используются ложные источники и передаются сфабрикованные или ложные сведения; это «большая ложь», применяющая все виды обмана. Сейчас для обозначения этого вида пропаганды используют термин «дезинформация». Пропагандистское сообщение является основным компонентом пропагандистского процесса, в его основе лежит идеологически окрашенная информация, содержащая оценку тех или иных социальных явлений. Форма выражения оценки может быть различной: от внешне нейтральной констатации фактов до эмоционального призыва — лозунга.

Понятие культа предполагает либо религиозное служение, поклонение, совокупность определённых обрядов и ритуалов, либо наивысшее почитание кого- или чего-либо, преклонение перед кем-то или чем-то.

Современные толковые словари русского языка так объясняют значения слов *насилие* и *жестокость*:

Насилие — 1. Применение физической силы к кому-л. 2. а) применение силы для достижения чего-л., принудительное воздействие на кого-л., что-л; б) притеснение; беззаконие, злоупотребление властью. 3. То же, что: изнасилование.

Жестокость — 1. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: жестокий. 2. Жестокий поступок.

Жестокий — 1. Крайне суровый и грубый; беспощадный, безжалостный. 2. *перен.* Очень сильный, превышающий обычную степень, размеры; чрезмерный.

В анализируемой публикации имеются признаки пропаганды. Они обнаруживаются в следующих фрагментах.

а) «<...> Поэтому срочно!

Немедленно!

Сегодня же!

<...> В каждой школе ввести независимого ювенального судью. При нём — в зависимости от контингента школы — до 10 надзирателей. Или ювенальных приставов, приставленных немедленно исполнять приговоры судьи».

б) «Лучше бы эти ревнители ювенальной юстиции подались в товарищи Дзержинские и взяли под свою опеку беспризорников, шастающих по стране, как после Гражданской войны. И сделали из них достойных людей.

Озаботились тем, чтобы колонии для малолетних преступников не выпускали преступников заматерелых.

Или навели порядок в существующих детских домах. Или потребовали бы от президентов и правительства разработать дей-

ствительно доступную программу по обеспечению каждой семьи достойным жильём.

Или направили свою бешеную энергию на подъём сельского хозяйства».

в) «Итак, первое, что должны сделать депутаты — принять закон о ювенальной юстиции.

Второе — пересмотреть содержание школьных программ. И ввести наряду с основами православия новый предмет — Домострой. <...>

Третье. Принудительная стерилизация пьяниц, наркоманов, спидоносцев и дебилов. <...>

Четвёртое. Каждая семья, задумавшая иметь ребёнка, должна получить медицинский сертификат, гарантирующий, что новый член общества будет здоровым полноценным человеком».

Итак, в статье имеются элементы пропаганды здорового образа жизни, борьбы с беспризорностью и асоциальными явлениями, а также пропаганда принятия государственных мер по решению насущных социальных проблем.

Также в некоторых фрагментах текста имеется упоминание или описание явлений насилия и жестокости. Например, «*дебил-внук с ножом получает 10 розог по голой жопе*».

Однако рассматриваемая публикация **не содержит никаких признаков пропаганды какого бы то ни было культа.**

Таким образом, **исследуемый текст не содержит пропаганду культа насилия и жестокости.**

Для решения поставленных вопросов было проведено лингвистическое исследование представленного материала при использовании методов контент-анализа, лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического, морфологического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста (подробнее см.: [Цена слова 2002]).

ВЫВОДЫ

1. В исследуемом тексте имеется высказывание побудительного характера, содержащее призыв к действиям

в отношении лиц определённой социальной группы (школьников), а именно — призыв ввести независимого ювенального судью в каждой школе.

Однако квалификация обнаруженного призыва как призыва к насильственным либо ненасильственным действиям не входит в профессиональную компетенцию лингвистов-экспертов.

2. В исследуемом тексте не обнаружено ни одного высказывания, в котором обосновывались или оправдывались бы действия, направленные на дискриминацию лиц какой-либо *социальной группы*.
3. Обнаружение в тексте высказываний, направленных на *нарушение прав, свобод и законных интересов* лиц определённой социальной группы выходит за пределы профессиональной компетенции лингвистов-экспертов.
4. В исследуемом тексте не содержится пропаганда *культы* насилия и жестокости.

3.2. Манипуляционные лингвистические приёмы

Языковая манипуляция — явление достаточно древнее, восходящее к временам зарождения риторики. Наиболее известные ораторы Древней Греции и Рима (Протагор, Сократ, Демосфен, Цицерон, Квинтилиан) в своих публичных выступлениях уже применяли манипулятивные лингвистические приёмы. Среди риториков древнего мира особо следует отметить софистов, которые придумали целую науку лингвистического обмана. И в настоящее время, для того чтобы убедить оппонента, нередко используются заведомо запрещённые приёмы, целая система языковых уловок. Особенно они характерны для пропаганды. Так, мастером вербального обмана и суггестии был министр пропаганды гитлеровской Германии Йозеф Геббельс. Его главный лозунг: «Клевещите — что-нибудь да останется!».

Манипуляция — скрытое воздействие на сознание, волю и поведение человека. Воздействовать можно разными мето-

дами, в том числе и языковыми. При этом манипулятор может использовать в своей речи средства воздействия на сознание (подсознание) адресата, т.е. воздействовать на подсознательный компонент личности, чтобы сформировать выгодное для себя убеждение.

Манипулятивной (то есть потенциально оказывающей воздействие на сознание / подсознание адресата речи помимо его воли) является фраза, в которой использованы средства скрытого речевого воздействия. К таковым относятся: многовекторное воздействие, психологическое давление, психический автоматизм, эксплуатация личных качеств адресата... [Осадчий 2007].

Внушение воздействует на инстинкты или подсознание, при этом адресат не подозревает о манипулятивном воздействии.

Для того чтобы возбудить национальную, расовую, религиозную или социальную вражду, авторы-экстремисты используют информацию, которая способствует формированию в сознании читателя (слушателя) негативного образа человека на основе его принадлежности к определённой группе, под которой понимается нация, раса, а также языковые, социальные или религиозные социумы.

Опасность использования таких методов состоит в том, что они позволяют манипулировать людьми, делают их послушными. Цель — подменить их духовные ценности. Например, тоталитарные секты внушают, что следует во всём подчиняться определённому богу и его наместнику на земле — гуру. Для этого нужно расстаться с ложными (греховными) устоями, как-то: любовь к семье, мужу, детям, родине; человеку внушается, что он должен забыть историю страны, в которой родился, патристический и гражданский долг. Поэтому лица иного мировоззрения в манипулятивном тексте могут быть названы врагами, плохими и злыми людьми, которым нет места в современном обществе, а в будущем они будут уничтожены божественными силами; их философские взгляды на мир и религиозные традиции изображаются как преступления и пороки.

При убеждении используются приёмы и методы лингвистического воздействия на сознание человека. К таковым относятся:

а) смешение истинных и ложных утверждений; нередко в этих случаях наблюдаются вкрапления лжи в основной правдивый текст, (при этом создаётся иллюзия правдивости всего написанного или сказанного);

б) воздействие на эмоциональную составляющую личности;

в) алогизмы;

г) использование больших чисел;

д) применение различных графических средств (шрифтов, иллюстраций, фотографий);

е) словесные и иллюстративные повторы;

ж) эксплуатация этнокультурных, концептуально значимых наименований;

з) призывы.

Причём положительные отклики на призыв могут быть и спровоцированными. Поясним это на примере. Сначала читателю предлагается вопрос, на который может быть дан только положительный ответ: *«Вы хотите, чтобы ваши дети жили в счастливой стране, жили здоровыми и в безопасности?»*. А затем следует призыв: *«Так прогоните к чертям собачьим всю эту армию чёрных!»*.

В текстах широко применяется такой приём, как повторение слов и предложений. Данное лингвистическое явление далеко не новое: оно широко использовалось и используется в молитвах (языческих, монотеистических). При этом часто употребляются утверждения с отчётливо выраженной модальностью долженствования о том, что следует делать, не предлагая при этом никаких доказательств. Нередко данная модальность выражается при помощи лексемы *должен*. (Например, *«Настоящий русский человек должен вымести поганой метлой всю эту нечисть с Русской земли»*; *«Мы должны молиться только одному Богу»*). Языковым повторам сопутствуют и повторы иллюстраций, призванные сформировать в восприятии читателя положительное

отношение к чему-, кому-л. Элементарное «вдалбливание» простых истин или определённых мыслей может иметь успех не только среди малограмотных людей, но и лиц с высшим образованием.

Большое значение при манипулировании в текстах придаётся графическим средствам: шрифту, иллюстрациям, фотографиям. Например, в ряде экстремистских брошюр и листовок используется система шрифтов: чтобы читатель запомнил текст, его основные фрагменты (отражающие главные мысли) могут быть выделены жирным, косым, крупным шрифтом или особым расположением слов в содержании. Нередко они стоят в начале или конце текста (предложения), т.е. в сильной позиции.

Текст для лучшего запоминания может быть также расположен полукругом, причём предложения, содержащие основные мысли, выносятся на отдельную строку.

Особую роль при манипулировании сознанием играют фотографии. Нередко используют такие приёмы, как фотомонтаж: например, автор листовки может быть изображён в компании с известным, авторитетным человеком: политиком, врачом, писателем. (Заметим, что особенно часто этот приём используют в рекламе фальшивых лекарств). В брошюрах тоталитарных сект манипуляторы, описывая события прошлого (например, сведения из Библии), изображают древних людей похожими на современных, тем самым используют так называемый *адапционный приём*.

Иллюстрации невербально передают информацию о том, что общение с сектантами принесёт радость. В сознании человека многочисленные изображения улыбающихся лиц создают положительный образ. Количество однотипных по содержанию фотографий эффективно выполняет свою функцию: создаётся впечатление массового счастья среди сектантов. На фотографиях и рисунках могут быть изображены люди, старательно изучающие книги религиозного (сектантского) содержания, слушающие наставления духовных руководителей. Этот тип фотоиллюстраций

(картинок) является ещё и манипулятивным средством подчинения главам сект.

Фотомонтажи активно используют многочисленные газеты и журналы. Например, в одном из журналов-однодневок, чтобы подчеркнуть неадекватность поведения, жестокий нрав и кровожадность известного политического деятеля, его изобразили со свирепой плотоядной улыбкой, с двумя ножами, которыми он разрезает... торт. Данный фотомонтаж уже предваряет тональность текста, вызывает негативные чувства к изображённому политику. Последующий текст журнала подтверждает негативное впечатление и конкретизирует отрицательные стороны характера и деятельности изображённого человека.

В брошюрах все сторонники тоталитарных сект изображены улыбающимися, радующимися жизни, даже свирепые животные от общения с ними кажутся умиротворёнными, тогда как враги и противники или даже те, кто не является членом сект, показаны злыми и кровожадными людьми. Манипуляторы используют и подбор цвета: сектанты и их сторонники окрашены в золотистый цвет, нередко в голубых (небесных) одеждах, интерьер — в зелёный (умиротворяющий), а противники — в чёрно-синий, кроваво-чёрный (угрожающий). Сочетание образа и слова очень действенно влияет на психику человека, так как иллюстрации способствуют лучшему запоминанию ключевых мыслей текста.

Нередко в текстах используются приёмы и методы лингвистического многовекторного воздействия на сознание и подсознание человека. Например, в одном и том же тексте манипуляторы могут заинтересовать, заинтриговать и в то же время запугать адресата.

Так, одна из книг, специально написанная для террористов (!), имеет интригующее название. Авторы произведения отлично понимали, что оно читалось бы неохотно, так как в нём используется множество специальных терминов и профессионализмов, связанных с производством огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, ядов и проч. Для того чтобы текст

интереснее воспринимался, они использовали иронию, сарказм и сатиру. Авторы также ввели эпитафии, представляющие собой «детские страшилки» и афоризмы террористов. В книге обыгрываются известные литературные цитаты. См., например, трансформированную цитату из трагедии В. Шекспира «Гамлет»: «Бить или убить? — вот в чём вопрос» (террорист переводит Шекспира). Авторы выбрали игривую форму повествования, что видно уже из псевдонимов, использовали смешное название несуществующего города, где издана книга, фамилию редактора, издательство «Глюки Кирилла и Мефодия» (на жаргоне наркоманов *глюки* — галлюцинации от действия наркотиков). В книге наряду с нормированной лексикой употреблены и жаргонно-просторечные слова и выражения, и даже нецензурные лексемы.

Эта игривая форма повествования сохраняется до текстов, в которых повествуется об изготовлении оружия, взрывчатки, ядов, психотропных веществ, методов и способов пыток, подделки документов и проч. В дальнейшем наблюдается жёсткая логика, отсутствие ненормативной лексики.

Нередко экстремистские тексты составляются таким образом, чтобы запугать читателя, вызвать у него страх если не за себя, то за своих близких. Например, в ряде листовок нередко делается акцент на детях. См. фрагмент текста: *«Русский! Если ты хочешь, чтобы твои дети были живыми и здоровыми, — гони всех кавказцев, азиатов и жидов со своей земли!»*.

Авторы листовок, брошюр, книг воздействуют на эмоциональную составляющую личности. Их задача — погрузить читателя в мир иллюзий, усыпить мысль или, наоборот, возбудить ненависть к иноверцам и инородцам. Для этого используется приём психического автоматизма. Составители текста делают ставку на инстинкты адресата речи — автоматические реакции. В этом случае не только содержание текста, но и его композиция будет влиять на психику читателя.

В манипулятивных текстах могут использоваться такие приёмы, как фальсификация цитат, спекуляция авторитетным име-

нем или источником, воздействие большими числами, создание впечатления массовости того или иного явления, имитация мнения специалиста, алогизм, подмена понятий, эксплуатация национально-культурных стереотипов, графика и др. [Карамурза 2004].

Так, в ряде брошюр тоталитарных сект наблюдается фальсификация цитат и ссылок, вольное толкование различных авторитетных текстов (например, Библии).

Необходимо подчеркнуть самый излюбленный манипулятивный приём манипуляторов — смешение истинных и ложных утверждений. Подобная полуправда может быть установлена только путём сверки всех цитат и ссылок, чего, безусловно, неискушённый читатель делать не станет. На это и рассчитывают манипуляторы. Явление далеко не новое. В годы «холодной» войны эти приёмы применяли враждебные СССР радиостанции.

Нередко используется и подмена понятий. Например, члены немецкой фашистской партии называли себя национал-социалистами. И это название вначале привлекало к ним интерес и вызывало симпатии даже в СССР.

Часто данный приём используется на телевидении. Так, информацию о лекарстве, успешно конкурирующем с другим, недобросовестные работники телевидения поставили в обрамлении повествования о фальшивых (контрафактных) лекарствах. Причём информация о нём предварялась женским голосом за кадром: «Есть и еще один вид фармацевтической фальши, с ним столкнулись производители лекарств. У дублей едва заметные различия в названии, но слишком явные — в качестве товара». То есть женский голос за кадром утверждает, что дальше пойдёт речь о новом виде фальшивого лекарства — во всяком случае, такое впечатление может сложиться у неискушённого зрителя.

Лингвокриминалисту следует обращать внимание на компоненты, из которых этот материал смонтирован: например, он может быть в системе других негативных телепередач или помещён в самом конце новостного блока, т.е. в сильной се-

мантической позиции, видеосюжет может быть рассчитан на «заданное» воздействие, на фоне важного общественного события (например, выборы президента). Лингвокриминалист должен помнить, что компоненты видеосюжета (как вербальные, так и невербальные) не случайны, их смысловые функции, композиционные характеристики, синтагматические связи, коннотации определены коммуникативной установкой авторов и актуализированы социальными и временными параметрами ситуации.

Телевидение порой использует и другие приёмы. Например, выступление государственного деятеля сопровождается неподобающими видеоиллюстрациями. Видеоиллюстрации становятся полноправными элементами контекста видеосюжета в целом, и, более того, весь видеосюжет может рассматриваться как линейная последовательность вербальных и невербальных фрагментов единого смыслового пространства — текста. В этом случае видеосюжет имеет провокационную установку, и он воспринимается телезрителем как негативная информация.

Одним из наиболее популярных приёмов, используемых при манипуляции, является фальсификация известного текста, а также зачастую одновременное подтасовывание известных фактов. При этом у адресата складывается впечатление, будто бы он самостоятельно делает выбор.

Трудностью для манипулятора является сложившаяся система традиционных национально-культурных символов и ценностей, которые являются основой для твердых личностных убеждений. Поэтому в настоящее время особенно детально разрабатывают манипулятивные технологии, которые смогут воздействовать на этот интеллектуально-культурный блок сознания. В тексте могут спекулировать устойчивыми, традиционными символами, подменять понятия, связанными с ними или компрометировать их. Например, в настоящее время хотят активно скомпрометировать победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Нередко (ангажированные?) журналисты

говорят не о героизме советских людей, а о каких-либо негативных действиях воинов Красной Армии (например, о фактах насилия над мирным населением Германии, мародёрстве и проч.). В сознании слушателя, зрителя или читателя складывается негативный образ воина-освободителя. Ещё пример: для христиан (православных, католиков, протестантов) священным является крест, в ряде же сект отрицают данный символ. Но чтобы внедрить это в массовое сознание, манипуляторы проводят тщательную подготовку. Так, сектанты отрицают факт распятия Иисуса Христа на кресте. А раз нет распятия — значит, нет и символа. Во всяком случае, именно к этому подводят сектантские манипуляторы. Заметим, что отрицание главного символа христианства является явной провокацией, религиозной неприязнью и рознью между традиционными христианами.

Нередко в текстах манипуляторы используют традиционные этнокультурные словесные ассоциации и коннотации. Особенно это было характерно в 90-е годы XX в., когда на выборах народные избранники пытались предстать перед избирателями незаконно пострадавшими от происков властей, коммунизма. Так и многие члены сект объявляют себя страдальцами за веру, за народ, вполне понимая и эксплуатируя национальную черту русского народа — сострадание к обиженному и оскорблённому. При этом часто используются такие ключевые слова и выражения как *мученик*, *зверства властей*, *сострадание* и т.п.

Манипуляторы используют также систему алогизмов (отсутствие логики в чём-либо), которые активно влияют на сознание адресата: утверждения, не вызывающие возражений, отключают режим критического чтения, а затем следует ключевой тезис. т.е. манипулятивный алогизм подавляет способность критически мыслить и действует на рассудок как своеобразный «выключатель».

Использование больших цифр или неправильно приведённых статистических данных — также один из манипулятивных

приёмов. При использовании непроверенных, заведомо ложных данных он создаёт у адресата иллюзию научности читаемого текста. Манипуляция цифровыми данными особенно характерна для западных военных историков, когда они приводят количество погибших в годы Великой Отечественной войны. И часто, указывая цифру 27 000 000 советских граждан против 9 200 000 немцев, нередко забывают подробности: сколько из них сражалось за фашистскую Германию (прибалтийцы, из Западной Украины, Молдавии и проч.), сколько убито в концлагерях, замучено на оккупированных территориях и т.д. Но у читателя создаётся иллюзия того, что победа досталась огромными жертвами («завалили трупами»). Сектанты нередко используют при обозначении сторонников своего вероучения и неопределённую лексему — *много*, тем самым как бы задавая вопрос-утверждение: «*Нас много. Почему бы и вам не присоединиться?!*». Нередко в брошюрах приводятся и малопонятные термины, но вызывающие нужные для манипуляторов ассоциации у адресата. Хотя в целом для манипулятивных текстов характерны моносемизмы (однозначные слова), заставляющие мыслить однозначно и целенаправленно, а если используются полисемизмы (многозначные слова), то в нужном для авторов контексте. т.е. и лексика в манипулятивном тексте уже предвзвешивает читателя для безапелляционного восприятия информации. Поэтому сам текст также не приглашает к дискуссии, к решению определённой проблемы, а должен восприниматься как заведомо верная, безапелляционная истина.

4. Автороведческая экспертиза и идентификация личности

4.1. Особенности автороведческой экспертизы

Автороведческой экспертизой называется исследование текста с целью установления авторства или получения информации

об авторе определённого произведения при исследовании текста на основе специальных познаний в области автороведения.

Нередко автороведческую экспертизу смешивают с почерковедческой. Однако это совершенно разные области. Для автороведения характерен содержательный аспект, а объектом почерковедения является исследование навыков письма, выполненного движением руки (реже другими человеческими органами — ногой, ртом), а также технико-криминалистическое установление способа изготовления текста, его изменения или восстановления. Хотя сразу уточним: эти два вида самостоятельных экспертиз дополняют друг друга, знания специалистов могут быть использованы в комплексной экспертизе — автороведческо-почерковедческой.

Автороведческие экспертизы решают две основные задачи: идентификационную и диагностическую.

В настоящее время в век современных технологий проблема установления авторства является актуальнейшей проблемой. Большое количество нарушений авторских прав (неправомерное копирование, «заимствование», присвоение, переиздание произведения под своим именем) — явный предмет для судебных разбирательств. И не только по гражданским, но и по уголовным делам. Заметим, что установление авторства является самой трудоёмкой из перечисленных экспертиз.

Автороведческая экспертиза поможет идентифицировать личность; уточнить её социальную и национальную принадлежность, выявить образовательный, интеллектуальный, возрастной, половой (гендерный), психологический, уголовный и другие психолого-физиологические факторы. По интонации, тембру, акценту, сбивчивости фраз можно определить, волнуется ли человек, является ли его звонок ложным и т.д.

Можно идентифицировать человека по фонетическим особенностям (например, житель южных районов России и украинец вместо [г]-взрывного произносит [г]-фрикативное, по лексическим особенностям (например, в лексике учёных часто используются вводные слова и характерные штампы *следова-*

тельно, по-видимому, по всей вероятности, можно сделать вывод и т.п.), по специфическим морфологическим ошибкам (например, в Нижегородской области часто можно услышать фразы с характерными ошибками: «Сколько время?» — «Без десять восемь».)

Диагностическая автороведческая экспертиза используется в тех случаях, когда нужно найти неизвестного автора.

В отличие от общепризнанного определения текста автороведческой экспертизы («текст понимается как совокупность предложений, связанных единством смысла»), мы считаем, что им может быть любая информация, зафиксированная на любых носителях: будь то рукопись, печатный или электронный материал.

Принцип «чем больше материала, тем лучше» не всегда срабатывает при автороведческой экспертизе. Образцы материалов могут быть свободными, экспериментальными и условно свободными.

По содержанию текста следует определить: тему, идею, цель и причину, побудившие к созданию произведения, ссылки на источники, использованные материалы, возможные упоминания автора о себе, упоминания о лицах, как участниках событий, фактах и проч.

В тексте выявляются общие и частные признаки пишущего. Из них главными считаются: комплекс языковых навыков (пунктуация, орфография, лексика, синтаксис и стилистика) и комплекс интеллектуальных навыков (восприятие, мышление, память).

При пунктуационном уровне выявляются особенности использования предполагаемым автором знаков препинания, комплекс ошибок (или, наоборот, их отсутствие); на орфографическом уровне — типичные ошибки (или их отсутствие); на синтаксическом — специфика построения предложений, причастных и деепричастных оборотов, прямой или обратный порядок слов. Особенно много даёт лексический уровень, благодаря чему выявляется словарный запас, особенности его употреб-

ления, наличие лексем-«фаворитов», использование иностранных слов, архаизмов, диалектизмов, окказионализмов, специфических фразеологизмов и проч. Особенности речи образуют индивидуальный стиль личности.

В автороведческой экспертизе часто используется методика количественного анализа квазисинонимичных слов, заключающаяся в выявлении авторских лингвистических предпочтений.

Чаще при языковых параметрах в автороведческих экспертизах используется количественный анализ устойчивых выражений (фразеологизмов), глаголов, союзов, союзных слов, вводных слов, наречий, частиц.

4.2. Определение психофизиологических свойств личности

Благодаря лингвистическим данным можно определить черты характера, особенности эмоций, психический тип и проч. Важность этих данных для оперативно-розыскных мероприятий, следствия и суда чрезвычайно велика.

Так, лжец (обманщик, мошенник), нередко начинает свои фразы со следующих речевых оборотов: *честно говоря, откровенно говоря, если честно, то..., на самом деле, по правде сказать* и т.п. Нередко он может апеллировать к собеседнику со следующими фразами: *«Ну, точно я тебе говорю!»*, *«Верняк, всё будет о́кей!»* и задавать вопросы: *«Ведь вы согласны со мной?»*, *«Согласитесь, ведь это так?»*. При этом нередко будет кивать головой, как бы приглашая согласиться с его доводами. Это один из психолингвистических приёмов, когда собеседник непроизвольно (а может, и из чувства вежливости) так же кивает головой, как бы соглашаясь с говорящим. Но в этом случае он уже подтверждает правоту мошенника. Нередко от мошенника можно услышать и возмущённое: *«Ты что, мне не веришь?!»*. У человека, редко говорящего неправду, при лжи высота голоса повышается.

Нередко лгуна выдаёт излишнее красноречие, т.е. он употребляет слишком много подробностей, стремясь при этом убедить своего оппонента. Опытный сотрудник правоохранительных органов хорошо понимает, как трудно лгуну (мошеннику, обманщику) придумывать детали какой-либо ситуации, поэтому он начинает задавать уточняющие вопросы, в результате чего лгун запутывается в своих показаниях, а человек с повышенной нервозностью даже может сознаться в совершённом преступлении. К основным признакам лжи относятся следующие языковые реалии: противоречие между сообщаемой информацией о каком-либо обстоятельстве и сведениями по этому же поводу из других источников; сообщение одним лицом различных сведений по одному поводу; неопределённость, неконкретность сведений, содержащихся в показаниях; совпадение в мельчайших деталях нескольких лиц (сговор); «проговорки» в высказываниях; наличие в показаниях фраз и слов, не соответствующих уровню интеллекта допрашиваемого лица; бедность эмоционального фона показаний (схематичность, безликость); упорное подчёркивание своей добропорядочности и незаинтересованности; уклонение от ответа на прямой вопрос; сокрытие очевидных фактов, которые не могли быть не известны допрашиваемому [Образцов 1994].

Частое использование в речи одного слова (типа *блин*), а также нецензурных слов свидетельствует о бедности мышления и неразвитости личности.

Принято определять хулигана, грубияна и пьяницу по стремлению к употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксов, см. примеры: *журнальчик, комодик, копеечка, курточка* и т.д.; частое использование притяжательных местоимений *мой, моя, моё, мои, свой, своя*. Речь таких людей «корявая», с малым запасом межстилевой лексики, с частым использованием матерных слов.

В речи человека, считающего себя виноватым в чём-либо, часто встречаются слова *просто* и *как бы*. Хотя они могут быть и словами-сорняками.

Женщина при назывании использует уменьшительно-ласкательные суффиксы (например, *Коленька, Ванюшка*), тогда как мужчина — фамильярно-грубоватые (например, *Костян, Толян, Гошан*) [Гриценко 2005].

При волнении речь может убыстряться или, наоборот, замедляться, быть прерывистой, фразы часто становятся незаконченными; резко увеличивается количество существительных и глаголов по отношению к другим знаменательным частям речи; в синтаксическом плане также происходят изменения — наблюдаются многочисленные повторы; «лексически речь становится упрощённой — выбираются короткие слова с наиболее высокой частотностью в языке», увеличивается количество слов-паразитов, неологизмов и ошибочных употреблений лексем; «появляются слова со значением семантической безысключительности — *вечно, всегда, никогда, никто*» [Белянин 1999].

Нередко чтобы скрыть факт знакомства или продемонстрировать презрение, употребляют выражения с использованием местоимения *этот*: *этот человек, эта женщина, эта страна, эта земля*.

Важно помнить: никакие фразы или слова человек не произносит случайно. Если человек скуп на слова, то это может быть: а) он по своему характеру не словоохотлив (молчун); б) осторожен (не хочет выдать определённую информацию); в) боится сказать что-либо невпопад, показав низкий интеллектуальный уровень.

При анализе написанного текста, в том числе и не шаблонно составленного документа (например, заявления) важно учесть следующие параметры: какие отрывки, его составляющие, стоят на первом месте, какие на последнем. Соответствуют ли лингвистические составляющие теме и названию документа. Всё это позволит выявить скрытые намерения и установки автора.

Лингвист-эксперт при анализе должен уделять внимание жаргонизмам, арголизмам и профессионализмам другой соци-

альной группы. Это может быть признаком согласия с мыслями определённого сообщества. Например, если собеседник, политик, журналист часто употребляет арготизмы (*беспредел, разборка, отстой* и проч.), — это может быть показателем согласия с жизнью и установками криминального мира.

Если собеседник «оговорился», «случайно», как он считает, произнёс те или иные слова, фразы, то имеется основание полагать, что в его подсознании доминирует именно та установка, которая соответствует этим словам, именно такое отношение, которое произнесённые «случайно» слова и проявили.

Приведём ряд слов, которые могут свидетельствовать о различных интенциях:

Как бы = вроде, будто. Употребление *как бы* свидетельствует либо о сиюминутной неуверенности говорящего, либо в целом характеризует его как неуверенную личность.

Короче. У человека, часто произносящего данное слово, может быть негативная установка на конкретного человека или на всех людей.

Однозначно. Большое количество употреблений в речи данного слова свидетельствует о самоуверенности и непререкаемости.

Понимаешь. Человек, часто употребляющий эту лексему, считает понимание его речи значимой для людей, причём это может быть и признаком внутренней неуверенности.

Многое при определении психотипа личности может показать и качество речи. Например, собеседник говорит не быстро, акцентирует некоторые слова или фразы, делает паузы после выражения определённой мысли — значит, он хочет, чтобы его поняли. Вялость и монотонность речи собеседника свидетельствуют об отсутствии интереса к собеседнику. Точно такая же характеристика может относиться к человеку, говорящему тихо. Ко всем указанным выше характеристикам сюда можно присовокупить страх либо самоутверждение. Вполне возможно, у собеседника отсутствует интерес к определённой теме разговора [Панасюк 2007].

Речь наркомана во время наркотической абстиненции бывает бессвязной, так как все его мысли направлены на поиск наркотика. В синтаксисе используется большое количество простых предложений. Заметим, что они характерны в целом для всей устной речи, но у наркоманов их гораздо больше. Отсутствие второстепенных членов предложения может быть свидетельством того, что наркоман воспринимает реалии окружающей действительности упрощённо: до и после принятия наркотиков. Чёрно-белое восприятие мира свидетельствует о деградации личности. Почерк наркомана также меняется: он становится волнистым, «уплывающим», неразборчивым.

Олигофренов (дебиллов) выдаёт дефектность мыслительной деятельности: они не способны к отвлечению, обобщению, у них отсутствуют критические способности; лексикон и суждения очень примитивны. Возбудимую психопатическую личность легко отличить по быстрому разговору и жестикуляции, во время так называемой речевой разрядки используются многочисленные оскорбления. «У психических больных нередко наблюдается ущербность речевой продукции, выражающаяся: в дефектности произношения (шепелявости, картавости, заикании); в нарушении смысла сказанного, неожиданный переход с правильного хода мыслей на ложный; в отклонениях от нормы, в темпе речи (её неожиданного замедления или, наоборот, ускорения), в скудности словарного запаса и штампованности [Образцов 1994].

По мнению учёных-экспертов, лингвокриминалист способен решить следующие задачи: а) идентифицировать автора документа; б) определить социально-демографический портрет автора анонимного или псевдоанонимного документа, установить пол, возраст, образовательный уровень, профессиональную принадлежность, социальный статус, круг интересов, увлечений, места формирования языковых навыков; в) определить психофизиологическое состояние в момент создания языкового (письменного) сообщения; г) диагностировать устойчивые патологии

умственно-речевых процессов автора языкового сообщения; д) установить комплекс задач, касающихся анализа содержания текста, фактических данных и т.п., описываемых в тексте; е) выявить плагиат; ж) факт и вид маскировки речевой ситуации [Плавич, Назаренко 2003].

В настоящее время лингвистика может оказать неоценимую помощь юристам. Прежде всего по двум аспектам: идентификационному и судебному. Установление лингвокриминалистом психофизиологического состояния особенно важно при разговоре с террористом. Благодаря полученным лингвистическим сведениям, можно уточнить, находится ли он в наркотическом или алкогольном опьянении, блефует или способен к самым отчаянным действиям. По интонации, тембру, акценту, сбивчивости фраз можно уточнить, волнуется ли человек, является ли его звонок ложным и т.д.

Конечно, среди телефонных хулиганов имеются прекрасные имитаторы голосов: так, мужчина может говорить женским голосом, молодой человек может имитировать голос старика или старухи, русский может выдать себя за жителя Кавказа или Закавказья и т.д.

В этом случае нужно постараться навязать предположительному телефонному хулигану ускоренный темп разговора, постараться с ним говорить как можно больше, желательно «переключить» разговор на другие темы. В экспертной практике автора был следующий случай. Встал вопрос о национальной принадлежности молодого телефонного хулигана, подделывающегося под жителя Кавказа или Закавказья (в телефонных разговорах с дежурными УВД он представлялся Казаряном). Мнения исследователей разделились: одни эксперты считали, что он действительно кавказец или закавказец, другие — что он очень искусный имитатор. Загадка разрешилась после прослушивания длинной фонограммы разговора, который вела опытный дежурный УВД, куда телефонный хулиган часто звонил о заложенной бомбе в помещении университета. Дело в том, что сотрудник милиции задавала теле-

фонному террористу вопросы, к которым он не был подготовлен, поэтому в ряде случаев в его речи акцент отсутствовал.

При установлении имитации звучащей речи нужно помнить, что у имитатора обязательно будут противоречия в языковых уровнях. Как правило, имитатор использует фонетические особенности речи имитируемого и его «любимые» слова и словосочетания, часто не заботясь о грамматической специфике.

Человека, принадлежащего к криминальному миру или отбывшего наказание в местах лишения свободы, можно определить не только по арготическим словам, но и по специфическим лексемам. В начале книги мы уже писали о наличии в криминальной среде табуированных и запретных слов. Добавим, что боязнь выдать соучастника нередко вынуждает уголовников говорить неопределённо. Этот факт наблюдается уже в XIX в. «Замечательно, — пишет Вс. Крестовский в “Петербуржских трущобах”, — что *мазурики* не только с посторонними, но даже и между собою в разговоре о каком-либо отсутствующем товарище постоянно избегают называть его по имени, а всегда говорят несколько неопределённо, стараясь выражаться более местоимениями: *тот, этот, наш*, или существительными, вроде: *знакомый человек, нужный человек* и т.п.» [Крестовский 1990]. Преступники нередко запрещают называть себя воровскими словами, отсюда — использование местостоимения *свой*. См. характерное выражение первой половины XX в.: «*Свой? Стучишь по блату?*» — «Профессиональный уголовник? Говоришь на арго?» [Лихачёв 1935].

Среди части преступного мира было не принято употреблять названия пенитенциарных учреждений. Поэтому в их речи в 40—70-х годах XX в. активно использовалась лексема *оттуда*, являющаяся табуизмом по отношению к названию исправительно-трудового учреждения. «Ты давно *оттуда* пришёл»? Аналогично с антонимом *туда* (то есть в тюрьму).

Признаки анонимного письма.

Нередко его ещё называют анонимкой, хотя это разговорное выражение. т.е. это текст, направленный на дискредитацию кого-, чего-л., но без подписи автора или подписанный псевдонимом (например, Доброжелатель), а то и чужой фамилией.

Лицо, написавшее анонимное письмо, стремится скрыть своё авторство. Для этого подделыватель чаще всего старается изменить свою грамотность.

Каковы общие признаки, свидетельствующие о факте искажения? Это, прежде всего, введение не характерных для письменной речи слов-паразитов (*дескать, по всему вероятно* и проч.), междометий, восклицаний, переформулирование высказывания в процессе его письменного оформления; наличие исправления с верного на неверное; наличие в тексте признаков явной демонстрации имитирования состояний и характеристик автора, которые являются совершенно излишними по содержанию. Доказать факт анонимности можно ещё и по следующим признакам: по несоответствию уровня общей культуры автора и его интеллекта (анонимщик, например, может использовать фамилии таких философов, как Шопенгауэр, Спенсер, и в то же время специально допускать элементарные ошибки, например, писать *малако, станция*).

Установив факт анонимности текста, можно затем приступить и к установлению его авторства, изучив при этом тексты подозреваемых. Следует обращать внимание на стиль, его синтаксическую составляющую (построение предложений, использование «любимых» моделей простых и сложных предложений, причастных и деепричастных оборотов и проч.).

Несомненно, при определении авторства, установлении факта намеренного изменения почерка, а также неадекватного состояния автора анонимного письма возможна и комплексная экспертиза — лингвистическая и почерковедческая.

5. Экспертизы об уточнении содержания товарных знаков

Данный вид экспертиз напрямую связан с документами, которые являются важнейшим носителем информации и одним из основных средств делового общения.

Перечень подобных экспертиз неограничен, но все они в большинстве своём могут быть двух видов: уточнение содержания товарного знака и определение, доказательство того, что название данного товарного знака не является свойством товара. При уточнении товарного знака нужно принимать во внимание следующие документы и литературу:

1. ГОСТ, где должен быть зафиксирован товарный знак. То есть он является неотъемлемой принадлежностью владельца и его никто не имеет право использовать.

2. Научные и научно-технические произведения.

3. Популярные произведения (например, «Книга о вкусной и здоровой пище»).

4. Художественная литература.

5. Справочная литература (словари, справочники и проч.).

6. СМИ:

а) газеты, журналы, листовки, памятки и т.д.;

б) радио, телевидение;

в) предметы искусства, на которых может быть изображён предмет и надпись на нём.

В качестве примера приведём акт экспертизы с товарным знаком «Советское шампанское»:

Перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1. Вошло ли обозначение «Советское шампанское» во всеобщее употребление как обозначение товара определённого вида (вина) на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.?

2. Является ли обозначение «Советское шампанское» общепринятым наименованием товара конкретного вида (вина), на даты, указанные в вопросе № 1?

3. Является ли наименование «Советское шампанское» наименованием, прочно вошедшим в обиход широких кругов потребителей, специалистов-виноделов и представителей торговых кругов? Носит ли среди двух последних категорий наименование «Советское шампанское» узкоспециальный или жаргонный характер на даты, указанные в вопросе № 1?

4. Потеряло ли обозначение «Советское шампанское» различительную способность для потребителей товара и его производителей на даты, указанные в вопросе № 1?

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агабальянц Г.Г. Химико-технологический контроль производства *советского шампанского* // Виноделие и виноградарство СССР. 1954. № 1.
2. Большая советская энциклопедия / под ред. Б.А. Введенского. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1957. Т. 47.
3. Брусиловский С.А., Кишковский З.И. Некоторые вопросы технологии производства советского шампанского // Виноделие и виноградарство СССР. 1954. № 6.
4. Валуйко Г.Г. Понижение содержания азотистых веществ в шампанских виноматериалах для повышения качества. Непрерывная шампаннизация и улучшение качества Советского шампанского. ЦИНТИ Пищепром. М., 1963.
5. Гелибтерман Л.В. Винная азбука. (Для широкого круга читателей.) М.: Изд-во Жигульского, 2003.
6. Грачёв М.А. Словарь тысячелетнего аргю. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003.
7. Катарьян Т.Г., Благоднаров П.П. Состояние и пути улучшения сырьевой базы советского шампанского // Сб. тезисов докладов науч.-техн. совещания по вопросам совершенствования технологии производства Советского шампанского. М.: Изд-во Научно-технического общества пищевой промышленности, 1961.
8. Книга о вкусной и здоровой пище. Переиздание. Минск: Гос. изд-во БССР, 1961.
9. Лопатик Н.П. Повседневно повышать качество советского шампанского // Виноделие и виноградарство СССР. 1955. № 2.
10. Мельников А.И. Совершенствовать технологию, непрерывно повышать качество советского шампанского // Виноделие и виноградарство СССР. 1954. № 1.
11. Мельников А.И. Производство Советского шампанского резервуарным способом. М.: Пищепромиздат, 1956.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.
13. Нилов В.И. Состав виноматериалов и качество шампанского. Непрерывная шампаннизация вина и улучшение качества Советского шампанского: мат-лы совещания-семинара. ЦИНТИ Пищепром, 1962.

14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. С.П. Обнорского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М.: Русский язык, 1988.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд. испр. М.: Оникс 21 век: Мир образования, 2003.
17. Охременко Н.С. и др. Виноделие: учеб. пособие для сельских проф.-техн. училищ. М.: Высшая школа, 1969.
18. Попов К.С. Сроки бочковой выдержки резервных шампанских вино-материалов // Труды. Т. VI. Вып. 2. Виноделие. М.: Пищепромиздат, 1958.
19. Попов К.С. Новое в технологии Советского шампанского, изготовляемого бутылочным способом // Сб. тезисов докл. науч.-техн. совещания по вопросам совершенствования технологии производства Советского шампанского. М.: Изд-во Научно-технического общества пищевой промышленности, 1961.
20. Попов К.С. (в соавторстве с Палладиной Л.И. и Гудиной А.М.). О биологически активных веществах в Советском шампанском и вино-материалах // Украинский біохімічний журнал. Т. XXXII. № 1. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1960.
21. Попов К.С., Огородник С.Т. Виноделие в социалистических странах. ЦИНТИ Пищепром. М., 1963.
22. Попов К.С., Семененко Г.Ф. Районы производства и сорта винограда для шампанских вино-материалов // Виноделие / под ред. Т.Г. Катяня. М.: Пищевая промышленность, 1964.
23. Попов К.С., Чистякова Н.П. Содержание яблочной кислоты в шампанских вино-материалах, советском и французском шампанском // ВНИИВиВ «Магарач», «Виноделие». Т. IX. Пищепромиздат, 1960.
24. Постановление № 213 Совета Народных Комиссаров от 5 февраля 1936 г. «О расширении сырьевой базы для производства советского шампанского и высококачественных десертных вин в колхозах РСФСР».
25. Постановление № 1366 Совета Народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 28 июля 1936 г. «О производстве советского шампанского, десертных и столовых вин «Массандра»».
26. Прейскурант № 013. М.: Прейскурантиздат, 1987.
27. Советское шампанское. Технические условия. ГОСТ 13918-88. Государственный стандарт Союза ССР. Изд-во официальное. М.: Госкомитет СССР по стандартам, 1988.

28. Справочник по виноделию / под ред. В.М. Малтабара и Э.М. Шприцмана. М.: Пищевая промышленность, 1973.
29. Тендряков В.Ф. Свидание с Нефертити / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1986.
30. Фролов-Багреев А.М. Советское шампанское. М.: Пищепромиздат, 1948.
31. Экспертиза напитков / под общ. ред. В.М. Позняковского. 3-е изд., стер. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 2000.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Исследование по вопросам № 1—4, касающиеся указанных в них дат, проводилось исходя из дат публикаций, изданий, выпуска, утверждения, введения в действие используемых библиографических источников, указанных выше.

Исследование по первому вопросу

Вошло ли обозначение «Советское шампанское» во всеобщее употребление как обозначение товара определённого вида (вина) на дату 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.?

Одним из главных показателей того, что слова и устойчивые словосочетания вошли в общенародное употребление, свидетельствуют их фиксации в толковых словарях русского литературного языка. О том, что словосочетание *советское шампанское* вошло в общенародное употребление и стало использоваться как одно из названий вин, свидетельствуют толковые словари русского общенародного языка, одним из которых является «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, переиздававшийся 24 раза, см. словарные статьи:

Ожегов 1953, 824: Шампанское, -ого, с.р. Шипучее белое виноградное вино. Донское ш. Советское ш.

Ожегов 1988, 727: Шампанское, -ого, с.р. Игристое белое виноградное вино, насыщенное углекислым газом в результате вторичного брожения. Советское ш.

Ожегов 2003, 727: Шампанское, -ого, с.р. Игристое белое виноградное вино, насыщенное углекислым газом в результате вторичного брожения. Советское ш.

В «Большой советской энциклопедии» (1957 г., см. также последующие издания) имеется следующее определение, где упоминается словосочетание *Советское шампанское*: «По содержанию сахара (в %) различают советское Ш.: очень сухое 1,5, сухое 3, полусухое 5, полусладкое 8, сладкое 10. Из *советских шампанских* вин известно также цимлянское игристое красное...»

В ряде художественных кинофильмов используется словосочетание *советское шампанское*. См., например, в кинофильме «Три плюс два» (Московская киностудия им. М. Горького, Рижская киностудия, 1963) следующий диалог киногероев:

- Что это?
- Читайте!
- Самодеятельность! На!
- Ну-ка читай вслух!
- *Советское шампанское!* Полусухое!

В кинофильме «Карнавальная ночь» (киностудия «Мосфильм», 1956) бутылка с *советским шампанским* показана крупным планом.

Словосочетание *Советское шампанское* писатели используют в художественных произведениях. См., например, у В.Ф. Тендрякова в романе «Свидание с Нефертити» (в книге повествуется о первых послевоенных годах): «На месте старого плаката висел новый: «Пейте *Советское шампанское!*». Гигантская, словно чёрная башня, бутылка и тучные гроздья винограда скоро будут дразнить проснувшихся жителей, сидящих всё ещё на хлебных карточках военного времени» [Тендряков 1986, 140]. Из примера видно, что выражение *Советское шампанское*, как и само вино, было широко известно уже в 40-е годы XX в.

В справочной литературе, предназначенной для широкого круга читателей, также используется выражение Советское шампанское. Так, в «Книге о вкусной и здоровой пище» (1951) на с. 209 изображена бутылка вина, на этикетке которой имеется надпись «*Советское шампанское*». См. также контекст из книги Л.В. Гелибтермана «Винная азбука»: «Качественные вина, типа Советского шампанского, выпускает Минский завод игристых вин» [Гелибтерман 2003: 98]. «Во все времена СССР основатель производства Советского шампанского академик А.М. Фролов-Багреев разработал технологию шампанизации в специальных установках...» [Гелибтерман 2003: 34—35].

Можно констатировать следующий факт: название любого популярного вина в СССР (России) становится широко известно сразу же после его появления в продаже.

ВЫВОД: анализ основных толковых словарей, художественных кинофильмов, научной, документальной и художественной литературы, устной речи жителей Российской Федерации показал, что обозначение *Советское шампанское* вошло во всеобщее употребление как обозначение товара определённого вида (вина) на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.

Исследование по второму вопросу

Является ли обозначение «Советское шампанское» общепринятым наименованием товара конкретного вида (вина) на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 года.

Обозначение *Советское шампанское* является общепринятым наименованием товара конкретного вида (вина). Об этом свидетельствуют учебные пособия (см.: [Охременко 1969]):

1. «К первой группе (вин. — *М.Г.*) относятся *советское шампанское*, игристые вина и натуральные полусладкие вина» [Охременко 1969: 42]. Как видно из приведённой цитаты, автор различает три сорта вин.

2. «*Советское шампанское* — вино, приготовленное по специальной технологии путём вторичного брожения (в бутылках, герметических резервуарах или системе резервуаров) обрабо-

таных шампанских виноматериалов, полученных из специальных белых или красных сортов винограда, выработанных по белому способу». «*Советское шампанское* и игристые вина (Чхавери, Мцване и др.) готовят сбраживанием виноградного сока в герметических резервуарах» [там же]. Приведённая информация свидетельствует о том, как и из каких сортов винограда готовится конкретный вид вина — *Советское шампанское*.

3. «*Советское шампанское*, полученное путём вторичного брожения в бутылках и выдержанное в них не менее трёх лет, называется «выдержанное» [там же]. В данной цитате говорится о разновидности *Советского шампанского* как особого вида вина — *Советское шампанское. Выдержанное*.

4. «Шампанские виноматериалы должны вырабатываться из лучших для данного района сортов винограда, обеспечивающих высокое качество *Советского шампанского*» [Охременко 1969: 60]. В данной цитате говорится о лучших сортах винограда, от которых зависит высокое качество конкретного вина — *Советского шампанского*.

5. «Если температура помещения, где находится вино на дрожжевом осадке, ниже 10°C, если брожение шло на культурных дрожжах и сусло для брожения хорошо отстоялось, если дрожжевой осадок здоровый, не инфицированный, то рекомендуется задержать материал для *Советского шампанского* и для белых столовых вин на дрожжах на 2—3 месяца» [Охременко 1969: 91]. Из приведённого контекста видно, что различаются *Советское шампанское* (как вид вина) и белые столовые вина.

О том, что название *Советское шампанское* является общепринятым наименованием товара конкретного вида (вина), свидетельствуют и научные статьи, см. некоторые выдержки из них:

1. «И. Блага дал обзор технологических приёмов, применяемых при изготовлении *Советского шампанского*» [Попов 1963: 10].

В данной цитате говорится о технологических приёмах при изготовлении определённого вина — *Советского шампанского*.

2. «При производстве *Советского шампанского* он (сорт винограда «Сильванер». — М.Г.) повышает тонкость готового вина» [Попов 1964: 100]. Данное предложение говорит о повышении тонкости (вкуса?) *Советского шампанского* как конкретного вида вина при использовании особого сорта винограда.

3. «Производство *Советского шампанского* на Украине, как и в других республиках СССР, достигло больших масштабов» [Попов 1964: 84]. Контекст свидетельствует о производстве на Украине в больших масштабах конкретного вида вина — *Советского шампанского*.

4. Названия многих научных работ фиксируют то, что *Советское шампанское* является конкретным видом вина, например: Агабальянц Г.Г. Химико-технологический контроль производства *советского шампанского* // Виноделие и виноградарство СССР. 1954. № 1; Валуйко Г.Г. Понижение содержания азотистых веществ в шампанских виноматериалах для повышения качества. Непрерывная шампанизация и улучшение качества *Советского шампанского* / ЦИНТИ Пищепром. М., 1963; Катарьян Т.Г., Благоврахов П.П. Состояние и пути улучшения сырьевой базы *Советского шампанского* // Сб. тезисов докл. науч.-техн. совещания по вопросам совершенствования технологии производства *Советского шампанского*. М.: Изд-во Научно-технического общества пищевой промышленности, 1961; Мельников А.И. Совершенствовать технологию, непрерывно повышать качество *советского шампанского* // Виноделие и виноградарство СССР. 1954. № 1; Мельников А.И. Производство *Советского шампанского* резервуарным способом. М.: Пищепромиздат, 1956; Попов К.С. Новое в технологии *Советского шампанского*, изготавливаемого бутылочным способом // Сб. тезисов докл. науч.-техн. совещания по вопросам совершенствования технологии производства *Советского шампанского*. М.: Изд-во Научно-технического общества пищевой промышленности, 1961.

В Государственных стандартах СССР (ГОСТ 13918-68, ГОСТ 13918-88) в разделе *Советское шампанское* в пункте «Технические требования» содержится следующий текст: «*Советское шампанское* должно быть приготовлено с требованиями настоящего стандарта по технологическим инструкциям...» (1968, 1988). В этом и в дальнейшем тексте явное свидетельство того, что *Советское шампанское* является общепринятым товаром, конкретным видом вина.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова также фиксирует конкретный вид вина — *Советское шампанское*.

ВЫВОД

Обозначение *Советское шампанское* является общепринятым наименованием товара конкретного вида (вина) на дату 12 марта 1969 г., на дату 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.

Исследование по третьему вопросу

Является ли *Советское шампанское* наименованием, прочно вошедшим в обиход широких кругов потребителей, специалистов-виноделов и представителей торговых кругов? Носит ли среди двух последних категорий наименование «*Советское шампанское*» узкоспециальный или жаргонный характер на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.?

Анализ основных толковых словарей, художественных кинофильмов, научной, документальной и художественной литературы, устной речи жителей Российской Федерации показал, что наименование *Советское шампанское* прочно вошло в обиход широких кругов потребителей. (См. исследование по первому вопросу).

У специалистов-виноделов данное название вина также широко используется в их речи. В «Справочнике по виноделию» [1973, 61], предназначенном для широких кругов виноделов, имеется следующее определение: «*Советское шампанское* — вино, приготовленное путём вторичного брожения... шампан-

ских виноматериалов, полученных по белому способу из специальных белых или красных сортов винограда». По мнению авторов, различаются два вида вина: *Советское шампанское резервуарное* и *Советское шампанское выдержанное*.

Документ Государственного Комитета СССР по ценам «Прейскурант № 13» (1987) имеет название «Розничные цены на вина виноградные, *Советское шампанское*, вина игристые и коньяки». В данном прейскуранте имеется раздел «Розничные цены на *Советское шампанское* и вина игристые», в которых приводятся цены на разновидности *Советского шампанского*: *Советское шампанское коллекционное* (брют, сухое, полусухое); *Советское шампанское резервуарное* (брют, сухое, полусухое, полусладкое, сладкое); *Советское шампанское «золотое»* полусухое в сувенирном оформлении. В книге «Экспертиза напитков» [2000, 156] автор, специалист-винодел, говорит о происхождении выражения *Советское шампанское*. Приводим фрагмент: «В 1914 г. в России был принят закон о вине, где были определены правила производства и продажи «*Русского шампанского*». Это название в дальнейшем трансформировалось в «*Советское шампанское*». Выражение *Советское шампанское* стало употребляться в кругу специалистов-виноделов (и соответственно работников торговли) с 1936 г., см. название Постановления № 213 Совета Народных Комиссаров от 5 февраля 1936 г. «О расширении сырьевой базы для производства *советского шампанского* и высококачественных десертных вин в колхозах РСФСР», а также Постановление № 1366 Совета Народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 28 июля 1936 г. «О производстве *советского шампанского*, десертных и столовых вин «Массандра».

Так как наименование *Советское шампанское* вошло в обиход широких кругов потребителей на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г., то оно уже перестало иметь узкоспециальный характер, как и многочисленные термины и названия, ставшие достоянием общенародного языка. Анализ словарей жаргонов (см. некоторые из них: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никити-

на «Большой словарь русского жаргона» (2000 г.); М.А. Грачёв «Словарь тысячелетнего русского аргю» (2003 г.) доказывает, что выражение *Советское шампанское* не имеет жаргонного характера, а является нормированным словосочетанием.

ВЫВОД

Словосочетание *Советское шампанское* является наименованием, прочно вошедшим в обиход широких кругов потребителей, специалистов-виноделов и представителей торговых кругов; среди двух последних категорий наименование «Советское шампанское» не имеет узкоспециального или жаргонного характера на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.

Исследование по четвёртому вопросу

Потеряло ли обозначение «Советское шампанское» различительную способность для потребителей товара и его производителей на дату 12 марта 1969 г., на дату 19 декабря 2003 г. и на дату 7 апреля 2004 г.?

«Советское шампанское» производится длительное время (с 1936) на многих заводах. «Практически в каждом крупном областном центре страны имеются заводы, выпускающие *Советское шампанское*», — подчёркивает Л.В. Гелибтерман в своей книге «Винная азбука» (см.: [Гелибтерман 2003]). В составе Российской Федерации имеется 89 равноправных субъектов.

Всё это привело к потере различительной способности данного наименования применительно к конкретному производителю. Это подтверждается отсутствием в справочниках и научно-технической литературе каких-либо упоминаний о заводах-производителях при использовании выражения *Советское шампанское*.

ВЫВОД

Обозначение *Советское шампанское* потеряло различительную способность для потребителей товара и его про-

изводителей на 12 марта 1969 г., на 19 декабря 2003 г. и на 7 апреля 2004 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

В выражении *Советское шампанское* лексема *советское* изначально писалась со строчной буквы, см. постановления:

1) Постановление № 213 Совета Народных Комиссаров от 5 февраля 1936 г. «О расширении сырьевой базы для производства *советского шампанского* и высококачественных десертных вин в колхозах РСФСР».

2) Постановление № 1366 Совета Народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 28 июля 1936 г. «О производстве *советского шампанского*, десертных и столовых вин «Массандра».

3) Постановление № 2481 от 9 июля 1948 г. «О развитии производства советского шампанского».

В этом случае *советское шампанское* стало преемником *российского шампанского*. России в 1936 г. как государственного объединения уже не было, а был Союз Советских Социалистических Республик. Российская Федерация была одной из республик Советского Союза. Между тем производство шампанского имело место не только в Российской Федерации, но и в Грузинской Советской Социалистической Республике, Украинской Советской Социалистической Республике и др. Поэтому, чтобы не было территориальной путаницы, стали использовать слово *советское*. Кроме того, лексема *советское* подчёркивала не только новую государственную структуру, но и была предметом особой гордости граждан СССР, являлась ключевым словом политики правящей партии и государственной верхушки. Позднее, по мере разработки и усовершенствования технологии *Советского шампанского*, оно стало использоваться как название конкретного вида вина и первое слово *Советское* стало употребляться с заглавной буквы. См., например, названия научных статей в списке использованной литературы. Совершенно так же, как, например, название любой

области, района, вуза, см. примеры: Кировская область, Приокский район г. Горького, Московский государственный университет и проч.

Заключение выражения «*Советское шампанское*» в кавычки связано с требованиями к определённой маркировке, стандарту. Начиная с 1959 г. в республиканских технических условиях (РТУ РСФСР 208-59), «вина виноградные, плодово-ягодные, шампанское, коньяк. Розлив, упаковка, маркировка, хранение и транспортировка» указано, как обозначать названия вин. И «*Советское шампанское*» стало заключаться в кавычки. Следовательно, цель заключения обозначения «Советское шампанское» в кавычки — стандартизировать маркировку данного товара.

ВЫВОДЫ

1. Обозначение *Советское шампанское* вошло во всеобщее употребление как обозначение товара определённого вида (вина) на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.
2. Обозначение «Советское шампанское» является общепринятым наименованием товара конкретного вида (вина) на 12 марта 1969 г., на 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.
3. Обозначение «Советское шампанское» является наименованием, прочно вошедшим в обиход широких кругов потребителей, специалистов-виноделов и представителей торговых кругов на 12 марта 1969 г., на 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 г.; среди двух последних категорий наименование «Советское шампанское» не имело и не имеет узкоспециального или жаргонного характера.
4. Обозначение «Советское шампанское» потеряло различительную способность для потребителей товара и его производителей на 12 марта 1969 г., 19 декабря 2003 г., 7 апреля 2004 года.

16 августа 2005 г.

М.А. Грачёв

Как видим, экспертом были проанализированы многочисленные и разнообразные источники.

Иногда эксперты сталкиваются со случаями плагиата товарного знака, хотя порой он может быть и неумышленным. И правоохранительным органам очень трудно это доказать. Он возможен тогда, когда производители товара приписывают ему фантазийные (вымышленные) свойства. В этом случае эксперту-лингвисту важно доказать, что свойство украденного товарного знака имеет фантазийный (вымышленный) характер. Для этого следует обратить внимание на отсутствие данного слова (словосочетания) в специальных текстовых источниках: ГОСТе, технической документации по производству того или иного товара, отсутствие его названия в специальной литературе. Важно также проанализировать толковые словари, где имеется определение омонимичного названия товарного знака. В качестве примера приведём экспертизу названия майонеза «Нежный».

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

1. Какие значения имеет слово *нежный* в русском литературном языке?

2. Как может слово *нежный* характеризовать майонез в специализированной производственной документации?

3. Даёт ли слово *нежный* однозначную описательную характеристику майонеза, не требующую дополнительного рассуждения, домысливания, ассоциации (в отношении вкуса, консистенции и т.д.), либо слово *нежный* является фантазийным восприятием товара — майонеза.

4. Соотносится ли название майонеза «Нежный» (товарный знак) по своему значению с содержанием имени нарицательного *нежный*?

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. М., 1997.

3. Гольцова Н.Г., Янкелевич Г.Е. Русский язык (с элементами практической стилистики и основами редактирования). М.: Высшая школа, 1989.
4. Грачёв М.А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002.
5. Майонезы. Общие технические условия. Издание официальное (ГОСТ 30004.1-93). Минск: Межгосударственный Совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2002.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
7. Продукты пищевые. ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ. Изд. официальное. М.: Изд-во стандартов, 2004.
8. Цена слова: Из практики лингвистических текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

1. Исследование по первому вопросу

Анализ основных толковых словарей показал, что слово *нежный* является многозначным. Если суммировать все значения слова *нежный*, употребляемые в основных толковых словарях, то получится следующее: 1. Проявляющий любовь, ласку по отношению к кому-л., в обращении с кем-л. *Нежная мать. Нежный отец*; выражающий ласку, любовь, исполненный ласки, любви. *Нежный взгляд, голос. Нежная улыбка*. 2. Мягкий, приятный на ощупь. *Нежная кожа. Нежный шёлк, батист, пух*. 3. Мягкий, приятный на вкус, на запах. *Нежное мясо. Нежная начинка. Нежный соус. Это вино очень нежно. Нежные духи. Нежный аромат цветов*. 4. Отличающийся изящностью очертаний или миниатюрностью. *Нежный профиль. Нежная фигурка. Нежные черты лица*. 5. Имеющий светлый, мягкий, тёплый тон. *Нежный цвет, тон. Нежный румянец. Нежная заря*. 6. Отличающийся хрупкостью, боящийся грубого прикосновения; легко портящийся при хранении, перевозке. *Нежные цветы. Нежное кружево. Нежные фрукты. Нежные оптические приборы*. 7. Приятный по звучанию, тихий, гармоничный. *Нежный голос. Нежный смех. Нежные звуки флейты*. 8. Слабый, хрупкий, из-

неженный. *Кто-л. нежного здоровья, изнеженный. Вырастить из детей нежных белоручек* (см.: [Большой толковый словарь русского языка 2000: 622; Ожегов, Шведова 1997: 405].)

2. Исследование по второму вопросу

В исследовании по второму вопросу приведём характеристику производственно-технического подстиля научного стиля. Для него характерны: точность, нормированность, строгий отбор языковых средств. В нём отсутствуют эмоционально-экспрессивные слова, почти нет лексем, употреблённых в переносном значении. Используется нейтральная лексика, а также научная и производственная терминология (как общенаучная, так и узкоспециальная). В характеристиках внешнего вида, консистенции, вкуса и запаха «Технического описания» (ТО 9143-006-00336444-2005) и «Приложении А», предназначенного для производства майонеза «Нежного Оливкового» слово *нежный* отсутствует. Точно так же отсутствует слово *нежный* и в характеристиках (внешнего вида, консистенции, вкуса и запаха, цвета) «Технического описания» (ТО 9143-005-00336444-2002) для производства майонеза «Народного»; см. также «Изменение № 1 ТО 9143-005-00336444-2002» майонез «Народный», где тоже нет лексемы *нежный*.

В Национальном стандарте Российской Федерации (ГОСТ 51074-2003) «Продукты пищевые» слово *нежный* отсутствует (см.: [Продукты пищевые 2004]). Лексема *нежный* не используется для характеристики свойств пищевых продуктов, в том числе и майонеза.

В Государственном стандарте (ГОСТ 30004.1-93) «Майонезы. Общие технические условия» также отсутствует слово *нежный*.

ВЫВОД

Слово *нежный* отсутствует в специализированной технической документации, поэтому оно не является одним из признаков, подлежащих контролю на основе имеющихся

технических описаний, а также национальных и государственных стандартов.

3. Исследование по третьему вопросу

Поскольку в значении слова *нежный* отсутствует характеристика каких-либо производственно-технических признаков или указание на наличие каких-либо других объективно фиксируемых свойств продуктов, то следует сделать вывод, что использование данного слова по отношению к тому или иному продукту имеет субъективно-оценочный, фантазийный характер. Например, данное слово может использоваться в словосочетании *нежный вкус*, причём слово *нежный* может быть употреблено по отношению и ко многим другим продуктам: *нежный вкус вина, нежный вкус шоколада, нежный вкус йогурта* и т.д. При этом одни потребители воспринимают майонез как мягкий, приятный на вкус, другие потребители могут воспринимать этот же продукт как обладающий приятным запахом, см. третье значение данного слова: **НЕЖНЫЙ** — 3. Мягкий, приятный на вкус, на запах. *Нежное мясо. Нежная начинка. Нежный соус. Это вино очень нежно. Нежные духи. Нежный аромат цветов* (см.: [Большой толковый словарь русского языка 2000: 622]). Для части потребителей любой пищевой продукт, в том числе и майонез, может показаться безвкусным или лишённым приятного запаха. В данном случае речь может идти исключительно об индивидуальных вкусовых пристрастиях потребителей.

ВЫВОД

Слово «нежный» не даёт однозначную описательную характеристику майонеза, а является фантазийным восприятием товара (продукта) — майонеза.

4. Исследование по четвёртому вопросу

Как известно, любое имя собственное индивидуализирует ту реалию, которую называет, выделяет из ряда однородных, а

класс имён нарицательных служит обобщённым наименованием однородных предметов. Имена собственные отличаются от имён нарицательных своей семантикой и не соответствуют нарицательным денотатам, см. например, личное имя *Владимир* (это не значит, что он *владеет миром*), название автомашины *Газель* и нарицательное *газель* — родственное антилопе полорогое млекопитающее, отличающееся стройностью и быстротой бега, *Ампер* — учёный-физик и *ампер* — единица силы электрического тока.

Мы можем констатировать то, что данные слова являются омонимами.

Нарицательное слово *нежный* имеет восемь значений (см. исследование по первому вопросу). Их семантика не соотносится с названием «Нежный» майонез. То есть название майонеза «Нежный» и нарицательную лексему *нежный* нужно считать омонимами.

ВЫВОД

Название майонеза «Нежный» является собственным именем (товарным знаком) и не может быть по своему значению соотнесено с содержанием имени нарицательного *нежный*.

16 ноября 2005 г.

М.А. Грачёв

Иногда руководители некоторых заводов и фабрик заявляют о краже их товарного знака. Так, одно из медицинских предприятий Нижегородской области выпустило препарат «Биопрост», который внешне очень похож на препарат с созвучным наименованием — «**Биопрост**» и «**Витапрост**», хотя руководство признаёт, что это совершенно иное лекарство и имеет «совершенно другой терапевтический эффект». Упрёк содержится ещё и в том, что первая часть названия лекарств переводится одинаково: *био* в переводе с греческого языка *жизнь*, а *вита* в переводе с латинского — то же самое — *жизнь*). Однако большинству потребителей это неизвестно. Кроме того, *био-* и *вита-* — элемен-

ты не русского, а иностранных языков. Названий же лекарств с элементом *-прост* имеется достаточно много, см. примеры: «Ар**проста**дил», «Ани**прост**», «Био**Прост**Эйд», «Геле**прост**», «Ди**нопрост**», «Дина**простон**», «Ило**прост**», «Латано**прост**», «Не**опрост**», «Траво**прост**», «Энза**прост**», «Leko**prost**», «Eri**prost**», «Sklero**prost**», «Vaso**prost**», «Atero**prost**», «Ensa**prost**» [Наумов 2001: 1—6]. Тем более что они имеют ещё и разное предназначение и разный терапевтический эффект. Поэтому данные препараты назначаются медиками для лечения совершенно разных заболеваний и не могут быть конкурентами.

7. Документационные экспертизы

Речь в данном разделе пойдёт о проблемах подлинности документов и соблюдении правил официально-делового стиля.

Подлинность документов проверяется, прежде всего, по реквизитам: названию документа, дате и месте его выдачи, лицензии, юридическому и почтовому адресу организации, наличию у неё лицензии, телефона / факса, электронной связи, банковских реквизитов, печати и проч.

Лингвокриминалист может не только выявить фальшивку, но и дать совет, как затруднить возможность фальсификации документов определённой организации, не спровоцировать мошенника на совершение фальсификации и обеспечить уверенность в данных при документографической экспертизе.

Для этого полезно применять следующие меры: исполнение подписи должностными лицами с помощью перьевых ручек цветными чернилами (синими, фиолетовыми); исполнение печати цветными чернилами; обеспечение полного визуального восприятия всех элементов подписи: наименование должности, подписи, расшифровки подписи, печати, что позволяет установить их взаимное соответствие на бланках, а следовательно, и добавить гарантии подлинности; отсутствие на бланках документов банковских реквизитов; желательное выработать «читаемую» подпись хотя бы из 3—5 букв [Спивак 2003].

Лингвокриминалист должен знать, что некоторые слова, являющиеся в общенародном языке синонимами, в специальной юридической лексике синонимами не будут. Например, слово *аванс* не будет синонимом к слову *задаток*, так как *задаток* в документах (например, в договоре о купле-продаже) является частью уплаченной суммы и не возвращается, а аванс возвращается. Этот приём нередко используют недобросовестные риэлторы, используя при продаже квартир лексику *задаток*.

Нередко суды пренебрегают знаниями официально-делового стиля, что может привести к вынесению неправильного решения.

Так, адвокатом на разрешение лингвистов-экспертов были поставлены следующие вопросы (приводятся дословно из Запроса № 9/б от 16.04.06 адвоката НКА № 7 Солдатова В.Н.*):

1. Соответствует ли написанный рукописный текст на договоре займа от 14 декабря 2005 г. требованиям жанра *расписки* о возврате денежного долга?

2. Можно ли интерпретировать рукописный текст на договоре займа от 14 декабря 2005 г. как выражение бравады, шутки, иронии лица его исполнившего?

Место проведения лингвистического исследования — Нижегородская региональная общественная организация «Лингвистический экспертно-консультационный центр» (Н. Новгород, ул. Пискунова, д. 20-а, кв. 27).

Материал исследования: копия Договора займа от 14 декабря 2005 г., подписанного заёмщиком Глебовой Натальей Петровной и займодавцем Шуковым Алексеем Григорьевичем и заверенного нотариусом Лесниковой Людмилой Ксенофонтовной. Копия документа содержит также рукописную вставку в конце текста Договора, сделанную 7 февраля 2006 г. (согласно поставленной дате) и подписанную «Шуков»:

1. Я, Шуков Андрей Геннадьевич утверждаю данный договор недействительным и не имею к гр. Глебовой Н.П. никаких

* Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

материально-денежных претензий и объявляю задолженность аннулированной.

2. Глебова Наталья Петровна должна мне, Шукову Андрею Григорьевичу 0 р. 0 копеек (ноль рублей ноль копеек) до 31 декабря две тысячи девяносто девятого года»,

+ Паспортные данные А.Г. Шукова, число и подпись

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ниже излагаются толкования основных терминов, использованных в настоящем Заключении и имеющих отношение к предмету исследования, исходя из существа поставленных вопросов.

Расписка является одним из жанров официально-делового стиля, для которого характерно следующее:

1. Он обслуживает правовую и административно-общественную сферы деятельности; используется при написании документов, деловых бумаг и писем в государственных учреждениях, суде, а также в устном деловом общении.
2. По сравнению с другими книжными стилями официально-деловой стиль наиболее устойчив и замкнут.
3. Официально-деловому стилю присущи обязательность формы, точность, сжатость формулировок.
4. В текстах официально-делового стиля отсутствуют эмоционально-экспрессивные слова, а также ненормированные лексемы (общепросторечные слова, жаргонизмы, арготизмы, территориальные диалектизмы).
5. В текстах официально-делового стиля нежелательно использование многозначных слов, но если они употребляются, то строго в конкретном значении и определённом контексте.
6. Для официально-делового стиля характерны точность, исключаяющая возможность инотолкований.
7. В состав текстов официально-делового стиля входит специфическая лексика (см., например, слова: *вышеизло-*

женный, нижеподписавшийся, предъявить, уведомить, явка).

8. Для языка документов присущи также и синтаксические особенности, например: словосочетания с предлогом, употребляющимся с определённым падежом (*по истечении срока договора, согласно предписанию*), безличные предложения («*Необходимо решить вопрос*»; «*Поручить профоргу*»); сложноподчинённые предложения с причастными причины и следствия, присоединяемые союзами *так как, ввиду того, вследствие того*; в основном, для него характерен прямой порядок слов.
9. В официально-деловом стиле слабо проявляется индивидуальность автора.

Одним из жанров официально-делового стиля является **расписка** (это документ, удостоверяющий получение, передачу чего-л.). Схематически композицию текста расписки можно представить следующим образом: наименование документа; фамилия, имя, отчество, должность автора документа (того, кто давал расписку); наименование организации (или лица), передающих что-либо; если расписка выдаётся лицу, то указывается фамилия, имя, отчество, должность этого лица; точное наименование передаваемого — количество указывается и цифрами, и прописью; дата, подпись получателя; если расписка имеет особенно важное значение, то подпись лица, давшего расписку, заверяется в учреждении или у нотариуса.

В текстах официально-делового стиля абсолютно неуместны языковые единицы, выражающие бравату, иронию, шутку. Данные явления лишают текст квалификационного признака принадлежности официально-деловому стилю.

Бравада — «показная удаль, смелость, неумеренное хвастовство (в словах или поступках)» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 94].

Ирония — «тонкая, скрытая насмешка; стилистический оборот, фраза, слово, в которых преднамеренно утверждается про-

тивоположное тому, что думают о лице или предмете» [там же: 398].

Шутка — «то, что говорят, делают с целью вызвать смех, забавная весёлая проделка, выходка или острота» [там же: 1508—1509].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. В тексте, написанном А.Г. Шуковым, мы наблюдаем **многочисленные несоответствия жанру расписки** как разновидности официально-делового стиля. Это проявляется в следующем: отсутствует название документа («Расписка»), отсутствует должность автора текста, нет указаний («привязок») к конкретному долгу Н.П. Глебовой и указания на конкретную дату составления Договора займа, составленного и заверенного нотариусом Л.К. Лесниковой от 14 декабря 2005 г., а также не указаны паспортные данные Н.П. Глебовой (что не способствует её полной идентификации); в тексте также отсутствует указание на то, что А.Г. Шуков является займодавцем.

В тексте (приписке к тексту Договора займа) А.Г. Шукова слово *утверждать* употреблено неточно, в русском нормированном языке данная лексическая единица имеет следующие значения: 1. Прочно укреплять в чём-л., устанавливать на чём-л. 2. Настойчиво говорить, доказывая что-л. 3. Подтверждать, признавать что-л.; свидетельствовать о чём-л.

Словосочетание *утверждать договор недействительным* является не вполне легитимным, так как А.Г. Шуков не имеет права утверждать данный документ: его может объявить недействительным только суд по каким-либо причинам (например, если договор неправильно составлен нотариусом, также по причине недееспособности одной из сторон и проч.). *Утверждать недействительным* какой-либо договор А.Г. Шуков не мог: получается, что по своей должности он выше нотариуса? Вместо слова *утверждать*, нужно было использовать глагол *считать*. Таким образом, приписанный к тексту Договора займа **фрагмент не может быть правильно и однозначно истолкован с**

правовой точки зрения и не может считаться полноценной частью официально заключённого договора.

В данном тексте (приписанном к Договору фрагменте) отсутствуют фразы о возврате конкретного долга Н.П. Глебовой А.Г. Шукову, что также противоречит жанру расписки в рамках официально-делового стиля. Причём в рукописном тексте А.Г. Шукова не указывается место передачи долга, а между тем, согласно Договору займа от 14.12.2005 г., Шуков должен был получить деньги (долг) от Н.П. Глебовой в г. Нижнем Новгороде (см. пункт № 4 указанного договора займа: *«Возврат денег должен быть произведён в городе Нижнем Новгороде»*).

В рукописном фрагменте Договора отсутствуют указания на погашение конкретного займа Глебовой Н.П. Расплывчатость формулировки имеется в строчке *«не имею к гр. Глебовой Н.П. никаких материально-денежных претензий»*. В официальной расписке А.Г. Шуков должен был бы использовать выражение *«денежных претензий»*, так как наименование *«материально-денежных»* обозначает не только деньги, но и некое общее имущество А.Г. Шукова и Н.П. Глебовой. Слово *задолженность* также не связано с конкретным долгом Н.П. Глебовой А.Г. Шукову. При данной лексеме нет обозначений суммы долга, даты его возврата и места возврата.

В техническом отношении расписка должна быть оформлена на отдельном листе и не должна быть связана с текстом других документов.

Для жанра расписки характерны строгость, точность и однозначность, не допустимы шутки, двусмысленности, что наблюдается во фразе *«Глебова Наталья Петровна должна мне, Шукову Андрею Григорьевичу 0 р. 0 копеек (ноль рублей ноль копеек) до 31 декабря две тысячи девяносто девятого года»*, — см. подробнее об этом в исследовании по второму вопросу.

2. Несоответствие рукописного текста А.Г. Шукова требованиям жанра официальной расписки позволяет предположить,

что данный текст может свидетельствовать либо о шутке, либо о браваде, либо и о том, и о другом.

Сочетание слов *«утверждаю данный договор недействительным»* свидетельствует о некой **браваде**, своеобразном «гусарстве»: «Вот я какой герой: по своему усмотрению даже могу быть выше нотариуса и закона!». Несомненно, А.Г. Шуков понимал, что официально объявить договор недействительным он не мог и это не в его компетенции.

Фразе *«Глебова Наталья Петровна должна мне, Шукову Алексею Григорьевичу 0 р. 0 к. (ноль рублей ноль копеек) до 31 декабря 2099 года (тридцать первого декабря две тысячи девяносто девятого года)»* следует рассматривать как **явную шутку**. Человек не может задолжать 0 рублей 0 копеек, как это указано в рукописном тексте, тем более до 31 декабря 2099 г. Между тем в этой фразе также имеется двусмысленность: получается, что Н.П. Глебова не должна ничего до 31.12.2099 г., а после этой даты она будет вновь должна А.Г. Шукову какую-то сумму? Но какую сумму или что? Об этом сведения в рукописном тексте отсутствуют.

Подводя итог всему сказанному, подчеркнём: исследуемый рукописный фрагмент Договора о займе следует воспринимать **исключительно как бравату и шутку**.

ВЫВОДЫ

1. Написанный рукописный текст на Договоре займа от 14 декабря 2005 г. не соответствует требованиям жанра расписки о возврате денежного долга.
2. Рукописный текст на договоре займа от 14 октября 2005 г. можно интерпретировать как выражение браваты, шутки лица, его написавшего.

Экспертизы по документам могут быть самого различного вида. Например, об изменении фамилии и соответствии её иноязычной формы русскому произношению или написанию, см. пример:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ лингвиста-эксперта

(по результатам проведенного лингвистического исследования
представленных материалов)

Место проведения лингвистического исследования — кафедра русской филологии и общего языкознания НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород, ул. Минина, д. 31-а, корп. 1, ауд. 1306).

Время проведения лингвистического исследования — 29 июня 2007 — 30 июня 2007 г.

На разрешение специалиста-лингвиста был поставлен **следующий вопрос:**

Может ли латышенизированная фамилия **Волошинс (Vološins)** иметь в русском языке следующий графический вид: **Волошин?**

Приложение:

1. Копия свидетельства о рождении
2. Ксерокопии латышского паспорта: с. 1—2, 20—21.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Для решения поставленных вопросов было проведено лингвистическое исследование представленных материалов в соответствии с методиками производства лингвистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к использованию при проведении лингвистических экспертиз решением Научно-методического совета при председателе правления ГЛЭДИС в 2002 г. (подробнее см.: [Цена слова 2002]).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.
2. Грабис Р. Латышский язык // Языки народов СССР. Т. 1. М., 1966.
3. Латышский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.

4. Малый энциклопедический словарь. Т. 1. М.: ТЕРРА-TERRA, 1994.
5. Немченко В.Н. Введение в языковедение. М.: Дрофа, 2008.
6. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
7. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. 2-е изд., испр. М.: Прогресс, 1995.

Латышский язык относится к группе балтийских языков (в ней имеются ещё и литовский, латгальский, прусский языки), которая входит в индоевропейскую семью языков. В латышском языке имеется фиксированное ударение на первом слоге. В основе современной латышской графики лежит латинский алфавит. Орфография основана на фонематическо-морфологическом принципе.

Латышские фамилии происходят от существительных, реже от прилагательных. Они оканчиваются на *-s*, *-us*, *-a*, *-e*. Это окончания именительного падежа и в других падежах не встречаются. Конечную букву *-s* **принимают и русские имена**, см. **Valeris** — Валерий.

Латышские фамилии легко ассимилируются в русском языке вследствие фонетической близости обоих языков.

Фамилии на *-s* с основой на согласный морфологически представляют собой существительные или прилагательные в именительном падеже, например: Бебрс — «бобёр», Брунс — «коричневый», Ванагс — «сокол», Озолс — «дуб», Пекалнс — «холм», Целмс — «пень».

Вследствие латышизации, имеющей место в 1990—2000-х годах, фамилия Волошин получила добавление *-s* и стала иметь латышскую форму **Volosins**. Заметим, что в паспорте даётся латышинизированная фамилия, написанная как кириллицей, так и латиницей — **Волошинс (Volosins)**.

Исконно латышские фамилии на *-is* при ассимиляции в русском языке сохраняют своё окончание, например: Алкснис — «ольха», Балодис — «голубь», Кукулис — «буханка хлеба», Лацис — «медведь».

Это лишний раз доказывает, что латышинизированная русская фамилия в документах Российской Федерации должна иметь графический облик **Волошин**.

Исследования показывают, что фамилия **Волошин** — типично русская фамилия (в латышском языке отсутствуют слова, родственные лексеме **Волошин**).

Данная фамилия изначально являлась этническим названием, образованным на русской почве при помощи суффикса *-ин* от слова **волох** — устаревшее русское название жителей Валахии и Молдавии (см. подробнее об этом в: [Малый энциклопедический словарь 1994, т. I: 938]). При этом наблюдается чередование *x/и* по типу *ухо* — *уши*, *порох* — *пороша*.

Данные образования, по мнению исследователя русских фамилий Б.-О. Унбегауна, типичны для русского языка (см.: [Унбегаун 1995: 114]). Так, от слова *Бухара* образована фамилия *Бухарин*, от *Литва* — *Литвин*, от *Мещера* — *Мещерин*, от *Мордва* — *Мордвин*, от *Русь* — *Русин*.

ВЫВОД

Латышинизированная фамилия **ВОЛОШИНС (VOLOSINS)** в русском языке должна иметь графический вид **ВОЛОШИН**.

30.06.07

М.А. Грачёв

В производстве экспертных заключений по документам могут быть работы, связанные с грамматическими особенностями. Приведём пример подобной экспертизы

На разрешение экспертизы поставлен следующий вопрос:

По отношению к какому кварталу следует производить повышение тарифных ставок и должностных окладов на основании фразы «По окончании каждого квартала производится индексация заработной платы с соответствующим повышением тарифных ставок и должностных окладов с коэффициентом 0,8 за каждый процент роста цен в регионе в предыдущем квартале» из коллективного договора ОАО АК «НАЛ»?

Примечание: эксперт также проанализировал стилистику Коллективных договоров ОАО «Авиакомпания Нижегородские авиалинии» от 1995 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Пунктуационный и стилистический анализы показали, что во фразе, представленной на экспертизу, отсутствует двусмысленность, т.е. двоякое толкование лексем.

Ключевые слова (словоформы), использованные в анализируемом предложении, имеют следующие значения:

КАЖДЫЙ — «один из ряда подобных, взятый подряд, без выбора, без пропусков; всякий, любой» (см.: [Большой толковый словарь русского языка 2000: 408; Ожегов, Шведова 1997: 259]). Примеры употребления: *Каждые пять дней. Приходит каждый день* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 709].

КВАРТАЛ — четвертая часть года (три месяца) [там же: 424; Ожегов, Шведова 1997: 271]. Примеры употребления: *Первый квартал. Отчёт о работе за квартал. Закончить работу во втором квартале будущего года* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 424].

ПО ОКОНЧАНИИ — словоформа имеет значение «после конца, завершения чего-л.» (предлог ПО имеет значение «после чего-н.» [Ожегов, Шведова 1997: 526] существительное ОКОНЧАНИЕ имеет значение «конец, завершающая часть чего-л.» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 709; Ожегов, Шведова 1997: 450]). Примеры употребления: *По истечении срока. По миновании надобности. По окончании работ* [Ожегов, Шведова 1997: 526]. *Уехать по окончании стажировки* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 709].

ПРЕДЫДУЩИЙ — «бывший, находившийся непосредственно перед настоящим, предшествующий» [там же: 962; Ожегов,

Шведова 1997: 582]. Примеры употребления: *На предыдущей странице* [Ожегов, Шведова 1997: 582]. *Всё утро и всю предыдущую ночь шёл дождь* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 962].

ВЫВОД

Предложенная для лингвистической экспертизы фраза *«По окончании каждого квартала производится индексация заработной платы с соответствующим повышением тарифных ставок и должностных окладов с коэффициентом 0,8 за каждый процент роста цен в регионе в предыдущем квартале»* нужно понимать следующим образом: после каждого квартала (а в году их четыре) должна производиться индексация заработной платы с соответствующим повышением тарифных ставок и должностных окладов с коэффициентом 0,8 за каждый процент роста цен в регионе. Время первого квартала — с 1 января по 31 марта (следовательно, индексация заработной платы с соответствующим повышением тарифных ставок и должностных окладов с коэффициентом 0,8 за каждый процент роста цен в регионе должна производиться с 1 апреля). Время второго квартала — с 1 апреля по 30 июня (следовательно, индексация заработной платы с соответствующим повышением тарифных ставок и должностных окладов с коэффициентом 0,8 за каждый процент роста цен в регионе должна производиться с 1 июля), время третьего квартала — с 1 июля по 30 сентября (следовательно, индексация заработной платы с соответствующим повышением тарифных ставок и должностных окладов с коэффициентом 0,8 за каждый процент роста цен в регионе должна производиться с 1 октября) и время четвёртого квартала с 1 октября по 31 декабря (следовательно, индексация заработной платы с соответствующим повышением тарифных ставок и должностных окладов с коэффициентом 0,8 за каждый процент роста цен в регионе должна производиться с 1 января следующего года).

Лингвокриминалист должен понимать, что изменение одного слова в документе может сделать его нелегитимным. В качестве примера приведём экспертизу, выполненную по просьбе Нотариальной палаты Нижегородской области. В завещании нотариус употребила просторечное слово *внука* в значении *внучка*. Кроме того, она настаивала на своей правоте. Вышестоящие органы вынуждены были сделать запрос о проведении лингвистической экспертизы

На разрешение экспертизы были поставлены следующие вопросы:

1. Дать толкование значения слов «внучка» и «внука».
2. Какое из слов (*внука* или *внучка*) имеет право использоваться в официальных документах, в том числе и нотариальных?

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. Головин Б.Н. Как говорить правильно. Горький: Волго-Вятское изд-во, 1978.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. М., 1997.
4. Гольцова Н.Г., Янкелевич Г.Е. Русский язык (с элементами практической стилистики и основами редактирования). М.: Высшая школа, 1989.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА-ТЕРРА, 1994.
6. Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. М.: АСТ-Астрель, 2000.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
8. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1988.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985.

10. Цена слова: Из практики лингвистических текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

Специальные лингвистические термины, использованные в исследовании:

1. Арготизм — ненормированное слово, использующееся в среде криминальных элементов.

2. Жаргонизм — ненормированное слово, употребление которого ограничено какой-либо социальной группой.

3. Лексема = слово.

4. Территориальный диалектизм — ненормированное слово, употребление которого ограничено определённой территорией.

1. Исследование по первому вопросу

Слово *внучка* в современном литературном (нормированном) языке образовано от лексемы *внук* с помощью суффикса *-к* с последующим чередованием звуков *к/ч*. В современных толковых словарях русского языка слово *внучка* имеет два значения — 1. дочь сына или дочери по отношению к их родителям: бабушке и дедушке. *Воспитывать внучку, гулять с внучкой*. 2. Обращение пожилых людей к молодой женщине, девушке, девочке [Ожегов, Шведова 1997: 89; Большой толковый словарь русского языка 2000: 139].

Слово *внука* отсутствует в современных толковых нормированных словарях русского языка, так как является просторечной лексемой. Зафиксировано, например, в ненормативном «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля со значением «дочь сына или дочери по отношению к их родителям: бабушке и дедушке». В настоящее время является устаревшим и чаще (как показывают наблюдения) употребляются в просторечии пожилыми людьми. (Например, в «Толковом словаре названий женщин» (2002) Н.П. Колесникова к слову *внука* имеется помета «устаревшее».)

В официальных документах используются только нормированные слова и не допускаются лексемы просторечного характера (общерусские просторечные слова, арготизмы, жаргонизмы и территориальные диалектизмы) (см. об этом, например: [Голуб 1997; Гольцова, Янкелевич 1989]). Просторечные слова могут вносить в текст двусмысленность, что явно будет противоречить сути официальных документов. Лексика официальных документов должна быть синхронной, т.е. соответствовать своему времени. В современных официальных документах не должны использоваться устаревшие слова. Так как слово *внука* является в настоящее время устаревшим и просторечным, то в официальных документах (в том числе и нотариальных) оно не должно употребляться. В них может использоваться только слово *внучка* в значении «дочь сына или дочери по отношению к их родителям: бабушке и дедушке».

30.10.06.

М.А. Грачёв

Как видим, сама экспертиза несложная, но её материалы и выводы позволили наследнице (*внучке*) получить наследство.

В заключении по этому разделу книги подчеркнём, что лингвист-эксперт должен хорошо знать свои права и обязанности (см. подробнее об этом ст. 57 УПК РФ, ст. 58 УПК РФ, ст. 86 УПК РФ, ст. 204 УПК РФ, ст. УПК 271 РФ; ст. 55 АПК РФ, ст. 82 АПК РФ, ст. 83 АПК РФ; Памятку 2004).

6. Недочёты звукозаписи

Нередко сотрудники правоохранительных органов при звукозаписи допускают многочисленные ошибки, которые могут повлиять и на качество экспертизы, и в целом на ведение уголовного или административного дела. Самое главное при этом может наблюдаться изменение смысла речи фигурантов. В качестве примера приведём ошибки в звукозаписи подозреваемого во взяточничестве и лиц, сотрудничающих со следствием (они

будут соответственно обозначены М1. — мужчина, М2 — женщина и Ж. — женщина).

1. Орфографические ошибки.

Например, написание местоимение *вы* со строчной буквы свидетельствует о множественном числе, а с заглавной *Вы* — в единственном (вежливая форма). Между тем в тексте имеются двусмысленности: написание *вы* со строчной буквы допускают двойное толкование (то ли речь идёт о нескольких фигурантах, то ли речь об одном фигуранте, согласно речевому этикету), см. пример: «М. — “Нет ну *вы* зря так, это пока эмоции”».

Ряд орфографических неточностей в написании искажает смысл текста, см. пример: «“Ж. — ...он сказал я не почувствовал себя ни сколько лучше”» (можно толковать: *несколько лучше* или *нисколько не лучше*).

Для протоколов характерны описки, опечатки, искажающие смысл, например, во фразе «М1. — *Ведения* таких больных» фигурант использовал вместо слова *ведения* слово *лечения*.

Ошибки в названиях лекарств: *бифиформ*, *плазмаферез*.

2. Пунктуационные ошибки.

Данный тип ошибок также ведёт к неправильному толкованию записанного текста

Так, фразу «М1. — нет ну *вы* зря так, это пока эмоции» в зависимости от постановки знаков можно толковать следующим образом: «Нет? Ну *вы* зря так! Это пока эмоции». Как видим, смысл меняется полностью.

Фраза «М1. — Завтра. Понимаешь не успеем наверное». Можно расценивать следующим образом: «Завтра, понимаешь, не успею. Наверное».

Фраза «М1. — в командировке, давай договоримся ты ему позвонишь, я ему позвоню как правильно сделать и мне опишешь» ситуацию можно толковать следующим образом: — «В командировке давай договоримся, ты ему позвонишь, я ему позвоню, как правильно сделать, и мне опишешь ситуацию».

3. В звукозаписи почти отсутствует фиксация звуков-сорняков типа гм-гм, э-э-э, а-а-а и др., которые могут свидетель-

ствовать о неподготовленности речи (в частности, к произношению определённых фраз), нет указания на длительность пауз. В конце предложений нет вопросительных и восклицательных знаков, свидетельствующих об определённой интонации, которая могла бы выявить ряд аспектов, связанных с более точным пониманием текста; она может быть утвердительной, побудительной, вопросительной. Кроме того, они могут свидетельствовать о психофизиологическом состоянии говорящего: его волнении, сомнении, лжи и проч.

4. Неправильное указание на звуки: «слышен стук ударов по поверхности». *Стук ударов* — каких? *По поверхности* — чего? какой?; «раздалось специфическое шуршание пакета» — откуда фигурант узнал, что это был пакет, возможно, точно такое же шуршание обёртки от конфеты, цветов, фольги, плёнки и проч.

5. Лакунарность.

«М1. — сами смотрите, это отсутствие такого, такого подхода поставило вас в такие жёсткие рамки, из которых вообще нет выхода. Я имею ввиду, тогда оставил бы... Мы говорим о том, что, входя в Ваше положение, имея ввиду тот полный объём вашей ответственности перед нами, вы, так скажем, единомоментно не можете реализовать, так? Но мы говорим, что если вы не реализуете хотя бы часть её, то как мы будем дальше работать?

Ж. — я всё понимаю.

М2. — ну как? И просто отнеситесь к этому вопросу.

М1. — (*перебивая*) да не будем мы никак работать, нам дадут по башке, соответствующим образом всё разрешится.

Ж. — какую?

М2. — какую часть? Ну, хотя бы половину.

Ж. — за проделанный объём работы?

М2. — Нет, не за проделанный объём работ, а за, да я даже не знаю, это же не палка колбасы. Хотя бы для того, чтобы главврача местного успокоить.

М1 — и комиссию конечно, департамент. Вы чего? Вы знаете, как там всё закручено?

Ж. — Потому что мы этот вопрос уже решаем с вами в течение, наверное, с момента госпитализации мы пытались с вами назначить день постановки фистулы и всё такое, вот давайте я вот так (*шуршание пакета*).

М. — Фистулы? Ну я всё понимаю.

М. — Куда одеваемся, мы никто не куда не деваемся».

Последняя фраза является алогичной по сравнению с остальным текстом, и, вероятнее всего, не всё было отмечено в звукозаписи.

6. Помета неспециалиста «неразборчиво» может упустить важные сведения. Тогда как лингвист-эксперт, обладающий большими познаниями в языке, может расшифровать плохо звучащую речь.

См. пример: «Ж. — в среду или в четверг, я уже должна буду (неразборчиво). А гематолог когда будет осматривать?» Между тем, согласно логике повествования, здесь может быть пропущено «собрать деньги» — важные сведения для дальнейшего понимания текста, для следствия.

Эксперты после этого пришли к закономерному выводу:

Орфографическое и пунктуационное оформление текста («Протокол осмотра предметов (документов) от 16 марта 2007 г.» — (объём 11 страниц) и «Протокол осмотра предметов (документов) от 23 марта 2007 г.» (7 страниц) вызывает сомнения в адекватности и корректности графической расшифровки звукозаписи. В связи с этим не представляется возможным однозначно толковать различные фрагменты текста, а значит, и оценить текст в целом.

Часть II. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

1. Общие рассуждения

Цели и задачи второй части книги для экспертов-речеведов заключаются в следующем: он должен знать всё о криминальном контингенте. В настоящее время субкультура уголовников (воровские слова, условные и тарабарские языки, пословицы и поговорки, татуировки, жесты и мимика и проч.) оказывают сильное влияние на законопослушное общество, тем самым являясь одним из факторов, увеличивающих число правонарушителей. Большинство вышеперечисленных элементов субкультуры нередко используется в тексте или даже представляет сам текст, причём степень использования может быть намного выше в преступном сообществе, чем в законопослушных социумах. Данный раздел поможет также юристу в профилактике правонарушений, в оперативной работе, в раскрытии преступлений, в судебно-правовой и адвокатской деятельности и т.д.

2. Арго

2.1. Названия арго

Лексика деклассированных элементов имеет ряд официальных и неофициальных названий: *арго*, *жаргон*, *условный (условно-профессиональный) язык (сленг) преступников (воров, уголовников)*, *байковский язык*, *воровской язык*, *язык преступников*, *арго воров*, *арго преступников*, *жаргон воров*, *жаргон преступников*, *арго деклассированных элементов*, *жаргон (арго) асоциальных элементов*, *жаргон (арго) деклассированных элементов*, *тюремное арго*, *тюремный жаргон*, *тюремный язык*,

отверница, феня, блатная феня, фенька, соня, сонька, тюремно-лагерный жаргон, тюремно-лагерно-блатной жаргон, музыка, блатная музыка, акцент, рыбий язык и др.

Наиболее часто повторяются слова *арго* и *жаргон*. Между тем в отечественной лингвистике существует ряд мнений об использовании данных терминов. Нередко эти слова считаются абсолютными синонимами. Так, например, составители «Словаря русского языка» (под ред. А.П. Евгеньевой, 1985) и составители «Словаря иностранных слов» [Лёхина, Петрова 1954] указывают, что *жаргон* — то же, что *арго*.

Другие учёные считают слова *арго* и *жаргон* неполными синонимами, отличающимися либо оттенками значений, либо совпадающими в одном значении [Ахманова 1962].

Третья группа лингвистов подчеркивает, что *арго* и *жаргон* различны по смыслу. *Жаргон*, по мнению лингвиста Л.И. Скворцова, — в определенной мере языковая игра [Скворцов 1995]. От *арго* *жаргон* отличается тем, что его носители не пытаются засекретить свои мысли, намерения при помощи жаргонизмов, тогда как *арго* употребляется и в тайных целях.

Имеются многочисленные классово-прослоечные *жаргоны* (дворян, купцов, мещан, крестьян, духовенства, чиновников), производственные жаргоны (электриков, каменщиков, наборщиков, артистов), жаргоны людей, объединяющихся по интересам и увлечениям (рыболовов, картежников, доминошников, спортсменов, коллекционеров), молодежные жаргоны (школьников, студентов, солдат, матросов, неформальных группировок). Но есть арго криминальных элементов: воров, шулеров, нищих, проституток, беспризорников, бродяг и проч.

На происхождение слова *жаргон* имеется две точки зрения: по мнению составителей «Краткого этимологического словаря», оно заимствовано из французского языка в середине XIX в.: «Франц. *jargon* — “испорченный язык”, возможно, того же корня, что и *gargoniller* — “булькать, урчать”». В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера имеется другое

толкование данного термина: «Жаргон, из франц. наречие, жаргон, производят из галло-ром; **gargone* — “болтовня”» [Фасмер 1973]. Действительно, значения «испорченный язык», «болтовня» больше подходят для следующего определения *жаргона* — «общественная забава, языковая игра, подчиненная принципам эмоциональной экспрессии». В нем нет элементов секретности или условности.

Слово *арго* впервые появилось в русской литературе в 60-х годах XIX в. в романе «Петербургские трущобы» (1866 г.). Вс. Крестовский утверждал, что русские деклассированные элементы имеют свое *argot*. Лексема арго (фр. *argot*) представляет собой искаженное ерго (фр. *ergot*) — «шпора петуха», символ воровского ремесла. Французские преступники XIII—IV вв., чтобы узнавать своих, носили привязанную к поясу эту часть петушиной лапки. Что-то подобное было, вероятно, и у русских преступников. К сожалению, это мы можем только предполагать. Вещественные символы были очень распространены в то время.

Слово *арго* во Франции с середины XIX в. стало применяться, по мнению исследователя В.Н. Портянниковой, для обозначения и лексики деклассированных элементов, и для различных жаргонов, и даже для фамильярно-разговорной речи парижан [Портянникова 1973].

В России термин *арго* получил распространение среди лингвистов лишь в начале XX в. До этого лексика деклассированных элементов в то время в основном называлась *условным языком преступников, байковым языком, музыкой*. См., например, название рукописи В.И. Даля «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем *музыки* или *байкового языка*» [Даль 1855]. *Байковый* — от слова *байка* — «побасенка, сказочка», в свою очередь, образовалась от русского глагола *баять* — «говорить».

В начале XX в. к слову *музыка* прибавилось и слово *блатная*. В 1908 г. появился словарь В.Ф. Трахтенберга с любо-

пытным названием «*Блатная музыка*. (Жаргон тюрьмы)». Редактор данного словаря, И.А. Бодуэн де Куртэнэ, в статье, посвящённой изучению арго, иначе его и не называет, как *блатная музыка* (см. его статью «Блатная музыка» В.Ф. Трахтенберга в кн.: [Избранные труды по общему языкознанию 1963: Т. 2]). Любопытно, что в этой небольшой статье (всего две страницы) словосочетание *блатная музыка* встречается двенадцать раз! И в дальнейшем оно стало употребляться в лингвистической литературе в качестве синонима к термину *арго* (см., например, название статьи М.М. Фридмана — «Еврейские элементы “блатной музыки”» в: [Дмитриев 1931]). В словарях русского языка [Ожегов, Шведова 1997], под редакцией Д.Н. Ушакова (1935—1940), А.П. Евгеньевой (1985) *блатная музыка* то же, что и *арго*.

Известно, что в конце XIX — начале XX в. некоторые арготические слова стали интернациональными, т.е. употреблялись преступниками ряда стран. Таким же, вероятно, был арготизм *блат*.

Арготический фразеологизм *блатная музыка* в начале XX в. стал своеобразным термином, обозначающим *арго*, но он не закрепился в терминологических словарях: его вытеснило слово *блат*.

В «Толковом словаре русского языка» (1935—1940) под редакцией Д.Н. Ушакова слово *блат* имеет пометку «из воровского арго», а выражение *по блату* — «новое, просторечное, вульгарное». В настоящее время слово *блат* в значении *арго* приобрело права литературности и даже зафиксировано как термин (см., например: [Розенталь, Теленкова 1983]).

В 20-х годах XX в. преступники не только *бóтали*, но и *стучáli по фéне (сóне)*, *кулика́ли по-сво́йски*. Несколько позже уже стали *ку́рсать* или *ку́ргать по фéне (сóне)*. Иногда преступники для обозначения *арго* используют лексемы *акце́нт*, *зернь*.

Наиболее часто в середине XIX — начале XX в. для обозначения арго использовались фразеологизмы, в которых име-

ется компонент *язык*: *язык балабурный* — «арго проституток» [Ильин 1912]; *язык кантюжный* — «арго».

Но самым древним для обозначения арго является слово *отвёрница* — «арго воровских казаков»). «Примечательно, что первые известия об арго (XVII в.) связаны с казаками, которые называли свою лексику “*ясаком*” или “*отвёрницей*”» [Грачёв 1997].

Интерес представляет и фразеологизм *чирикать на рыбьем языке* — «разговаривать на арго». Кстати, компонент *чирикать* в общерусском просторечии употреблялся в значении «говорить».

Рыбий язык — это арго. Следует подчеркнуть, что вне фразеологизма *чирикать на рыбьем языке* сочетание *рыбий язык* в речи преступников используется довольно редко.

Человека, который свободно владеет арго (не обязательно преступника), криминальные элементы обычно называют *полукровкой* или *цветным*, исследователя арго — презрительно *фэней в ботах*, словарь арго — *блат-задачник*.

В нашей книге чаще будет использован термин *арго* для обозначения лексики преступного мира. При употреблении было учтено и его происхождение, и первоначальное значение.

2.2. Происхождение и эволюция арго

Исследователи арго нередко показывают его развитие вне связи с историей преступности и — шире — деклассированных элементов. Поэтому в нашей книге язык криминогенного контингента проанализирован вместе с возникновением и становлением русской преступности, развитием уголовных специализаций, традиций, обычаев.

До сих пор среди историков языка, юристов ведутся споры о времени и месте зарождения лексики русских криминальных элементов.

На наш взгляд, все предположения о происхождении арго страдают однолинейностью. Арго зародилось не вдруг, и не в

одном месте, и не от условных обозначений какой-либо социальной группы (например, тех же бродячих торговцев мелким товаром — офеней). Появление языка уголовников следует отнести к тому времени, когда на Руси возникает власть имущих, нарождаются города, общество начинает делиться на классы, возникает организованная преступность. Наша точка зрения перекликается с утверждением исследователя языка французских криминальных элементов Э.М. Береговской: «Появление аргослов относят примерно к началу XII в. Оно связывается с возникновением на севере Франции феодальных городов с их разнообразными ремеслами и резкими социальными противоречиями» [Береговская 1975].

Арго — неизбежный спутник криминального мира, поэтому его возникновение тесно связано с появлением организованной преступности. Любопытно в связи с этим высказывание юриста В. Лебедева: «Несомненно, что с того момента, как первый профессиональный вор или мошенник вступил в беседу с себе подобным, возник и воровской язык» [Лебедев 1909]. Профессиональная преступность возникает вместе с ростом городов, тогда, когда в России (да и в Европе в целом) появляются различные цеха ремесленников, организации торговых людей и прочие объединения. Несомненно, свои «цеха» имело и преступное братство.

«Стихийная выработка жаргона (арго. — *М.Г.*), — писал языковед Б.А. Ларин, — диктовалась необходимостью. Тайная речь воровской организации развивалась вместе с преступниками» [Ларин 1931].

Арго существовало, в основном, в границах определённого центра русской преступности (например, в Берлади, Поволжье (места волжских разбойников), в г. Новгороде Великом — столице *ушкуйников* (новгородских разбойников), местах скопления воровских казаков — в бассейнах рек Яика (Урала), Дона и т.д. Несомненно, пути волжских разбойников, ушкуйников и воровских казаков пересекались и у них должны быть элементы общего аргословия. Однако наиболее полно до нас дошло лишь

арго волжских разбойников. При анализе памятников письменности XV—XIX вв. нами было выявлено около сорока слов и фразеологизмов волжских разбойников. Возможно, их было гораздо больше, но они не были вовремя зафиксированы и изучены. Характерно, что большинство из них связано с понятиями «вода» и «судоходство»: *водá* — сигнал опасности, *по рекé волнá прошлá* — послана погоня, *пустítь ры́бу ловítь* — утопить, *притóн* — тайная пристань волжских разбойников и проч.

Волжские разбойники не были замкнутым, обособленным разрядом преступного мира: они были тесно связаны с другими разновидностями уголовников. Поэтому мы находим у них общие арготические слова. И волжские разбойники, и московские мошенники (раньше *мошённиками*, *мошонкорéзами*, *мошонкорéзниками*, *мохнорéзниками* назывались вори-карманники — от слова *мошнá* — кошёлёк, сумка) употребляли следующие арготические слова и выражения: *дуван* — доля награбленного, *дувán дувáнить* — делить награбленное, *дульяс* — огонь, *ватáга* — шайка преступников, сброд.

Речные пираты сбывали награбленный товар городским скупщикам краденого — *ка́инам*. И, бесспорно, у них также должны были быть общие арготические слова. Любопытно, что на образование арготизма *ка́ин* — «скупщик краденого» повлияло не только имя библейского персонажа Каина, убившего родного брата Авеля, но и литовское слово *kaina* — «цена». У волжских разбойников была тесная связь и с лесными разбойниками — *шишáми* и *тáтями* (*тать* — также арготическое слово, родственное лексемам *таить*, *татьбá* — «преступление»). В современном арго слово *татéбная* обозначает крупную кражу).

Ряд слов и фразеологизмов волжских разбойников с течением времени изменил свои лексические значения. Так получилось, например, с выражением *пустítь крáсного петухá*. Первоначально оно обозначало «выстрелить из ружья», а затем — «поджечь дом в деревне». При переходе в просторечие

этот фразеологизм приобрёл несколько иное значение, чем в арго волжских разбойников, — «устроить пожар».

Общепонятный русский язык всегда испытывал влияние арго. Наиболее интенсивно в него переходят арготизмы во время социальных взрывов: восстаний, крестьянских войн, революций. Так, во время крестьянской войны под предводительством С. Разина в русское просторечие перешли следующие арготизмы: *измываться*, *сорынь*, *пустить красного петуха*, *притон*. Криминальные элементы в России, в отличие от уголовного мира Западной Европы, формировались в особых социальных условиях.

Россия была аграрной страной, и в ней преобладало сельское население. Аграрный строй не мог не повлиять на структуру и рост деклассированных элементов.

В России до 1861 г. процветало крепостное право, и по своей экономике она являлась одним из самых отсталых государств в Европе. Произвол помещиков в самодержавно-крепостнической России был узаконен. Например, законом от 13 декабря 1760 г. помещикам разрешалось без суда и следствия ссылать крестьян в Сибирь. Это экономическое и правовое положение крестьян влекло за собой рост преступности. Крепостные, бежавшие от своих мучителей, часто объединялись в шайки воров и разбойников.

Но вернемся к началу нашей истории. Несомненно, русское арго родилось в IX—X вв. Уже тогда, по свидетельству историка В. Соловьёва, появляются хорошо организованные лесные шайки разбойников, конокрадов. Крупные города в первой половине XVII в. становятся притонами воров и грабителей.

На совершение преступлений людей толкали, с одной стороны, нищета и произвол властей, а с другой стороны, — невозможность возврата к прежней жизни, так как даже добровольное заявление властям о преступлении влекло за собой тяжкие телесные наказания. Преступники становились изгоями общества, что способствовало их консолидации.

Преступления в XVII в. часто совершали бродяги, которые нередко передевались сотрудниками охраны правопорядка. Представители господствующих классов того времени совершали преступления против личности и имущества. Так, например, купцы занимались подделкой документов, дворяне воровали казённые деньги, похищали крепостных с целью продажи.

Д.С. Лихачёв справедливо утверждал, что «самым старым и более всего исторически известным среди арго (социолектов. — *М.Г.*) является воровское. Там господствует ещё не столько социальная, сколько территориальная дифференциация арго, что и вообще характерно для языковой эпохи» [Лихачёв 1935]. Иными словами, в каждой местности, в каждом территориальном диалекте существовало свое арго.

Основные изменения, которые происходили в русском общенародном языке, непосредственно отражались в языке уголовников.

За целое столетие (XVIII в.) среди деклассированных элементов произошли качественные и количественные изменения. В начале XVIII в. к прежним причинам преступности прибавились новые: увеличение налогов, войны, эпидемии, годы неурожаев. Поэтому неслучайно в годы царствования Петра I наблюдался резкий скачок преступности. Беглые крестьяне автоматически превращались в преступников, так как средства к существованию они вынуждены добывать незаконным путем. В то же время появляется и большое количество нищих [Белgorиц-Котляревский 1880].

В 1703 г. реформой Петра I была создана регулярная государственная полиция. Деклассированные элементы должны были приспособиться к новым условиям. Так, по свидетельству криминалистов, многие воровские шайки становятся более законспирированными, именно в XVIII в. создаются жёсткие воровские «законы». Например, запрещается выход из уголовной среды под угрозой смерти, в шайках происходит посвящение в профессиональные преступники и т.д. В то же время увеличивается число высококвалифицированных карманных краж

и шулерство [Гуров 1983]. Всё это не могло не отразиться на арго.

Характерен тот факт, что арготизмы начинают фиксировать к тому времени, когда сложился русский литературный язык, — в конце XVIII в. Впервые воровские слова были использованы в книге Матвея Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» (1779). Время, описываемое в книге, — середина XVIII в. В ней зафиксировано около 140 арготических слов и словосочетаний, например: *сту́калов монасты́рь* — «тайная канцелярия» (сравните с современным арготизмом *стуча́ть* — «доносить на кого-л.»), *чёрная рабо́та* — «воровство» (сравните с современным арготизмом *рабо́та* — «воровство»), *ка́менный мешо́к* — «тюрьма» (в совр. арго *мешо́к* — «изолятор», «одиночная тюрьма»), *това́р с безу́много ря́ду* — «водка», *монасты́рские че́тки* — «кандалы», *гремло́* — «часовой», *пусти́ть ры́бу лови́ть* — «утопить», *купцы́ пропа́лых веще́й* — «воры» (совр. арготизм *купец* — «вор-карманник»). Эти и подобные арготизмы имеются и в «Автобиографии» В. Каина, см. отрывок: «По происшествии ночи поутру меня представил, где к той песни ещё голосу прибавил, ибо она для ночи не всегда была допета, потому что дожидался я света; в тот же час драгуны ко мне подбежали и в тот *монасты́рь (Сту́калов)* (тайную канцелярию. — М.Г.), куда хотел, помчали, где по приезде секретарь меня спрашивал: по которому пункту я за собой сказывал? Кому я говорил, что ни пунктов, ни фунтов, ни весу, ни походу не знаю, а о деле моём тому скажу, кто на том *стуле́ сиди́т, на кото́ром соба́чки вы́резаны* (то есть на судейских стульях). На другой день поутру граф Семён Андреевич Салтыков, приехав, приказал отвести меня в *немшо́ную ба́ню* (то есть в застенок), где людей вешают, сколько кто потянет...»

Арготизмы, использованные в «Автобиографии» В. Каина, не являются окказионализмами. Об этом говорил и Д.С. Лихачёв, ссылаясь на рассказ И. Новикова «О лукавом нищем», см.

отрывок из него: «Нищий вздумал с товарищи другое *на́божное ремесло́* (преступление. — *М.Г.*), начал уже *сбирать с прохо́жих по́дать* (грабить. — *М.Г.*) и ходить по дворам в покои и чердаки за *ми́лостыней* (имуществом, которое можно украсть. — *М.Г.*). Но сие *мастерство́* (преступление. — *М.Г.*) недолго им исполнять удалось, потому что есть *чернецы́* (сыщики. — *М.Г.*) и на Симонове, так и в Москве не простаки. Как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было и вылезть; отведены были в сыскной приказ, где *ма́зали* (били. — *М.Г.*) их по спинам долгою об одном конце плетью, а после *па́рили* сухими вениками и трусили на теле зажжённые листья. И хотя *ба́ня* (застенок. — *М.Г.*) была и не топлена, но велми жаркой показалась» [Новиков 1989].

Свое дальнейшее развитие аргó получило в XIX в. Характерно, что именно в это время преступность качественно меняется: если в XVII—XVIII вв. уголовники открыто завладевали имуществом (занимались разбоями и грабежами), то преступники начала XIX в. чаще прибегали к тайному хищению материальных ценностей (воровали, мошенничали, обыгрывали в карты шулерскими способами).

После отмены крепостного права (1861 г.) быстро пошло на убыль бродяжничество. Так, если в 1860 г. бродяги составляли 11% среди осужденных, то через 5 лет — всего 5% [Анучин 1873]. Казалось бы, кривая преступности должна резко упасть, однако этого не случилось. В связи с ростом капиталистических отношений увеличивается не только число преступников, но и прочих представителей люмпен-пролетариата: нищих, проституток, беспризорников.

Именно ко времени отмены крепостного права относятся первые исследования аргó. В 1859 г. в журнале «Северная пчела» появляется словник арготизмов под названием «Собрание выражений и фраз, употребляемых С.-Петербургскими мошенниками» (1855 г.), странным образом похожий на неопубликованный «Условный язык петербургских мошенников» В.И. Даля и по названию, и по расположению материала, и по лексическо-

му составу. Фамилии автора при нём не было. Можно предположить, что данный материал как-то связан с указанной лексикографической работой В.И. Даля. Любопытно, что фрагменты «Условного языка петербургских мошенников» употребляются в «Толковом словаре живого великорусского языка», особенно та часть, которая представляет собой примеры употребления арготизмов, см.: «Что *сты́рил?* *Срубíл* *шмель* да *выначил* *скуржа́ную лоха́нку*. *Стре́ма*, *каплю́жник*: *переты́рь жу́лику* да *прихе́рься*. *А ты?* *Угна́л скаме́йку* да *пронáчил* на *весну́хи*. То есть: «Что украл? Вытащил кошелёк да серебряную табакерку. Чу, полицейский: передай мальчишке да притворись пьяным. А ты? Украл лошадь да променял на часы». В то же время в «Толковом словаре живого великорусского языка» гораздо больше арготизмов воров-карманников, чем в «Условном языке петербургских мошенников», и в статьях даётся более подробная характеристика. Проиллюстрируем это на примере словарной статьи.

МАЗУ́РИК нвг. *мазурник*, *мазурин* (от *мазур* — «поляк» или от *мазуля* — «замарашка, оборванец»?) — «карманный вор, комнатный и уличный в городах, особенно в столицах, где они придумали свой язык, *ба́йковский* или *му́зыку*. *Ходишь по му́зыке?* — «говоришь ли по-нашему?») *Фарао́н* — «будочник»; *буты́рь* — «городовой», *клюй* — «пристав»; *михлю́тка* — «жандарм», *стрелá* — «казак», *арши́н* — «купец», *мешо́к* — «приёмщик краденого», *убо́рка* — «похороны», *сара́*, *ба́бки* — «деньги», *ши́шка* — «бумажник»; *шмель* — «кошелёк», *теплу́ха* — «шуба», *голуби* — «бельё на чердаке», *скаме́йка* — «лошадь», *лоха́нка* — «табакерка», *весну́хи* и *сту́канцы* — «часы», *камбалá* — «лорнет», *ле́пень* — «платок», *серё'жка* — «замок», *стри́канцы* — «ножницы», *жу́лик* — «нож», «мальчишка-помощник», *выначить*, *срубíть* — «вынуть из кармана». *Мазу́ричий* — к ним относящийся. *Мазу́рить*, *мазу́рничать* — «промышлять карманным воровством, особенно в столицах, на ярмарках и на торгах».

В.И. Даль является первым лексикографом, который обратил внимание на арготизмы — лексику деклассированных элемен-

тов. До этого труда русских арготических словарей (словников) не было. В его работе имеется около ста шестидесяти лексем и двадцать примеров словоупотребления. Арготизмы лексикограф собирал в г. Петербурге, когда работал в Министерстве внутренних дел. Анализ показывает, что фактически они использовались деклассированными элементами по всей России.

«Условный язык петербургских мошенников» — это словарь: лексемы в нём расположены не по алфавиту, отсутствуют грамматические пометы, контекст приведён отдельно от арготизмов, кроме того, в него включён и ряд просторечных слов, известных всем петербуржцам: *барчѹк* — «господин во фраке», *толкѹн* — «рынок», *чебура́хнуть*, *хлобы́стнуть* — «ударить» и др.

Приводя арготизмы разных групп уголовников, В.И. Даль одним из первых указал на существование разветвлённой профессиональной преступности.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» также зафиксировано около трёхсот лексем уголовного мира, причём они расположены в алфавитном порядке в разных местах словаря.

После отмены крепостного права появляется большое количество профессиональных преступников различных специализаций. «Существовали в достаточной степени дифференцированные группы этого своеобразного «подполья»: московские *жу́лики*, петербургские *мазу́рики*, затем шулера, воры различных профессий (*карма́нники*, *взло́мщики* и т.п.). Каждая группа имела известное наслоение в общем воровском арготизме. Особое наслоение должно было существовать в тюремном языке арестантов и сибирских каторжников» [Стратен 1929].

Именно к середине XIX в. сложилась четкая иерархическая система уголовников. Особенно это было характерно для мест лишения свободы. Там существовали две основные категории авторитетных заключённых: *ива́ны* — хорошо организованные бродяги, ступенью ниже их были *гло́ты* или *хра́пы* — преступники, которые завоёвывали себе авторитет наглостью и красно-

речием. Обе эти категории уголовников эксплуатировали рядовых арестантов, которые назывались *кобылкой*, *костогрызами*, *шпáнкой*. Уже в конце XIX — начале XX в. арго делилось на общеуголовное (в него входили слова, употребляемые всеми разрядами деклассированных элементов, например, *казáк* — «вожак арестантов», *канно́вка* — «водка», *трясогу́зка* — «горничная», *ари́шн* — «купец», *ры́жик* — «червонец») и специализированные: среди них выделялись арготизмы воров-карманников, например, *лопа́тошник* — «бумажник», *пра́вик* — «правый карман», *ле́вик* — «левый карман»; шулеров, например, *ма́стак* — «ловкий шулер», *верня́к* — «приём шулеров»; конокрадов — *скамéйка* — «лошадь», *гра* — «конь», *áгер* — «жеребец».

Свои лексические обозначения имели также проститутки, босяки, беспризорники, нищие. Вот, к примеру, арготизмы нищих: *стрелóк* — «нищий высшей квалификации», *стреля́ть* — «просить милостыню», *двуру́шник* — «нищий, который, сидя на паперти, протягивает две руки за подаванием»; босяков: *кóрчи* — «каприз», *бо́мба* — «деньги», *баранже́* — «холод», *жи́тель городской канáвы* — «босяк», *угольный факультёт* — «разгрузка угля». Но все эти специфические слова употреблялись вместе с общеуголовными. Приведём в качестве иллюстрации отрывок (из разговора двух проституток) из повести А.И. Куприна «Яма». Дело происходит в публичном доме: «Не звони́, метли́чка, метлик фартóвый, — прервала её Тамара и с улыбкой показала глазами на репортёра».

Общеуголовными здесь являются слова *звони́ть* — «говорить», *фартóвый* — «отличный, хороший»; словами проституток — *метли́чка* — «подружка», *метлик* — «господин, друг».

В настоящее время мы можем отличить, как уже было сказано выше, только отдельные дореволюционные арготические элементы нищих, проституток, босяков и некоторых других деклассированных социумов. Полностью же отделить одно арготическое слово от другого сейчас практически невозможно. На это существует

ряд причин: слова асоциальных слоёв населения не были вовремя классифицированы и описаны лингвистами и криминалистами; позднейшие собиратели не дифференцировали арготизмы различных групп «дна»; деклассированные элементы были настолько в тесном общении, что различия в их языке быстро сглаживались.

Русская литература XIX в. не могла обойти такой важный атрибут уголовного мира как арготизмы. Кроме уже указанного произведения Вс. Крестовского, значительное количество слов преступников появляется в произведениях В. Гиляровского, Ф. Достоевского, С. Максимова, К. Мельшина. Писатели Вс. Крестовский и С. Максимов обратили внимание на факт многочисленных заимствований в русское арготизмы из других языков: украинского, польского, финского, цыганского, турецких и т.д.

Развитие капитализма в России расширило её внешние политические, экономические и культурные связи со странами Западной Европы и мира в целом. Соответственно этому развивались и определенные взаимосвязи между русскими и зарубежными уголовниками. Преступность стала носить интернациональный характер. В последней четверти XIX в. в небывалом количестве появляются крупные международные шайки взломщиков сейфов и несгораемых шкафов (на арготизмы они назывались *медвежатники* и *шнифферá*), поставщиков «живого» товара для публичных домов (на арготизмы — *шмаровóзы*), шулеров (*червóнных валéтов*). Международные воровские связи оставили неизгладимый след на языке русских деклассированных элементов: в 80—90-е годы XIX в. в арготизмы широким потоком хлынули слова западноевропейского происхождения.

Именно в конце XIX — начале XX в. в арготизмы заимствуется также большое количество слов различных слоев городского населения, особенно матросов, торговцев мелким товаром, молодежи и т.д. Например, от матросов перешло слово *полúндра*. В их жаргоне оно обозначало опасность, в арготизмы — некрасивую девушку.

В начале XX в. появляются первые словари аргю, предназначенные, в основном, для сотрудников правоохранительных органов.

Наиболее известными были словари В. Трахтенберга «Блатная музыка. (Жаргон тюрьмы)» (1908), В. Лебедева «Словарь воровского языка» (1909), В. Попова «Словарь воровского и арестантского языка» (1912).

В библиотеке АН России (г. Санкт-Петербург) хранятся две толстые («общие») тетради (всего двести двадцать три страницы), имеющие заголовок «Исследование жаргона преступников». Эта рукопись, в которой содержатся арготизмы, сказки, блатные песни и поговорки преступного мира начала XX в., принадлежала Павлу Петровичу Ильину, заключённому Александровской каторжной тюрьмы Иркутской губернии.

Материал собирался в течение шести лет непосредственно в местах лишения свободы: в 1906 г. П. Ильин был осуждён, а в 1912 г. он завершил свой труд и послал рукопись профессору И.А. Бодуэну де Куртенэ, известному своими смелыми суждениями в науке о языке. Последний, ознакомившись с ней, передал её в АН России, академику А.А. Шахматову. Всё это можно узнать по записям на обложках тетрадней. В рукописи зафиксирован уникальнейший материал, который обогатит наши знания о субкультуре криминогенных сообществ начала XX в.

В конце 1910-х — начале 1920-х годов слова деклассированных хлынули в общенародную речь. Этому послужил ряд социальных, психологических и лингвистических факторов:

1. I Мировая и гражданская войны: на фронт было призвано большое количество деклассированных элементов; они, общаясь с законопослушной солдатской средой, способствовали распространению арготизмов. Достаточно вспомнить известную банду Мишки Япончика, насчитывающую около двадцати тысяч человек; в 1920 г. она, как вооруженное формирование в составе Красной Армии, была послана на войну с белопанской Польшей.

2. После Февральской революции правительство А.Ф. Керенского вместе с политическими заключенными выпустило на свободу множество уголовников, что послужило резкому скачку преступности и качественному ее изменению. Широкий размах получил бандитизм.

3. В начале 20-х годов в стране насчитывалось около семи миллионов беспризорников. «Кадры беспризорников, — писал В. Стратен, — вливаясь в детдома и школы и так или иначе общаясь с социально-нормальной средой, принесли свой язык и в среду школьников» [Стратен 1935].

4. Наличие у блатных словечек ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраски также способствовало проникновению арго в общенародную речь.

5. Часть населения, в основном, малокультурная, считала арго пролетарским языком и противопоставляла его литературному, «буржуазному» языку. Некоторые молодые люди даже гордились знанием арготизмов и смеялись над профессорами русского языка, которые, по их мнению, даже не знали, что такое *клифт*...

Итак, в конце XIX — начале 20-х годов XX в. часть арготизмов стала функционировать в двух средах — уголовной и законопослушной. Такими явились, например, воровские слова *пижóн*, *фра́ер*, *для блези́ру*, *втира́ть очки́*, *двуру́шник*, *блат*. Функционируя в общенародной русской речи, арготизмы уголовников теряли ярлык *преступный*, *блатно́й*, *тюремный*, т.е. основная масса населения приспособила их к своим нуждам для обозначений определенных предметов и явлений.

Язык преступного мира после 1917 г. претерпел значительные изменения. И, конечно, они были тесно связаны с изменениями в обществе: политическими, экономическими, правовыми и т.д. Ушли в прошлое такие слова и выражения, как *ху́тор ромáнова* — «тюрьма», *timoфéй* — «палач», *благодéтель* — «кнут», *лэди грин* — «тюремный священник», *слам на клю́я* — «взятка околоточному надзирателю», *ключáй* — «чин полиции» и др.

Большое количество дореволюционных арготизмов было приспособлено к условиям 20—30-х годов XX в. Сравните:

Слово	Значение в дореволюционном арго	Значение в арго 20—30-х годах XX в.
<i>Мент</i>	«тюремный надзиратель»	«милиционер»
<i>Легáвый</i>	«сыщик»	«общее название сотрудников правоохранительных органов»
<i>Майдáн</i>	«кусочек сукна на нарах, где играют в карты»	«поезд», «вокзал», «вагон»
<i>Фрáйер</i>	«общее название жертвы»	«жертва преступника», «любой человек, не принадлежащий к преступникам-профессионалам»

В то же время появляется значительное количество новых арготизмов: *сyвкa* — «мелкий воришка», *дешёвка* — «нечестный, продажный человек», *мyрка* — «сотрудник Московского уголовного розыска». Появление новых арготизмов связано, прежде всего, с политико-экономическими изменениями в стране.

Общественность и языковеды обратили внимание на факт массового проникновения слов преступников в речь подрастающего поколения. Этой проблеме был посвящён ряд статей. Среди них выделяются работы М.А. Рыбниковой «Об искажении и огрублении речи учащихся» (1927 г.), Е.Д. Поливанова «О блатном языке учащихся и о славянском языке революционной эпохи» (1931 г.), С.А. Копорского «Воровской жаргон в среде школьников» (1927 г.), Г.С. Виноградова «Детские тайные языки» (1926 г.). Все языковеды и педагоги, писавшие о проникновении арготизмов в речь молодёжи, сходились в следующем: блатным словам надо объявить беспощадную войну. Исследователи предлагали ряд мер для борьбы с этими сорняками.

Арго, как и всякий другой социальный диалект, интересен, прежде всего, своим составом. В конце 20-х — начале 30-х годов XX в. выходит ряд научных работ, посвящённых заимствованиям в лексике деклассированных элементов, как-то: Б.А. Ларин «Западноевропейские элементы русского воровского арго» (1931), Н.К. Дмитриев «Турецкие элементы русского арго» (1931), М.М. Фридман «Еврейские элементы блатной музыки» (1931) и др.

Другой группой явились исследования общего характера, описывающие арго широко: его происхождение, функционирование и эволюцию. К этой группе относятся труды В.М. Жирмунского (1936), Б.А. Ларина (1928), Д. С. Лихачёва (1935), В.В. Стратена (1931), В.А. Тонкова (1930).

В 20-е годы XX в. появляются арготические словари. Особую значимость представляли работы Г.В. Виноградова «Словарь соловецкого условного языка» (1922), В. Ирецкого «Для словаря Даля. Спекулянтско-налётческий тюремный жаргон» (1926), В. Потапова «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы» (1927).

В последующее время, начиная с середины 1930-х и кончая 1960-ми годами, арго практически не изучалось. На это было две причины. Прежде всего, лингвистическая концепция И.В. Сталина, который считал, что жаргоны (арго) присущи только господствующим классам и слоям общества: дворянам, чиновникам, духовенству. А так как их нет, то и жаргонов (арго) тоже не существует... Кроме того, в середине 1930-х годов было официально заявлено, что с профессиональной преступностью в нашей стране покончено. Поэтому изучение арго было чревато репрессиями для исследователей.

Конец 20-х — начало 30-х годов XX в. — время, когда появляется группировка *воров в законе*. Это была особая, мощная каста преступного мира, которая в дальнейшем повлияла на всю российскую преступность, т.е. русские уголовники стали жить по установкам «законников» — так стала именоваться в дальнейшем эта элита преступного мира.

С приходом новой власти и организацией новых правоохранительных органов резко изменились условия, далеко не в пользу преступников-ортодоксов. Новые порядки не допускали коррумпированности, которая была до революции. Правоохранительные органы стали беспощадными не только к «врагам народа», но и к профессиональным уголовникам. И трудно было сказать, кто был сильнее: старые профессиональные воры или новые бандиты.

Перед старыми профессиональными преступниками возникла дилемма: погибнуть или выжить. Но, для того чтобы выжить, они должны были реорганизоваться и консолидироваться. Это и произошло в конце 1920-х — начале 1930-х годов. На данный факт указывают их слова: в дореволюционном арготизме отсутствовали лексемы «вор в законе», «законник», их нет и в словарях 1920-х годов. Хотя имелись и составляющие этого названия, см. слова: *законный* — «настоящий, хорошего качества», *каин законный* — «скупщик краденого, пользующийся доверием воров».

Именно в 1930-х годах окончательно оформляются правила «воров в законе».

Многие арготизмы своим появлением обязаны *ворам в законе*. *Воры в законе* для увеличения числа себе подобных заражали своей преступной моралью молодежь, вовлекая ее в уголовную деятельность. Особенно быстро такую идеологию усваивали беспризорники. Они были, в определенной мере, той средой, которая поставляла профессиональным преступникам новые «кадры». Любопытно, что беспризорники гораздо чаще употребляли *блатные* словечки, чем взрослые уголовники. Вот «исповедь» несовершеннолетнего преступника: «Три года *шпаной* (мелким преступником) был, днём на базаре *работал* (воровал), в *ширмачах* (ворах-карманниках) состоял, а *хима́ть* (спать) в *шалма́н* (притон) ходил, а то и на улице ночевал. *Мента́м* (милиционерам) попадался редко, только три раза *засы́пался* (попался на месте преступления). Приведут в при-

емник, а оттуда *фанá винтá даёшь* (быстро убегаешь)» [Тонков 1930].

Арго в то время пополнилось новыми словами. Они отражали те реалии, которые возникли в местах лишения свободы. Это были обозначения «врагов народа»: *ли́терка*, *ли́терник*, *троцки́ст*, *поли́т*, *полити́кан*, *полити́кашка* — «политический заключенный», *полити́ческая зэ́чка*, *полити́ка́нша* — «политическая заключённая-женщина»; *жир* — «жена изменника родины», *пересы́дчик* — «политический заключенный, которого по отбытию срока наказания оставили в исправительно-трудовом лагере до особого распоряжения властей; *повто́рник* — «репрессированный человек, который вторично попал в места лишения свободы». Нередко политических заключённых называли «*пятьдесят восьма́я*» (58 ст. УК РСФСР предусматривала наказание за измену Родине). Появляются и слова другого характера, например: *фити́ль*, *шкилéт*, *доходя́га*, *дохо́дчик* — «истощённый больной человек в местах лишения свободы», *красну́ха* — «вагон красного цвета, предназначенный для перевозки телят; в 30-х годах XX в. в нём перевозили и заключённых»; *ври́дло* — «временно исполняющий должность лошади», *Луна́* — «Колыма»; *остроголо́вый* — «чекист в будёновке», *политза́крытка* — «изолятор в местах лишения свободы для политических заключённых»; *тяжелово́зник* — «человек, который имеет самый большой срок наказания (двадцать пять лет)»; *четвертно́й* — «двадцать пять лет лишения свободы». Именно в 1930-е годы появились слова *зек*, *зекá* — «заключённый».

1930-е годы характерны также дальнейшим проникновением арготизмов в общенародный язык. «По сути дела, — справедливо пишет исследователь Л.П. Крысин, — арго, которое в дореволюционное время имело довольно узкий и притом совершенно определённый круг носителей, «жаргон деклассированных» превратился в тюремно-лагерный жаргон, получивший распространение в социально-пёстрой среде: с ним были знакомы, им активно пользовались не только «*во́ры в зако́не*»,

«домушники», «медвежатники» и прочие представители уголовного мира, но и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, крестьяне, артисты, врачи, поэты, журналисты, студенты, составлявшие многомиллионное население лагерей» [Крысин 1989].

В 1941—1945 гг. профессиональная преступность несколько сократилась (этому способствовало военное положение), зато появилось огромное количество беспризорников. Деятельность проституток была глубоко законспирирована (впрочем, данные об этом явлении того периода очень скудные). По мнению Ж. Росси, «после разгрома одесского центра уголовщины в начале 1940-х годов наблюдается обновление жаргона (арго. — *М.Г.*), который иногда даже непонятен тем, кто знает лишь старый» [Росси 1991].

Часть уголовников из исправительно-трудовых лагерей была призвана на фронт в штрафные батальоны. Вернувшись с войны и недолго побыв на свободе, они снова попали в места лишения свободы. Но «*воры в законе*» их уже не принимали в свою группировку. «Ты должен бы, — говорили они, — взять новый срок или даже пусть бы тебя расстреляли, но ты не имел права по “*закону*” служить в армии и брать винтовку». Бывшие фронтовики в местах лишения свободы стали создавать свои группировки. *Воры в законе* эти объединения презрительно именовали «*воёнщиной*», а их членов — *вояками*, а также *польскими ворами* или просто *ляхами*. Два последних названия даны из-за того, что часть *воров в законе* служила в армии К.К. Рокоссовского, поляка по национальности. Они могли, в отличие от *воров в законе*, заниматься торговлей, совершать преступления в одиночку, убивать не по «*воровским понятиям*» и т.п. Однако и *польские воры* стали объединяться и заимствовать у *воров в законе* неформальные нормы поведения, облагать осуждённых данью. Фразеологизм *польский вор* имел, по свидетельству Ж. Росси, ещё одно значение — «лицо, приближённое к миру профессиональных преступников, но ещё не принятое ими в свою среду» [Росси 1991].

В военные и послевоенные годы наблюдается резкое расслоение группировок *воров в законе*. От них отделилась значительная группа профессиональных преступников, не желавшая жить по нормам и правилам *воров в законе*. Эти уголовники создали многочисленные неформальные группировки: кроме «*польских воров*», ещё и «*беспредел*», «*красная шапочка*», «*анархисты*», «*дери-бери*», «*один на льдине*» и т.д. Для *воров в законе* все они (в том числе и «*военищина*») были «*отошедшими*». Между ними началась война: друг друга они убивали «*тиками*», ножами, топили, сжигали, распиливали, взрывали (см. подробнее об этом у писателей А. Жигулина «*Чёрные камни*» и В. Шаламова «*Левый берег*»).

Изменивших *воровскому закону* *во́ры в зако́не* называли ещё и «*су́ками*». «*Су́ки*» же нередко именовали своих противников «*жучка́ми*», от слова *жук*, которое, в свою очередь, по происхождению восходит к лексеме *жу́лик* — «профессиональный преступник».

В конце 1940-х — начале 1960-х годов в СССР был принят ряд законов, направленных против профессиональных преступников. Профилактическая работа среди населения и оперативно-розыскные мероприятия привели к тому, что к началу 1950-х годов преступность пошла на убыль, резко сократилось число беспризорников.

60—70-е годы XX в. характеризуются появлением новых устойчивых криминогенных групп, прежде всего, воров автомашин (*пого́нщиков*) и воров антикварных изделий (*ма́клеи*), у которых сформировалась своя субкультура, в том числе и арго. Например, в речи *маклеи* имелись слова: *ма́мка* — «икона Богородицы», *косо́й* — «служитель христианского религиозного культа», *ко́ля* — «икона с изображением Николая-Чудотворца», *ва́рево* — «кража предметов религиозного культа», *доска́* — «малоценная икона», *поде́литься с бо́гом* — «совершить кражу из культовых зданий», *лесоспла́в* — «занятие незаконной скупкой, хищением и продажей икон».

В конце 1970-х — начале 1980-х годов быстро растёт число продавцов наркотиков, наркоманов и токсикоманов. В 1988 г. только на учете в правоохранительных и медицинских учреждениях состояло 130 тыс. человек, страдающих наркоманией и токсикоманией. У дельцов наркобизнеса и наркоманов также имеются свои арготизмы (см. слова: *дать толчок* — «нанюхать-ся кокаину», *заглотнуть* — «принять таблетку, содержащую наркотические вещества», *забить косяк* — «подготовить папиросу для курения гашиша», *зерно* — «таблетка, содержащая наркотик», *кумар* — «наркотическое голодание», *пяточка* — «папиросная гильза с остатками гашиша»).

Именно 1970-е годы послужили резкому увеличению других категорий деклассированных элементов — проституток и так называемых *бомжэй* (лиц без определённого места жительства), у которых тоже имелись свои арготические слова (например, у проституток — *бесплатник* — «клиент проститутки, который не платит ей деньги за сексуальные услуги», у бомжей — *сторожевик* — «официальное предупреждение правоохранительных органов о бродяжничестве», *увол христовый* — «увольнение с работы по тридцать третьей статье КЗОТ»).

В конце 70-х — начале 80-х годов в преступном мире наблюдаются не только количественные, но и качественные изменения. Так, к примеру, именно в это время происходит сращивание группировок *воров в законе* с расхитителями социалистической собственности, дельцами *«тенево́й эконо́мики»*. Вначале *«воры в законе»* осуществляли рэкет в отношении данных криминальных групп, а затем и сами стали принимать активное участие в их деятельности: занимались сбытом продукции, охраной, физическим устранением неугодных людей и т.п.

В настоящее время картина такая же, как и в 20-х годах XX в.: грабёж, вымогательство и убийство богатых. Общество симпатизирует профессиональным преступникам. В конце 1980-х — начале 1990-х годов свершилась Великая криминальная революция.

Преступность за короткое время увеличилась в несколько раз. Возродились давно забытые воровские профессии, резко увеличилось количество деклассированных элементов: нищих, проституток, беспризорников, лиц без определённого места жительства. Преступность стала носить интернациональный характер. Создаются международные шайки наркодельцов, поставщиков «живого товара» за границу, оружия, широким потоком потекли богатства из России на Запад, причём за бесценок.

Что касается исследования арго, то его изучение возобновилось в конце 50-х — начале 60-х годов XX в., и связано это было, прежде всего, с именами учёных-лингвистов Л.И. Скворцова и В.Д. Бондалетова. Нужно отдать должное исследователям языка преступного мира: его изучение было чревато определёнными последствиями. Например, в сталинские времена это расценивалось как... кулацкая агитация (до пятнадцати лет лишения свободы). Но и в 1970-е годы студентам-отличникам учёбы, работающим над дипломными проектами по блатному языку, на выпускных экзаменах ставили «удовлетворительно». (Пишущий эти строки избежал данной оценки, но примерно до 1990-х годов чувствовал на себе пристальное внимание соответствующих служб, даже несмотря на то что читал сотрудникам правоохранительных органов курс закрытых лекций «История воровского жаргона и условные обозначения современных преступников».) Тем не менее публикации на данную тему до середины 80-х годов шли с трудом и только в критическом ключе. Автор книги помнит, как не разрешили опубликовать словарь арго, предназначенный для служебного пользования (для правоохранительных органов) из-за того, что он был разделён на рубрики: «Арго шулеров», «Арго воров-карманников», «Арго воров антиквариата», «Арго наркоманов», «Общеуголовное арго», «Тюремное арго» и т.д. Дело в том, что тогда в СССР ещё сохранялась официальная доктрина: в социалистическом государстве нет профессиональной преступности, она уничтожена ещё в 1930-х годах, т.е. нет профессиональных шулеров, профессиональных

воров-карманников и др., а если таких людей не существует, то нет и их специализированных арго.

Преступность в настоящее время носит более организованный характер. Существуют криминальные шайки, в которых имеется определенная иерархия. Их лидеры подготавливают преступления, отводя каждому члену свою роль. В таких шайках имеются *навóдчики* (лица, указывающие на объект преступления), *атáсники* (люди, стоящие на страже и при грозящей опасности предупреждающие своих «коллег»), сбывчики краденного и т.д. Количество преступников в таких шайках колеблется от семи до десяти.

Имеются также бандитские формирования, число членов которых доходит до тридцати человек. В отличие от преступных группировок они часто применяют оружие и открыто завладевают имуществом, нередко при этом жестоко расправляясь со своими жертвами. Венцом организованной преступности являются организованные преступные группировки (ОПГ).

В настоящее время имеется множество преступных «профессий»: воры-карманники, воры, занимающиеся кражами в домах, магазинах, воры автомашин, мошенники различных категорий, рэкетеры, расхитители. Каждая из групп уголовников использует свои арготизмы.

Современные преступники различают, как они говорят, «*ста́рую и новую фэню*».

То есть в современном арго содержится большое количество слов, перешедших из дореволюционного прошлого и 20—40-х годов XX в. Арго периодически обновляется (разумеется, всё это происходит стихийно, без вмешательства криминальных авторитетов): только в XX в. было три резких изменения в блатном языке — в конце 10—20-х годов, во второй половине 40-х — начале 50-х годов и в конце 80—90-х годов.

Часть дореволюционных арготизмов в современном арго сохранила свой первоначальный облик, например: *глот* — «крикун», *дело* — «преступление», *бекáс* — «окурок», *звонок* — «собака», *гон-стон* — «грабление», *вглухую* — «насмерть».

Отдельные слова изменили звуковой состав: *буцо́й*, *бухо́й* (в дорев. арг. *бусо́й* — «пьяный»), *хо́ва* — «рот» (в дорев. арг. *ха́ва*), *шниф* — «окно» (в дорев. арг. — *шнифт*), *крюка́* — «церковь» (в дорев. арг. — *клюка́*, *клюква*). Множество арготизмов частично или полностью изменили свои лексические значения, например: *ле́пень* — «костюм» (в дорев. арг. — «платок»), *шнифт* — «глаз» (в дорев. арг. — «окно»), *ку́клим* — «человек, который много говорит» (в дорев. арг. — «преступник, проживающий по чужому паспорту»). Ряд дореволюционных слов стал «сырьевой» базой для образования современных арготизмов, например, от дореволюционного арготизма *хай* («заявление в полицию», «шум, скандал», «обыск») были образованы слова *ха́йка* — «шум», *хаева́ть* — «шуметь»; от *амба* «убийство», «конец безвыходного положения» — *амба́л* «человек плотного телосложения»; от *балáнда* «тюремная похлебка» — *баланде́р* — «повар-арестант, раздающий пищу».

Большое количество дореволюционных арготизмов перешло в общеуголовное и тюремное арг., см. примеры: *акаде́мия* — «исправительное учреждение» (в дорев. арг. — «тюрьма»), *база́рить* — «разговаривать», *бан* — «вокзал», *блатно́й* — «уголовный», «преступный», *мокру́шник* — «убийца».

В настоящее время наблюдается сращивание отечественной преступности с зарубежной: образуются международные шайки расхитителей и сбытчиков антиквариата, рэкетиров, мошенников различных категорий и др. Русская мафия посылает проституток на «заработки» в соседние страны, продаёт людей... Всё это должным образом отражается в языке русских преступников. См. новые арготизмы проституток и их «покровителей»: *ню́шка* (фр. *nie* — «голая») «проститутка; голая женщина», *шершеляфа́мищик* (фр. *chercher la femme* — «ищите женщину») «суте́нёр; поставщик «живого» товара в публичные дома Европы и Азии». Активно стали употребляться арготизмы дореволюционных проституток: *мама́ши*, *мада́мы*, *ба́ндериши* — «содержательницы тайных публичных домов», *де́вочки*, *де́вушки* — «проститутки» — слова конца XIX — начала XX в. Сюда же можно

отнести и многочисленные обозначения половых органов и соответствующих им действий. Распространённое благодаря телевидению выражение *заняться любовью* пришло также из аргодореволюционных проституток.

Возродилась старая профессия воров-медвежатников, а с ними и блатные слова: *шáер* «ломик, предназначенный для взлома», *вiдра* «отмычка», *шмель* «сверло, предназначенное для вскрытия сейфов».

Появившись в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. как монолитное крепкое преступное сообщество, группировка *воров в законе* претерпела ряд изменений и особенно сильные изменения произошли в последнее время. Возникли лексемы *скороспéлки*, *апельсины* — *вóры в законе*, получившие это звание за деньги. И уже реже на их сходках можно услышать слова «*бродяга*», «*босяк*» — синонимы к *вóру в законе*, и в настоящее время уже не употребляются такие выражения, как *воровская идея*, *идейный*, *честняк* — «вор, честно соблюдающий законы преступников». Стало анахронизмом слово *человек* — синоним к выражению *вор в законе*. Если раньше *вóры в законе* не делились по национальностям, то теперь делятся, так как идёт борьба за сферы влияния между славянскими и «*пикóвыми*» *ворами* (то есть выходцами из Кавказа и Закавказья).

Появились в большом количестве рэкетирские — резко увеличилось и их аргод, см. примеры: *коммерси́ла*, *барыга* — «коммерсант, предприниматель», *лóховская корму́шка* — «фирма, которая платит дань вымогателям», *выра́щивать каба́нчика* — «создавать условия для обогащения предпринимателей, а затем разорять их», *ужа́сик*, *ужа́стик* — «процесс запугивания вымогателем предпринимателя», *нахлобúчивать* — «запугивать», *бомбiть* — «заниматься рэкетом коммерсантов». Вот фраза с использованием слов рэкетиров: «*Отморóженная на всю гóлову братвá ли́хо бомбiла лóховские корму́шки*»).

Мир уголовников чутко реагирует на те изменения, которые происходят в обществе, например, в настоящее время уже не употребляются слова *большая зона* — «СССР», *пахán большóй*

зоны «генеральный секретарь ЦК КПСС». Стали историзмами такие блатные словечки как *зверинец* — «стенд с членами Политбюро ЦК КПСС в ИТУ», *бровастый* — «Л.И. Брежнев», *советские иностранцы* — «граждане социалистических стран». Некоторые *во́ры в законе* провозглашали себя чуть ли не единственными борцами против коммунизма, хотя на самом деле воровской мир всегда был против любого режима: коммунистического, царского или буржуазного. Так, дореволюционные преступники называли Россию *романовской поскотиной* (местом для скота), тюрьму — *романовским хутором* и пр.

Арго за последние двадцать лет изменилось не только качественно, но и количественно — блатных слов стало использоваться намного больше.

Общество ещё недостаточно знает о глубинных процессах, происходящих в недрах профессиональной преступности. Что она собой представляет наверху, в высших кругах? Возьмём, для примера, хотя бы спорный вопрос о зарождении мафии в России. Многие учёные-юристы считают, что она возникла в 60—70-х годах XX столетия. Однако её признаки были уже в середине XIX в. Она была глубоко законспирирована, и в донесениях полиции имелись лишь отдельные намёки на то, что некий князь руководит профессиональными уголовниками. Была широко развита коррупция и в высших полицейских чинах. Возможно, криминалисты того времени не понимали, что творится в преступном мире. Художественная литература также почти ничего не писала о жизни профессиональных уголовников. И лишь один писатель Вс. Крестовский в «Петербургских трущобах» сделал попытку проникнуть в этот загадочный мир. К сожалению, эта была действительно лишь попытка, глубокий анализ преступности XIX в. он дать не смог: на это не хватило ни сил, ни средств, ни популярности автора, ни даже близкого знакомства со знаменитым сыщиком И. Путилиным. Однако и в этом художественном произведении чётко показано, что воров, фальшивомонетчиков контролируют более высокие преступные организации, членами которых являлись и представители выс-

шого общества, что уже в то время существовала коррупция в полицейской среде. Преступники-профессионалы были связаны с высшим светом. Блатной язык также сохранил любопытные слова середины XIX в. — *нужеёр, пайщик* — «эксплуататор высококвалифицированных воров-карманников». Всё это — признаки того, что в середине XIX в. имелись зачатки мафии.

Исчезли спекулянты — исчезло и их арго, но не совсем: ряд слов растворился в жаргонах предпринимателей и проституток (см. лексемы *штатник* «гражданин США», *финик* «житель Финляндии», *френч* «француз», *лавё* «деньги» и проч.). Стало активно употребляться слово *красноярка* «фальшивая ассигнация» — арготизм фальшивомонетчиков конца XIX в. Это, по мнению М. Фасмера, нижегородское слово: был когда-то в Нижегородской губернии Красноярский скит, где монахи занимались выделкой фальшивых денег [Фасмер 1973].

Много блатных слов фигурирует сейчас в трёх стилях русского языка: разговорном, газетно-публицистическом и стиле художественной литературы. Блатной язык способствовал, по мнению ряда учёных, объединению большинства жаргонов в один общий жаргон, он сейчас является той цементирующей силой, которая объединяет лексемы молодёжи, журналистов, уголовников, рекламодателей, бизнесменов и т.д. Приведём в качестве примера общие жаргонизмы: *забить стрёлки, лох, реальный* и т.п. (см. подробнее об этом в кн.: [Ермакова, Земская, Розина 1999]).

Общеарготические слова («выходцы» из арго) способствуют тому, что резко уменьшается общий слой в молодёжном жаргоне и жаргоне бизнесменов, а также — профессиональные лексемы.

Из пластов арго, которые повлияли на другие социальные диалекты, следует выделить общеуголовное арго, затем тюремное и только уж после этого — профессиональные. Именно в двух первых арго отражается ментальность и философия профессиональных преступников, которая созвучна нашему времени, отражает сиюминутное состояние общества, тот государственный уклад, который сложился и с которым начинают бороться.

Прекращена подпитка современного аргó лексемами из территориальных диалектов. Сейчас одним из источников пополнения аргó стали экономические термины, которые заимствуются благодаря тесным контактам бизнесменов с криминальным миром.

2.3. Классификация аргó

Этот раздел включён для того, чтобы читателю была понятна структура русского аргó. С этой целью мы решили дать характеристику общеуголовному, тюремному и некоторым видам специализированных аргó (здесь приводятся наиболее характерные виды, — всего же в нашей картотеке насчитывается около шестидесяти специализированных аргó).

2.3.1. Общеуголовное аргó

Оно составляет больше половины всей арготической лексики. Именно эта часть слов уголовного мира является интегрирующим началом: ею пользуются все разряды криминальных элементов: преступники различных категорий, бродяги, босяки, нищие, проститутки, беспризорники, лица без определённого места жительства и проч. Общеуголовная лексика делится на профессиональную и бытовую. Профессиональная лексика связана с криминальными реалиями и составляет 72% общеуголовного аргó. В неё входят: обозначения деклассированных элементов (*медвежатник* — «вор, специализирующийся по кражам из сейфов»), *комендант* — «старая проститутка», *вишивáрь*, *портяночник* — «мелкий преступник», *алюсник* — «нищий»); обозначения преступлений (*мокруха* — «убийство», *ворон* — «грабёж», *ломота́* — «избиение»); обозначения оружия преступников (*крест*, *мэсарь* — «нож», *дúра* — «огнестрельное оружие», *припáс* — «кастет», *рóзочка* — «горлышко от разбитой бутылки», *приблúда* — «любой предмет, которым можно ударить»); объекты и жертвы преступления (*скок* — «квартира, которую удобно обокрасть», *фúцен*, *фрайер* — «жертва пре-

ступления», *овца́* — «женщина-жертва преступления», *живо́й това́р* — «жертва насильника», *тырба́н* «предмет воровства»), сотрудников правоохранительных органов (*мильто́н*, *му́сор* — «милиционер», *лега́вый* — «сыщик»); преступные действия (*сты́рить*, *двину́ть* — «украсть», *базároвать* — «воровать», *бомби́ть* — «грабить») и т.д. Бытовая лексика составляет соответственно 28% и связана со следующими понятиями: пищи (*шамóвка*, *ха́вка* — «пища», *бубо́н* — «белая булка», *балага́с* — «высококалорийные продукты»), вина (*черни́ла* — «вермут», *жумага́р* — «самогонка», *молочко́ от бе́шеной коро́вки* — «водка», *кони́на* — «коньяк»), одежду и обувь (*уда́вка* — «галстук», *ко́цы* — «ботинки», *клифт* — «костюм», *ле́ля* — «рубашка»), животных и насекомых (*бы́дна* — «корова», *звонóк*, *драко́н* — «собака», *купчи́ха* — «вошь», *кричу́ха* — «курица»), части тела (*флю́жка* — «рука», *ты́ква* — «голова», *подста́вки* — «ноги», *курсáк* — «живот», *кар*, *кару́ха* — «мужской половой орган», *копи́лка* — «женский половой орган») и т.д. Чёткого разграничения между профессиональной и бытовой лексикой провести невозможно, так как некоторые наименования (например, одежды, обуви или ручных часов) можно отнести в зависимости от ситуации к тому или иному разряду.

Общеуголовное арго сложилось гораздо позднее, чем другие пласты лексики преступного мира. Но его элементы использовались всегда, так как были необходимыми для общения между представителями различных воровских профессий и — шире — между всеми деклассированными элементами. Общеуголовное арго образовалось из тюремного и специализированных арго. Несомненно, объединяющим началом была тюрьма, в которой находились представители не только разных регионов России, но и представители различных деклассированных элементов и воровских специальностей, и в дальнейшем оно пополнялось за счёт их арготизмов. В среде деклассированных элементов общеуголовное арго являлось средством межворовского общения. Тогда как специализированные арготизмы, наоборот, были в ходу только у одной или нескольких криминальных специали-

заций. Поэтому представители разных криминогенных направлений иногда и не понимали друг друга. Но эти «цеха» не были замкнутыми системами. На Руси, например, существовало тесное общение между городскими ворами-карманниками, грабителями и лесными разбойниками. Порой нельзя было провести чёткую границу между профессиональной проституткой, торгующей своим телом, и воровкой-проституткой (*xúпeснuцeй*). Проститутки, беспризорники и нищие были тесно связаны со всеми разрядами преступного мира. «Объединяющим элементом» являлись и скупщики краденого, которые принимали товар, добытый преступным путём, от различных категорий уголовников. Именно в общеуголовном арго имелось большое количество заимствований из других языков.

Оно является главной частью языка преступников, через которую выражено их отношение к жизни, мировоззрение. Формировавшееся на протяжении столетий, общеуголовное арго окончательно оформилось в конце XIX в. и стало одним из выразителей воровской идеологии — мизантропической, нигилистической, направленной против всего человечества, защищающей и одобряющей только действия профессиональных преступников, совершающих поступки согласно ранее выработанным воровским законам. Однако в настоящее время воровская философия, отражённая в арго, вступила в конфликт с реальными фактами, которые имеются среди профессиональных уголовников, т.е. сейчас большинство *воров в законе* живут не по воровскому закону: используют криминальную общественную кассу (*общак*) в личных корыстных целях, имеют богатство, сотрудничают с правоохранительными органами — словом, делают всё то, чего не смел делать их «собрат» в 50-х или 60-х годах XX в. Такого в воровском мире долго продолжаться не может: воровские законы должны соответствовать реальной жизни. Когда всё это произойдёт, то, несомненно, появятся и соответствующие общеуголовные арготизмы, которые фактически и отразят нововведения. Воровская идея пока ещё прочно удерживает позиции в исправительных учреждениях (ИУ).

Через общеуголовное арго специализированные арготизмы переходят в различные системы общенародного языка. Оно является своеобразным «чистилищем» для многих спецарготизмов: одни из них остаются в общеуголовном арго, уходят в пассивный запас и даже исчезают, другие, часто изменив значение (расширив или, наоборот, сузив его), начинают новую жизнь в общенародном языке.

2.3.2. Тюремное арго

Система тюрем в России появилась лишь к середине XIX в. и юридически оформилась в 1864 г., когда была проведена реформа суда. Именно это время можно назвать точкой отсчёта единого тюремного арго. Сказанное не означает, что раньше оно не существовало: деклассированные элементы пользовались тюремными арготизмами, но настолько они были разноплановыми, что заключённые при переходе из одного пенитенциарного заведения в другое не всегда понимали друг друга.

Если общеуголовные арго преступников различных стран по многим позициям совпадают, то русское тюремное арго имеет большие отличия. И прежде всего в названиях неформальных отношений между заключёнными. Так, современное тюремное арго отражает следующие тюремные иерархии: *вор в законе* (*законник, честняк, чесно́к, челове́к* и проч.) — «представитель высшей касты на свободе и в ИУ», *смотрящий зо́ны* — «второй после *вора в законе* человек, который следит за порядком в ИУ», *пахан хаты* — «авторитетный осуждённый, отвечающий за соблюдение воровских законов в камере или бараке», *пахан постели* — «заключённый, отвечающий за заправку кроватей в ИУ», *пахан стола́* — «заключённый, отвечающий за порядок во время приёма пищи», *блатные* (их нередко называют *отрицалами*, хотя это не одно и то же) — лица, приближенные к *смотрящему зо́ны*; они отрицательно настроены по отношению к администрации ИУ и к *активу́* — осуждённым, вставшим на путь исправления; часто нарушают режим и попадают в карцер; *пацаны* — молодые заключённые, перешедшие из

среды *мужиков* или переведённые из колоний для несовершеннолетних, это своего рода кандидаты в *блатные*, которым они подражают и выполняют их приказания; *мужики́* — заключённые, регулярно работающие в ИУ и платящие дань в воровскую кассу, *опущенные* (*петухи́, півни, кочетки́*) — низшая категория осуждённых, с которыми совершили насильственный половой акт или позорящие их действия, например, окунули головой в унитаз (*пара́шу*). Для них полностью исключается возможность перехода в другую категорию осуждённых (например, в *мужики*). Хотя в ИУ может быть и другая иерархия. Исследователь преступного мира Л. Самойлов утверждает, что в отряде исправительно-трудового учреждения неофициальным лидером является *главво́р*, дальше идут в порядке убывания авторитета: *главшны́рь* — «завхоз», *угловые́* — «влиятельные заключённые, занимающие в бараке (камере) угловые койки, *старшина́, бугры́* (бригадиры или лица, занимающие определённую должность в ИТУ), затем «*бойцы́*» [Самойлов 1989].

В дореволюционном арго также имелись специфические разряды заключённых: *кари́нец* — «каторжанин, приведённый конвоем до о. Сахалина по этапу через реку Кару», *круглоболóтинец* — «каторжанин, которого на корабле привезли на о. Сахалин для отбытия наказания», *зелено́гий* — «преступник, бежавший из Сибири; преступник, бежавший с о. Сахалина в Сибирь».

Особый разряд заключённых существовал в 30—50-е годы XX в., см. арготизмы: *болтун, язы́чник* — «человек, осуждённый в годы репрессий по 58 ст. п. 10 (антисоветская агитация)», *парикма́хер* — «человек, осуждённый за стрижку колосков», *анекдо́тчик* — «человек, осуждённый за рассказ анекдотов».

В ВТК (воспитательно-трудовая колония для несовершеннолетних) имеется особая классификация осуждённых-воспитанников: *вор* (*блатно́й, борзо́й*) — «представитель высшей касты в ВТК», *паца́н* — «представитель устойчиво-привилегированной группы в ВТК, занимающий вторую ступень криминальной лестницы после *вора*», *паца́н приморо́нный*

(*чушóк*) — «воспитанник ВТК, занимающий третью ступень среди несовершеннолетних правонарушителей, обязанный по своему положению выполнять в камере грязную работу», *обиженный* — «воспитанник, с которым совершили насильственный половой акт».

Среди осуждённых имеются лица, занимающие особые неофициальные должности: *майдáнщик* — «до революции заключённый-торговец продуктами и спиртными напитками», *стíрошник* — «заключённый, изготавливающий игральные карты», *ма́клеры* — «осуждённые, занимающиеся изготовлением различных предметов для своих сокамерников: ножей, зубных протезов, шахмат и проч.», *кóльщик зóны* — «заключённый, который наносит на тело осуждённых татуировки».

Отношения между осуждёнными также заслуживают особого описания, см. *опустить*, *обидеть* — «унизить заключённого (совершить половой акт с ним, испачкать нечистотами и т.п.), тем самым поставить на низшую ступень криминальной лестницы», *петушáтник* — «камера (барак) в ИУ, где отбывают наказание “опущенные”».

В ИУ имеется ряд жёстких правил неформального поведения заключённых, за их нарушение полагается суровое наказание. Конечная цель таких «правил» — не погибнуть, выжить в условиях российских тюрем. И это выживание возможно лишь в коллективной среде, хотя в арго и есть красочное название одиночек-осуждённых — *одíн на льдiне* — «осуждённый-одиночка, т.е. не примыкающий ни к каким воровским группировкам». Стремление держаться вместе, коллективом — характерно больше для российской действительности, чем для западной, где преобладает индивидуализм, да и условия содержания в пенитенциарных заведениях намного лучше, чем в России, поэтому проблема выживания там почти отсутствует. Специфика общенациональных традиций позволяет также констатировать, что в европейских и американских тюрьмах не может возникнуть такая категория заключённых, как *вор в закóне*. Она возможна лишь в обществе, в котором глубоко ценится ком-

муальность (соборность) как образ жизни. Индивидуальный характер западноевропейского и американского общества исключает становление таких сообществ заключенных.

В российских местах лишения свободы всегда были тюремные общины. Об этом свидетельствуют исследователи С.В. Максимов (см. его работу «Сибирь и каторга», 1871 г.), Н.М. Ядринцев (см. его книгу «Русская община в тюрьме и ссылке», 1872 г.). Об этом говорят и арготизмы. Так, в XIX в. использовался арготизм *влязно́е* — «денежный взнос новичка-заключённого за право находиться в тюремной общине». (Любопытно, что по аналогии с этим словом современные бандиты образовали другую лексему — *входня́к* — «сумма денег, уплаченная коммерсантом в знак того, что он и его заведение берётся под покровительство бандитов»). В настоящее время употребляется лексема *обща́к* — слово, появившееся во время становления *воров в законе* как элиты преступного мира и свидетельствующее, что это общая воровская касса, которая выдаёт средства всем нуждающимся заключённым (хотя на самом деле основной её долей всегда пользовалась верхушка преступной организации). Для обозначения сплочённой группы в местах лишения свободы основным (ключевым) словом является лексема *семья́* — «группировка заключённых в ИУ, образуемая по признаку землячества, национальности, воровской специальности и т.п.».

Ряд статей УК РСФСР имели в тюремном арго специфические названия: *иметь рубль со́рок четы́ре* — «отбывать наказание по 144 ст. уголовного кодекса — кража личного имущества», *иметь рубль со́рок пять* — «отбывать наказание по сто сорок пятой статье — грабёж», *мохна́тая кра́жа* — «изнасилование — 117 ст. УК РФ», *мота́ть за очко́* — «отбывать наказание по 121 ст. УК — мужеложество».

Следует различать категории ИУ, которые делятся на *чёрные зоны* (в них неофициальная власть принадлежит *ворам в законе*), *красные (ментовские, пионерские) зоны* (в них лидирует *актив* — «осуждённые, вставшие на путь исправления»),

сѣрые зѳны (в них уживаются и *бѳры в закѳне*, и *актив*; и для тех, и других «война» крайне нежелательна).

Некоторые обозначения ИУ (см. *университѳт*, *шкѳла*, *дѳча*, *дѳча цѳрева*, *ромѳновский хѳтор*, *стѳлинская дѳча*, *дом ѳтдыха*, *курѳрт*, *дом роднѳй* и проч.) ряд исследователей считает ироничными. Однако это не совсем так. Здесь больше прямого использования арготизмов, чѳтко отражающих менталитет русского уголовника: *шкѳла*, *инститѳт* и *университѳт* указывают на то, что в ИУ заключѳнный набирается воровского опыта; *дѳча*, *дом ѳтдыха* — там он отдыхает от преступлений и милицейских (полицейских) преследований, *дом родной* — намѳк на то, что он туда ещѳ раз вернѳтся. В тюремном аргѳ США таких обозначений ИУ нет — все названия тюрем имеют резко негативную окраску (см., например, выражение *бетѳнная мѳтка* — «карцер»). Всѳ это исходит от ментальности американских заключѳнных, которые вторично в ИУ стараются не попасть; на русские обозначения исправительных учреждений повлияла не только ментальность уголовников, которые не отрицают факт возвращения в тюрьму после освобождения, но и общая ментальность (см. поговорку: *от сумы да от тюрьмы не зарекайся* (не отказывайся)). *Дом родной* — это ещѳ и камера, в которой находится осуждѳнный. По мнению Ж. Росси, заключѳнные (подследственные) назвали еѳ так потому, что она являлась в 30—50-е годы XX в. местом отдыха от пыток во время допроса [Росси 1991].

Однако в русском аргѳ имеется и много лексем — обозначений ИУ — с отрицательной коннотацией: *каменный мешѳк*, *блошнѳца*, *кутѳзка* и проч.

И всѳ же в названии ряда тюремных реалий россиян и западноевропейцев есть много общего. Например, в немецком аргѳ *Metzger* — «врач в ИУ» (нем. общенарод. *Metzger* — «мясник») — в русском аргѳ *мяснѳк* — «врач в ИУ», *мяснѳцкая* — «больница», *Schafchen* — «осуждѳнный впервые» (нем. общенарод. *Schafchen* — «овечка») — русское аргѳ *овцѳ* — «свидетельница; осуждѳнный, не способный защитить себя»).

Некоторые тюремные арготизмы перешли в общенародный язык: в разговорно-литературный (*волчók* — «отверстие в двери камеры»), просторечие (*чёрная мару́ся*, *воронók* — «милицейский автомобиль чёрного цвета, перевозивший задержанных и заключённых»), *вертухáй* — «надзиратель, контролёр в ИУ», *зóна* — «ИУ», *командёр* — «обращение, часто к шофёру» (в арго — начальник), молодёжные жаргоны (*пропíска* — «физическое испытание новичка в некоторых армейских частях» (в арго — испытание новичка-заключённого)), *кíча* — «гауптвахта» (в арго — ИУ), *прикóл* — «шутка, смешной случай» (в арго — издевательство над новичком или униженным осуждённым: его легонько подкалывают ножами (*затóчками*, *пíками*) и веселятся, видя, как тот корчится от боли).

Тюремное арго имеет отечественный, русский характер: иноязычных лексем в нём очень мало.

Старинные арготизмы *заключённый*, *заключёвница* — «тот, кто находится за ключом», *каменный мешók* — «тюрьма» ясно говорят о том, какие условия были в прошлом. Нередко они имеют тюркское (см. *кíча* — тюрк. *kísa* — «ночь, мрак») или украинское происхождение (см. *вязень* — «заключённый», *вzнница* — «тюрьма»). В арго много слов, имеющих корень *вz-*: *вzз*, *вzзáло*, *вzзáловка*, *вzзáлово*, *вzзáние* — «задержание правоохранительными органами с поличным; провал какого-либо дела».

В дореволюционном арго имеются слова, свидетельствующие о физическом наказании заключённых за провинность: *зелёная улица* — «наказание шпицрутенами или розгой», *кобыла*, *кобылка*, — «скамья, на которой подвергают физическому наказанию арестанта». В современном языке преступников отсутствуют арготические слова — названия официальных физических наказаний. Однако имеются бижаргонные лексемы (употребляющиеся как в жаргоне правоохранительных органов, так и в арго): *лáсточка* — «пытка, при которой середину длинного сурового полотенца закладывают в рот, а концы, пропустив через спину, привязывают к пяткам».

Заключённые нередко используют аргю для выявления осведомителей и самозванцев. «Качество» знания аргю позволяет определить и иерархическую ступень криминальной лестницы, на которой стоит проходящий *пропіску*. В ВТК нередко задают провокационные вопросы, например: «Сможешь ли ты *паханá замочіть?*» [Щербакова 1992]. («Сможешь ли убить главаря преступной группы? Вариант: начальника ВТК). От ответа зависит дальнейшая судьба новичка в местах лишения свободы.

И в современном, и в дореволюционном тюремном аргю имеются слова, свидетельствующие о развращённом поведении заключённых, однако в современном аргю такой пласт лексики намного циничнее и грубее.

В местах лишения свободы наблюдается тесное речевое взаимодействие следователей, сотрудников ИУ с заключёнными, в связи с чем образуется бижаргонное поле, т.е. жаргонно-арготическая лексика, которая используется в этих социальных группах. Порой трудно определить, в какой первоначально среде появилось то или иное слово, см., например, бижаргонизмы: *смарафётить* — «создать искусственные улики преступления», *глухáрь*, *висяк* — «нераскрытое преступление». Между тем именно бижаргонизмы, благодаря работникам пенитенциарных учреждений, переходят в общенародный язык.

2.3.3. Специализированные аргю

Разновидностей специализированных аргю существует очень много. Фактически каждая криминальная «специализация» имеет свои лексемы. В нашем исследовании будут описаны аргю, которые включают в себя наибольшее количество лексем: аргю воров антикварных изделий, аргю воров-карманников, аргю шулеров, аргю наркоманов и аргю конокрадов.

2.3.3.1. Аргю воров антикварных изделий

Анализ словарей арготизмов показывает, что воры антикварных предметов долгое время не выделялись в особую криминогенную группу. Во всяком случае, в арготических словарях

конца XIX — начала XX вв. нет специальных помет, относящих слово именно к этому разряду преступного мира (см., например, «Словарь воровского и арестантского языка» (1912) пристава В. Попова, где он делает к словам пометы: кон. — конокрадское, шул. — шулерское, карм. — арготизм воров-карманников и т.д.).

Между тем — и об этом свидетельствует выборка арготических слов — криминогенная группа воров и скупщиков антиквариата существовала достаточно давно. Так, например, в дореволюционном арго среди 5 400 слов и выражений, обнаруженных нами в различных письменных источниках, встретилось около 130 лексем, например: *кадѝла, кадѝна* — «золотая цепь», *бульѝга, бульѝжник* — «драгоценный камень», «фальшивый бриллиант», *бетрога́м* — «крест», *буквоѝд, букоѝд* — «священник» и т.д.

Арго современных похитителей антиквариата, составляющее около трёхсот двадцати слов и фразеологизмов, вобрало в себя многочисленные элементы дореволюционного арго. Например, и в дореволюционном, и в современном арго встречаются следующие лексемы: *клюкѝва* — «церковь», *скурѝжа́* — «серебро». И сам арготизм *ма́кля* — «вор антикварных изделий» произошёл от блатного слова XIX в. *маклáк* — «скупщик краденого». В дореволюционном арго было также и слово *маклáчество* — «скупка краденого». Любопытно, что в просторечии слово *маклáк* обозначало торговца подержанными товарами, а также посредника при мелких сделках. У этой социальной группы имелся свой условный язык, и она была близка к криминогенному контингенту.

Похитители антиквариата связаны с другими разновидностями преступников. Поэтому в арго маклей встречаются и названия скупщиков краденого (*маркитáнщик, купѝц*), оценщиков антиквариата (*комиссионѝр, экспѝрт*), воров-карманников, специализирующихся по кражам в церквях (см., например, слово *мару́шник* — «вор-карманник, специализирующийся по кражам в церквях у женщин»), *мару́шник* — от слова *мару́ха* — «женщина, любовница».

Арготические слова *маклей* обозначают также церковную утварь (*яма* — «ковчег», *мышелóвка* — «церковная кружка для сбора подаяний», *грівна* — «ладанка»), культовые здания (*карусель*, *ку́зница*, *христовка* — «церковь»), священников (*кадильник*, *кадильщик*, *патлатьи*), ювелирные изделия, золото и серебро (*бельё* — «серебряные деньги», *ни́зка* — «ожерелье; браслет», *чйжик* — «золотая монета») и др.

Арго *ма́клей* выполняет две основные функции: конспиративную и мировоззренческую.

В арго *ма́клей* имеется значительное количество иноязычных слов. Заимствования могут указывать на факт взаимодействия с представителями других народов. Но может быть и такое, что иноязычные заимствования в арго маклей занесли представители каких-либо русских социальных групп, у которых также имеются свои условные языки. К тюркским языкам восходит и слово *кимйиш* (башкирское, поволжско-татарское *komos*, узбекское *kumis*) — «серебро». Из цыганского языка в жаргон *ма́клей* перешли слова: *хан в дырэ* (цыг. *khandiri* — «ходить по церквам») — «церковь», *сунаку́ни* (цыг. *sumnakuno*) — «золото».

Имеется также ряд заимствований из немецкого языка: *шварцман* (нем. *Schwarzman* — «чёрный человек») — «скупщик краденого антиквариата, произведений искусства и драгоценностей», *голдешник* (нем. *Gold* — «золото») — «золото, золотая оправа», *зильбер* (нем. *Silber* — «серебро») — «серебро». Из английского языка в арго *маклей* попало слово *айка* (англ. *Icon* — «образ, изображение; образ, который считается священным»). В английский язык оно перешло из греческого, где *eikon* — «образ, подобие». Можно также предположить, что английским по происхождению является и арготизм *сэйки* — «иконы» (англ. *sake* — «делать что-л. во благо кого-то»). В арго маклей встретилось одно слово французского происхождения — *аржа́н* (фр. *argent* — «серебро») — «серебро; изделия из серебра; серебряный оклад иконы».

2.3.3.2. Арго воров-карманников

Арго воров-карманников лидирует среди арго преступных профессий. Оно имеет такой широкий диапазон спецлексикона по следующим причинам.

Во-первых, воры-карманники представляют собой классическую профессию преступного мира. Именно у них отчётливо наблюдается «преемственность поколений». Во-вторых, карманые воры составляют чуть ли не самый многочисленный отряд уголовников.

Их арго в России стало изучаться лишь с середины XIX в. Специальных текстов о древнерусском или старовеликорусском арго XI—XVII вв. не имеется. Что же касается неспециальных памятников письменности этого времени, то в них арготизмы воров-карманников крайне редки и выявить их довольно трудно. И всё-таки они есть. Так, в седую древность уходит происхождение слова *мошённик*, образованное от древнерусского *мошна́* — «сумка, кошелёк, карман». Буквально оно обозначало вора-карманника. Родственными у него были следующие слова: *мехорез*, *мошнорéзец*, *мошонкорéз*, *мошонкорéзец*. Эти арготизмы более древние, чем слово *мошенник*, и они обозначали вора-карманника, который воровал (отрезал) мешочки для мелких ценных предметов, а также кошельки.

Воры-карманники в XI—XVII вв. находились в тесной связи с другими преступными группами и нередко переходили из одного разряда уголовного мира в другой. Так, знаменитый преступник Ванька Каин был и вором-карманником, и грабителем, и разбойником, и вымогателем, и взяточником. Но основной своей специальностью он считал воровство из карманов. Не случайно, предлагая свои услуги московской полиции, он честно признавался: «Будучи на Москве и прочих городах *мошённичал* (воровал из карманов. — *М.Г.*) денно и ночью...». Любопытно, что уже тогда воры-карманники называли себя «*купца́ми пропа́лых вещей*» (сравните с современными арготизмами *купéц* — «вор-карманник», *купítь* — «украсть», *поку́пка* — «удачная кража»). Знаменитая Соня Золотая Ручка (Софья Блувштейн), карман-

ная воровка экстракласса, нередко переквалифицировалась в «*хипесницу*» — проститутку, с помощью которой совершалось ограбление «*клиента*». Иными словами, наблюдалось тесное речевое взаимодействие между ворами-карманниками и другими разрядами преступного мира.

Лексико-тематические группы современных воров-карманников мало чем отличаются от аналогичных групп воров-карманников XVIII в. В основном, они обозначают их преступную специализацию, см.: *магазинщик* — «вор-карманник, совершающий кражи в магазинах», *писака*, *писатель*, *технарь* — «вор, во время кражи разрезающий карманы и саквояжи», *трясун* — «вор, который точными движениями выбивает что-либо из сумок или карманов». По-своему воры называют и преступные действия (*базаровать* — «совершать кражи на рынках», *воткнуть* — «совершить карманную кражу», *держат пропаль* — «принимать краденое», *поставить в стойло* — «вынудить жертву принять удобное положение для совершения карманной кражи»).

Весьма разнообразны группы слов, которыми обозначается жертва преступления (*лѣха*, *лох*, *овца*, *фóфан*), орудия преступления (*мыто*, *мыло* — «лезвие безопасной бритвы, используемое для разрезания карманов, сумок, портфелей»). *Пис(ь)кой*, *письмом* называли пятикопеечную монету, заострённую с одного конца и предназначенную для тех же целей. Места хранения денег и предметы кражи называют так: *вторяк* — «нижний карман», *кишеня* (*кишеня*) — «бумажник с деньгами», *очко* — «задний карман брюк», *подвѣсок* — «дамская сумка», *потолок* — «нагрудный карман», *правок* — «правый карман», *имель* (*чмель*) — «кошелёк».

Арго зеркально отражает появление новых «профессий» в среде воров-карманников, которые приспособляются к научно-техническому прогрессу. Например, появилось множество театров, появились и *театралы*, *театральщики* — «воры-карманники, совершающие преступления в театрах», построили

метро — появились *кроты́* — «карманные вору, совершающие кражи в метро». Особенно много арготизмов, связанных с общественным транспортом, см. примеры: *знять корóбку* — «воровать в маршрутном транспорте», *сади́ловка*, *са́дка*, *садо́к* — «кража, совершаемая во время посадки в общественный транспорт», *поездóшники*, *ба́нщики*, *майдáнщики* — «воры, совершающие кражи в поездах и на вокзалах».

Всё сказанное отнюдь не означает, что вору-карманники употребляют исключительно своё профессиональное арго: оно используется вместе с общеуголовными лексемами.

Арго воров-карманников по своему составу носит «сборный» характер: в нём имеются и переосмысленные слова общенародного языка, из территориальных и социальных диалектов, других языков. Особенно большой пласт слов был заимствован из условного языка офеней (бродячих торговцев мелким товаром), см. примеры: *выначить* — «совершить карманную кражу» (у офеней — «вытащить что-л.»), *жу́лик* — «мальчишка, помощник карманного вора; нож» (у офеней — «нож»).

В арго воров-карманников имеется ряд слов, заимствованных из других языков (немецкого, польского, цыганского, еврейского и т.д.). Например, *шкáры* (цыг. *sukar* — «красивый») — «брюки», *хави́р* (древнеевр. *chavir* — «товарищ, друг») — «посторонний для воров-карманников человек, которому они подсовывают украденный кошелек на случай возможного обыска».

Некоторые прогнозы. В ближайшее время в арго воров-карманников должны появиться обозначения радиотехники, которую они всё активнее используют при совершении краж. В их лексике должно быть множество обозначений вымогателей, учителей воров-карманников, как это было, например, в дореволюционном и постреволюционном прошлом (см. примеры: *нухгéер*, *пáйщик*, *мотиéнт* — «эксплуататор воров-карманников, заставляющий отдавать часть добычи», *козля́тник* — «учитель мальчиков карманному воровству»).

2.3.3.3. Арго шулеров

Азартные игры в карты, по свидетельству исследователей, были очень популярны в России в XVIII—XIX вв. (см. подробнее об этом в работе Л.Н. Белgorиц-Котляревского «О воровстве — краже по русскому праву», 1880 г.). Некоторые арготизмы шулеров употреблял уже В. Каин, см. отрывок его песни: «Ни стыда, ни совести в нас нету, / Олухам-то здешним не в примету, / *Карты подрезные, крапом намазные*, / Делайте разом и чёт, и нечёт [Комаров 1989].

Шулерами нередко были представители высшего общества. «Эта категория преступников, — пишет А. Константинов в книге «Бандитский Петербург», — как правило, формировалась выходцами из высших слоёв петербургского общества... Шулера попадались достаточно часто, но до судов дела доходили редко — срабатывали связи...» [Константинов 1997].

Среди трёхсот арготизмов, зафиксированных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, имеется около ста двадцати лексем шулеров (например, *мельница* — «склеенная двулличная карта», *кругляк* — «укладка карт в определённом, нужном для шулера порядке», *липók* — «мазь, которой склеиваются две карты, что даёт возможность вскрыть любую из них», *липкóвое очкó* — «наклеенное на карту очко, которое легко отстает, если сильно ударить картой», *мост* — «шулерский приём при игре в карты»). Однако В.И. Даль по каким-то причинам не относил их к арготизмам и не выделял в особую группу. Возможно, это было связано с большим распространением данных лексем в среде любителей азартных игр. Характерно, что названия приёмов шулеров и краплёных карт — в основном, русские по происхождению, см. примеры: *карта подкóванная* — «краплёная карта», *карта чéстная* — «некраплёная карта», *карты имянные* — «краплёные игральные карты», *букёт* — «карты, сданные партнёру в желанном для шулера порядке», *игра на замáнку* — «игра, которая ведётся, чтобы втянуть в неё намеченную жертву», *кругляк* — «шулерский приём при игре в штосс», *корóбочка* — «способ съёмки под определённую карту» и др.

Ещё в дореволюционной России были разветвлённые шайки шулеров, каждому члену которой отводилась определённая роль: *игро́к*, *исполни́тель*, *ма́стер* — «хороший шулер», *офице́р* — «сдержанный шулер, умеющий вовремя остановить игру», *у́да*, *телеграфист* — «помощник шулера, подсматривающий в карты жертвы и сигнализирующий о них своему партнёру». В среде шулеров больше чем в других профессиональных аргосе имеется названий жертв преступления, см. примеры: *дичинка* — «новички в карточной игре», *пижо́н*, *пассажи́р* — «жертва шулера», *пижо́н рва́ный*, *пассажи́р рва́ный* — «жертва, побывавшая в переделке у шулеров», *пассажи́р крёпкий*, *пижо́н крёпкий* — «жертва, не бывавшая в переделке у шулеров», *по́льный ча́йник* — «богатая жертва шулера».

В аргосе имеется множество наименований подпольных игорных домов. Так, в дореволюционной лексике шулеров — *ого́нёк* — «квартира, где шулера собираются играть между собой», *ме́льница* — «притон шулеров»; в современном шулерском языке — *контóра*, *катра́н* — последнее — распространённое слово в аргосе со многими производными, см.: *катра́н-аку́ла* — «высококвалифицированный шулер», *катра́нник* — «шулер, играющий только в *катра́нах*»; *катра́нщик* = *катра́нник*. В аргосе имеются и менее распространённые названия шулерских притонов: *ту́мба*, *по́ле б́итвы* — «игорный притон», *секадро́м* — «место для игры в *се́ку* (азартную карточную игру)».

Среди шулеров выделяются две категории: *гуса́ры* — «шулеры, ведущие разгульный образ жизни» и *пакóвщики* — «шулеры, которые на выигранные деньги покупают драгоценности, недвижимость и проч.». Каждой категории присущ особый характер игры, например, шулеры-*пакóвщики* *ката́ют впло́вину* — выигрывают у жертвы все деньги, а затем ей предоставляется возможность отыгаться на определённую сумму для создания иллюзии честной игры.

Во́ры в зако́не и *блатные́* обязаны играть в карты; у них это распространено и даже в своё время было обязательным, но *вор в зако́не* не должен играть на отсутствующие ценности, иначе он

автоматически превращался в *опущенного* (см. арготизм *играть под очко* «играть в азартную игру и в случае проигрыша расплачиваться своим телом»), играли на жизнь, причём и на жизнь сотрудника правоохранительных органов, см. выражения: *играть на одну, две, три звёздочки* — играть на жизнь младшего лейтенанта, лейтенанта, старшего лейтенанта. Хороший шулер всегда ценился в сообществе профессиональных преступников.

От шулеров-картёжников в общенародный язык перешло множество слов: *обставить* — «обмануть» (в арго «обыграть шулерским приёмом»), *для мебели* — «для увеличения числа людей», *навверняка* — «точно» (*верняк* — «шулерский приём»); *игра на верняк* — «игра с использованием шулерских приёмов»), *липа* — «поддельный документ» — от арготизмов *липок*, *липковое очко*, *нечем крыть* — «нечем возразить», *с óника* — «сразу; сейчас; с первого шагу» (в арго — «с первой же ставки, с первого раскрытия карт»), *тасовка* — «тасовка (раздача карт)» — в общеуголовном арго — «сбор преступников для решения организационных вопросов»; в молодёжном жаргоне — «место проведения досуга молодых людей», *пижón* — в просторечии — «крикливо одетый молодой человек».

Арго шулеров носит отечественный характер, тогда как официальные карточные термины нередко являются иноязычными заимствованиями.

2.3.3.4. Арго наркодельцов и наркоманов

Проблема наркомании сейчас остро встала перед страной. Основную часть наркоманов составляет молодёжь в возрасте от 13 до 25 лет. Их число растёт с каждым годом.

Арго наркоманов и сбытчиков наркотиков за короткий срок передвинулось по своему объёму с далёких второстепенных мест на первое: в его состав входит около 3000 лексем и фразеологизмов. Обычно говорят про наркоманов, что они больные люди. Да, это так. Но они и преступники, так как любой наркоман со стажем является ещё и сбытчиком зелья, вовлекая в наркотическую зависимость других людей. Дело в том, что нар-

котики стоят очень дорого: стоимость дневной нормы наркотиков колеблется от 1000 до 3000 рублей (в зависимости от того, к каким наркотикам пристрастился человек — к «лёгким» или «тяжёлым»).

То, что уже семь миллионов молодых людей в России попробовали или постоянно употребляют наркотики, — реальный факт. Если ваш родственник, ученик, друг, знакомый употребляет хотя бы некоторые слова из арго наркоманов и сбытчиков наркотиков, — это уже само по себе тревожный сигнал. Значит, у него появился, по меньшей мере, интерес к наркотикам и наркоманам, которые усиленно вовлекают в сферу своего влияния всё новые и новые жертвы.

Следует констатировать тот факт, что при диагностике наркомании почти не используется её арготическая лексика. А ведь именно благодаря этой лексике можно не только установить приверженность человека к наркотическим средствам в целом, но и пристрастие к определённому наркотику в частности. Например, наркоман-курильщик гашиша, как правило, будет пользоваться такими словами, как *балда́* — «наркотическое средство; гашиш», *масты́рка* — «папироса, сигарета, самокрутка, начинённая гашишем», *травка* — «гашиш». Наркоман, делающий инъекции наркотиков, гораздо чаще использует в своей речи слова: *амнуха* — «ампула с наркотиком», *мороз* — «морфий», *агрега́т*, *насос*, *самосва́л* — «шприц». У наркоманов, использующих таблетки, в частом употреблении слова: *калики*, *ка́лики-морга́лики*, *колёса* — «таблетки, содержащие наркотическое вещество», *ка́тя* — «кодеин». В лексике наркоманов-осуждённых бытуют следующие специфические арготизмы: *контёйнер* — «герметически закупоренная ампула, гильза с наркотиками, которую проглатывают заключённые и таким образом проносят в исправительно-трудовое учреждение», *подогрёв* — «наркотики, полученные в местах лишения свободы», *наркомáт* — «преступная группа сбытчиков наркотиков».

Следует иметь в виду, что наркоманы нередко используют свою лексику в конспиративных целях, часто в присутствии

непосвящённых окружающих. Арго широко используется в конспиративных целях и продавцами наркотических средств. Поэтому знание арго наркоманов крайне необходимо и правоохранительным органам.

По своему происхождению арготизмы наркоманов делятся на общерусские (см. слова *лёд* — «кокаин», *насós* — «шприц», *убíться* — «накуриться гашиша») и заимствованные: *глюк* — «галлюцинация, вызванная наркотическим средством» (нем. *gluk* — «счастье»), *крéзá*, *крéйза* — «психбольница; сумасшествие, сумасшедший человек» (англ. *crazy* — «сумасшедший»), *дрáга* (англ. *drug* — «лекарство, наркотик») — «наркотик; аптека». Некоторые названия арготизмов свидетельствуют об их «азиатском» происхождении, см. примеры: *гайн-базáр* — «место сбыта опиия».

Множество слов образовано от медицинских терминов, например: *транк* — «транквилизатор», *краб* — «сиднокарб (наркотическое вещество)», *фен* — «фенамин», *цикл* — «циклалдон». Немало слов появилось в результате звуковой мимикрии (уподобления): *марíя*, *мáрфа*, *марфóша* — «морфий», *кáтя*, *катю́ха* — «кодеин» и т.п. Значительную группу составляют арготизмы, возникшие благодаря переносу значений (например, *лэжбище* — «притон наркоманов», *мультики* — «цветные галлюцинации от действия наркотиков», *пыль* — «гашиш», *обдолб́иться* — «употребить большую дозу наркотиков; находиться в состоянии сильного наркотического опьянения»).

Арго наркоманов — лексика достаточно молодая, и фактически она стала активно употребляться лишь во второй половине XX в. Однако некоторые наркоманические слова существовали уже в конце XIX — начале XX в. Чаще всего они были связаны с кокаином: *марафét* (*марафéта*), *ню́хта*, *нюхáра* — «кокаин», *загибáться от вóльного* — «нюхать кокаин, купленный за чужой счёт». Хотя по своему происхождению отдельные слова восходят к седой старине (к XV в.): *дерба́н* — «сбор мака-сырца для последующего приготовления из него наркотика», *дерба́нить* — «собирать мак-сырец для приготовления наркотика» (в арго волжских разбойников XV—XVIII вв. *дерба́нить* — «грабить»,

дербан — «делёж награбленного», *дербан дербанить* — «делить награбленное»).

Часть слов наркоманов употребляется только в их среде (*беляшка* — морфий), *гута-густрица* — «желудочные капли, которые после выпарки вводятся в вену, *заякишит* — «начать испытывать эйфорию от действия наркотиков», *кислотá* — «наркотик ЛСД»), другие лексемы и фразеологизмы проникли и в повседневную речь, и в художественную литературу.

Все наркоманы используют аргю. Арготические слова прочно укоренились в их сознании. Как показывает опрос, многие наркоманы считают арготизмы за вполне нормальные, чуть ли не нормированные лексемы, они даже употребляются в их песнях и анекдотах.

По арготизмам можно определить, какие наркотики пользуются наибольшим спросом среди наркоманов. Употребление некоторых арготизмов (*абстёнчик*, *абстяк* — «абстиненция от действия наркотиков», *астрал* — «психическое состояние после приёма наркотиков», *áтом* — «этаминал натрия, употребляемый наркоманами», *фен* — «фециклидин (наркотик)») является свидетельством того, что в среде наркоманов имеются образованные люди.

2.3.3.5. Аргю конокрадов

Воровство лошадей издавна практиковалось на Руси. Однако аргю конокрадов стало изучаться лишь в конце XIX в. Их лексемы не встретились ни в ранней специальной литературе, ни в художественных произведениях, описывающих преступный мир в конце XVIII — начале XIX в. В знаменитом словаре В.И. Даля имеются следующие лексемы конокрадов: *скамейка* — «лошадь», *рубáшка* — «конская сбруя». У Вс. Крестовского в «Петербургских трущобах» использовалось только одно арготическое словосочетание конокрадов, см. контекст: «...сидят и за воровство большое, и за *кугón скамеек*» (воровство лошадей. — М.Г.)...».

Одним из первых описал аргю конокрадов Г. Брейтман в книге «Преступный мир» (1901), см. примеры: *золотáя контóра* —

«главный пункт конокрадов», *скамейка блатная* — «приученная лошадь, самостоятельно возвращающаяся от покупателя к мошенникам-конокрадам», *панич* — «жеребец».

В основном, в арго конокрадов лексика связана с обозначениями лошадей (*осёл, тьгари, салвак* — «лошадь», *шкэпа* — «деревенская кляча», *ракзúra* — «жеребец»), упряжью и повозками (*гамо* — «хомут», *чабу́р-шабу́р* — «упряжь», *круг* — «хомут со шлейёй», *пояздник* — «повозка конокрадов»), конокрадов (*повáдельщик, ловáшник, скамье́вщик*), наказаниями конокрада (*на пуп примóчка, блок*).

В арго конокрадов очень много заимствований из цыганского языка. Русские и цыганские уголовники образовывали международные шайки конокрадов. Благодаря этому в русское арго воров лошадей проникли цыганские слова: *гра, грас, грай* (цыг. *gra, gras, graj* — «лошадь, конь»), *грáсни* (цыг. *grasni* — «кобыла») — «кобыла», *джю́кал* (цыг. *jukel* — «собака») — «собака», *горóнни* (цыг. *gurunni* — «корова») — «корова», *кали́нько* (цыг. *kalinko* — «чёрный, чёрненький») — «чёрный хлеб».

Цыганские корни встречаются и в выражениях, зафиксированных С.М. Потаповым в «Словаре жаргона преступников. (Блатная музыка)» (1927), например: *батенни грас жен* — «приёмщик краденых лошадей», *крас́тен чугу́н, кхуна́мо жабáк* — «лошадь, купленная с подлинными документами».

Арго конокрадов существовало до середины 30-х годов XX в. Не исключено, что сейчас оно может возродиться, однако цыганизмов в нём, думается, уже будет мало, так как цыганские преступные кланы переквалифицировались в настоящее время в более доходную уголовную «профессию» — торговлю наркотиками.

3. Условный и тарабарский языки

Мало разработанной темой в отечественной лингвистике и криминалистике является собственно условный язык. Он представлял собой меткие афористичные выражения, нередко близ-

кие к пословицам и поговоркам. В настоящее время они почти не употребляются.

Известно, что поговорками украшал свою речь знаменитый московский вор и сыщик Ванька Каин. Что-то похожее имеется у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке» и у А.К. Толстого в романе «Князь Серебряный».

См. текст из «Капитанской дочки»:

Хозяин вынул из ставца штоф, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо, произнёс: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! *Отколе Бог принёс?*» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «*В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?*»

— *Да что наши!* — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — *Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.*

— *Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов.* А теперь (тут он мигнул опять) *заткни топор за спину: лесничий ходит.*

Из романа А.К. Толстого «Князь Серебряный»:

— Кто едет? — спросил грубый голос.

— *Бабушкино веретено!* — отвечал младший из новых товарищей князя.

— *В дедушкином лапте!* — сказал грубый голос.

— *Откуда Бог несёт, земляки?*

— *Не тряси яблони! Дай дрожжам взойти, сам-четверт урожаю!* — продолжал спутник князя.

У В.И. Костылёва в романе «Жрецы» также используется условный язык:

Он (Ванька Каин. — М.Г.) заговорил ни для кого не понятной скороговоркой: «*Пол да серед сами съели, печь да полати в наём*

отдаём и идущим мимо милости подаём, и ты будешь нашего сукна епанча. Поживи в нашем доме, в котором довольно: наготы и босоты, изнавешены шесты, а голоду и холоду — амбары стоят. Пыль и копоть, притом нечего лопать».

Этот «язык» имеется и у современных криминальных элементов и даже зафиксирован в художественной литературе, см. отрывок:

Тут вот привет вам пришёл. Из камеры. Интересуются здоровычком, — услышал фартовый. И тот же голос продолжал: — Табачку вам хотели передать. Говорили, что уважаете самосад? Но мы отказали. Рановато, мол, ответили. А уж так просили, говорили, что с семи трав собран. Особый сорт.

Бурьян чуть не подскочил. Узнал. С семи трав... Семеро на воле...

— Его, говорили, на воле лишь крепкие мужики курят, лешачьей породы. Потому отказали, что крепкого вам нельзя...

«Пахан на воле! — понял Бурьян. И надежда на возможность побега вновь закралась в сердце. — Только бы на катушки встать скорее, чтоб из больнички смыться» (Колычёв. Мы — одна бригада).

Однако в силу своей замкнутости и трудности в запоминании условных фраз данный «язык» употребляется в криминальной среде сравнительно редко.

Гораздо более известен тарабарский язык, употребляемый различными преступными сообществами.

Так, современные шулеры (карточные мошенники) используют систему прибавления к каждому слогу маскировочного звукового комплекса: разбивают слова на слоги и к каждому слогу прибавляют *-ко-*. В связи с этим фраза: «Ты меня не знаешь!» будет иметь следующий вид: «*Коты комеконя коне кознакоешь!*». Эта фраза может быть произнесена, например, в купе поезда, где двое шулеров обыгрывают жертву и куда внезапно врываются

ются сотрудники уголовного розыска. Известно, что организованное шулерство карается законом, а в данном случае можно констатировать случайное стечение обстоятельств, случайную встречу и спонтанную игру. Фраза произносится быстро, натренированное ухо слушателя-шулера уловит смысл, а неопытный оперативник навряд ли может понять.

Исследователь Н.А. Еременко (см. его работу «Природа жаргонов, аргó и тарабарщины: Доклад по научно-исследовательской работе». Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1957) писал: «Так система “рун” отличается подстановкой “рун” после каждого слога: “*Дайрун дварун рубрунлярун нарун кируннорун*”. (“Дай два рубля на кино”). Фраза произносится быстро в непонятной интонации, что требует длительной тренировки речи и слуха для понимания её» [Еременко 1957].

В типологическом плане приведённые примеры тарабарских языков близки так называемым детским тайным языкам. Систему их образований хорошо описал Г.С. Виноградов в работе «Детские тайные языки: Краткий очерк». Он утверждал, что нужда в непонятном для непосвящённых средстве общения через слово рождает *тайные языки* [Виноградов 1998].

По его мнению, наибольшую группу образуют языки, которые состояются при помощи так называемых маскировочных слогов или замкнутых слов (*уток*), при этом за основу берутся общенародные лексемы. Существуют, как утверждает Г.С. Виноградов, следующие разряды тарабарских языков.

1. С односложным *утком* (язык на *то*, *тутни-язык*, *язык-вахара*); языки с двусложным *утком*. Они имеют следующее строение: каждый слог основы отделяется двумя слогами *утка*. Образец: Ты / *фита* ку / *фита* да / *фита* шла / *фита*? (Ты куда шла?). К ним же относятся язык *драга*, *шицы*, *фара*); языки с многосложным *утком* (*язык ведива*, *вампа*).

2. С приставными слогами. Наиболее распространёнными оказываются языки на *вер*, *о*, *бер*, *ши*, *щи*.

3. С меной окончания основы (*фарты*, *харки*, *енции*), например: «*Яхарки совсахарки*, *непонимахарки тебяхарки*» — «Я со-

всем не понимаю тебя»); язык *шоцы* (образован следующим образом: после слова или слога прибавляется двусложный уток, содержащий финалию — *цы*, например: *Шайдацы шилкувицы* и *шожикноцы шожалуйстапоцы* (дай вилку и ножик, пожалуйста); оборотные (обратные) языки (проговoreние слов сзади наперёд).

Особое место занимает собственно тарабарский язык, следы которого уходят в седую старину, когда русские дипломаты использовали тарабарскую грамоту. Его суть: заменяются десять согласных, идущих от начала русского алфавита, согласными, идущими от его конца, при этом сохраняются гласные.

Первый ряд: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н;

Второй ряд: ш, щ, ч, ц, х, ф, т, с, р, п.

Примеры: кама/щамлтий яфы/т (тарабарский язык).

Современные уголовники для сокрытия тайных целей нередко используют цифровые обозначения.

В практике Московского уголовного розыска имел место следующий случай: «В общественный транспорт, где переодетые оперативники безуспешно пытались поймать воров-карманников, входил неприметный мужчина и кричал: «*Два-тридцать восемь* или *четыре-тридцать восемь!*». Воров задержали, когда расшифровали этот код. «Неприметный мужчина», член шайки, знал в лицо всех оперативных работников, и первая цифра обозначала их число, а две последующие — Петровку-38, где и находится Московский уголовный розыск (МУР). Иными словами, смысл был следующий: «Два, четыре человека с Петровки-38». В этом случае к ним типологически близки арготические слова и выражения: *двадцать шесть!* — сигнал опасности. (На улице Огарёва, 26 находилась полиция); *два с боку* — тюремный надзиратель; сигнал опасности (у до-революционного тюремного надзирателя имелись две нашивки на рукаве).

Существуют также способы письменной связи — при помощи определённых символов, рисунков и шифров.

4. Нормы словоупотребления в речи криминальных элементов

В преступной среде имеется табу вербальное и невербальное, т.е. запрет на определённое использование ряда действий и предметов. В исправительных колониях нельзя иметь контакты с представителями отверженных каст — *опущенных, чушковых, шиньрей, козлов* и проч. Например, чтобы не быть *законтаченными*, с ними нельзя здороваться за руку, докуривать сигареты, брать какие-либо предметы от них и проч. Эти меры предосторожности должны соблюдаться, чтобы не попасть в их касты.

Данные запреты касаются и ряда слов. Табуирование в речи профессиональных уголовников связано либо с их законами, либо с воровской мистикой. Д.С. Лихачёв понимал табу широко: как языковой запрет, нарушение которого грозит неудачей для воров [Лихачёв 1993: 365].

Элементы аргосл (лексемы *беспредел, тусовка, разборка, лох, отстой* и проч.) перестают быть принадлежностью только криминальных элементов и переходят в общенародный язык, некоторые из них становятся нормами, см., например, использование слова *присаживаться* вместо *садиться*.

Лингвистическое табу в уголовной среде может быть мягкое и жёсткое, оно может быть внутри одной ОПГ (организованной преступной группировке) и отсутствовать в другой. Об этом хорошо свидетельствуют клички в ОПГ бандитов, которые никогда не будут использовать воры в законе и живущий по их правилам криминал, см. бандитские прозвища: Король, Голубь, Агафья (в аргосле король — опытный пассивный гомосексуалист, *голубь (от голубой)* — гомосексуалист, агафья — женское имя, которым награждают *опущенных* (т.е. тех уголовников, с которыми совершили позорящие их действия).

В последнем случае следует учитывать и отношение профессионального преступника к женщине, а также к правоохранительным органам.

Так, среди уголовников начала XX в. была мода называть сотрудников правоохранительных органов существительными

ми женского рода. «Нужно заметить, — писал по этому поводу исследователь аргю П.П. Ильин, — что многие враждебные преступному миру лица чиновничьей среды именуются с прибавлением окончаний женского рода (+ суффикса *-и-*. — *М.Г.*) — *прокурорша* вместо прокурор, *следовательша* — следователь и т.д. [Ильин 1912: 98]. Феномен такого словопроизводства кроется в морали криминальных элементов. Называя мужчин существительными женского рода, преступники как бы уподобляют их пассивным гомосексуалистам, что является большим оскорблением в криминогенной среде, особенно начала XX в.).

Вот основные группы табуированных слов русской воровской речи.

1. Обозначения жертв преступлений, см. слова: *лох*, *фуцен*, *фрайер*, (хотя в последнее время лексема *фрайер* обозначает вторую ступень после *вора в законе*); заметим также, что слово *лох* является сейчас самым страшным оскорблением в лексике воров, бизнесменов и школьников.

2. Обозначения высших каст в преступной среде низшими. Ни в коем случае нельзя называть одну касту другой — *чушок*, *шестёрка*, *фуцен*.

Даже *вора в законе* нельзя назвать *мужиком*, а тем более обозначениями низшей касты — *петухом*, *кочетом*, *пивнем*, *гребнем* и словами, связанными с лексико-семантическим полем «петух», — *петушатник*, *опетушить*, *опетушиться*, *кукарешиник*, *кукарекать*. За всё это могут быть суровые наказания, вплоть до смерти. Этот постулат зафиксирован и в художественной литературе, см., например, диалог вора в законе с законспирированным агентом спецслужб Графом из романа К. Попова «Легионер»:

— Двадцать тысяч долларов. Или ты думаешь, я тебе Губу за красивые глаза валить буду? Мужик ты, конечно, неплохой, но работают бесплатно только блаженные.

— Мужик... Запомни, *фраер*, я не *мужик*, я — *вор*. Разница есть.

— Да ладно тебе, я же, как ты сам сказал, *фраер*, не при ваших делах. «*Честный фраер*», если уж совсем точно придерживаться классификации [Попов 1999: 212—213].

Нельзя употреблять выражение «*Я на тебя обиделся*». Ответ: *на обиженных в зоне воду возят*, т.е. *обиженный* — представитель низшей касты в исправительном учреждении.

3. Названия смерти, болезни. Появлению ряда арготизмов способствовало и табу общерусского характера. По мнению исследователей, в современных языках имеется тенденция не говорить прямо о смерти, тяжёлых болезнях, избегать названий неприличных вещей [Леонтьев 1977, 501]. «Высмеивают и шутивно относятся к таким вещам, которые сами по себе должны бы возбуждать совершенно противоположные чувства. Такие явления как убийство, смертная казнь, смерть, бессрочная каторга и проч. получают своеобразное освещение в языке преступников, к ним относятся как к самым обыкновенным вещам и подчас пускают очень редкий сарказм или иронию» [Ильин 1912: 186]. По мнению Д.С. Лихачёва, «неудачно, не вовремя произнесённое слово может навлечь несчастье, провалить начатое дело. На целый ряд слов и понятий в воровской речи накладывается “табу” — запрещение. Эвфемизмами “опасных” понятий служат обычно грубо-фамильярные названия, подчёркивающие бодрое и насмешливо-презрительное отношение к ним. Например, вместо: “смерть” говорят: “*Загиб Иваныч*”, “*Загиб Петров*”; “*курноса*”...» [Лихачёв 1993: 365]. Продолжая мысль Д.С. Лихачёва, добавим: вместо «убийство» обычно употребляют *мокрое дело, мокруха, мокринка*; вместо «убить» — *замочить, замокрить, завалить*. Это отражение правил воров в законе, которые не должны лично кого-л. убивать. «Они без охоты обычно идут на *мокрое дело* (убийство)» — пишет об этом и исследователь М. Чалидзе [Чалидзе 1990: 83].

4. Группа слов, непосредственно связанная с правилами *воров в законе*. Нельзя употреблять лексему *свидетель* — вместо неё используют *очевидец*. Воровским законом запрещается

выступать свидетелем в суде, хотя *вор в законе* не мог быть и очевидцем. *Воры в законе* старой формации (так называемые нэпманские воры) не должны были иметь дела с политикой. Поэтому в речи преступников 20—30-х годов XX в. отсутствуют обозначения высших лиц ЧК-НКВД: Ф. Держинского, Г. Ягоды, Н. Ежова, Л. Берия и проч. Сам И.В. Сталин спрятан под кличками-табуизмами: *Усатый, Усатый Дядька, Пахан Большой Зоны, Трубка, Звэрь*.

У элиты преступного мира существует запрет на работу. Некоторые же арготизмы, номинативно связанные с профессией, являются оскорблениями, в частности, слово *шахтёр* [Снегов 1990: 90]. Думается, что у преступников при использовании данной лексемы могут возникнуть ассоциации и с другими словами — *шаха* — «шестёрка (игральная карта)»; «человек, прислуживающий вора́м», и *шахна* — «женский половой орган»; *шахтёр*, по мнению деклассированных элементов, это тот, кто опускается в шахту (ниже некуда), а *опущенный* — «человек, над которым совершили позорящие его действия, тем самым “опустив” на низшую ступень иерархической лестницы деклассированных элементов».

5. Нецензурные лексемы. В ряде мест лишения свободы, особенно в тех, где неофициальным лидером является *вор в законе* имеется запрет на использование мата. Сам *вор в законе* объясняет это тем, что «порядочный арестант» не имеет права оскорблять самого святого человека — *мать* (ё... *твою мать!*). На самом деле употребление нецензурных слов номинально ставит оппонента, того, кого называют инвективной лексемой, на низшую ступень криминальной лестницы, послание оппонента на х...й номинально делает его парией уголовного мира — пассивным гомосексуалистом (на арго — *опущенным, петухом, гребнем, пивнем, кочетом, кречетом* и т.п.). Табуированным является слово *блядь*, употреблённое в адрес представителя воровской среды. В начале XX в. данной лексемой называли предателя преступников, «продажный подлый человек: — «Жорка-Хромой — большая *блядь!*» (см.: [Росси

1991: 34]), кроме того, *блядь* — это проститутка, что также является страшным оскорблением, ибо продающаяся женщина ниже всяческих критериев. «В уголовном мире, — по мнению В.И. Жельвиса, — “Блядь!” или даже какое-нибудь другое слово женского рода типа “Швабра!”, обращённое к мужчине, — смертельное оскорбление, так как содержит намёк на то, что оппонент — презируемый пассивный гомосексуалист» [Жельвис 2004: 293]. Использование лексемы *n...a* в уголовной среде также является уподоблением женщине, а она ниже всяческих критериев [Росси 1991]. Юрист Л. Гаврилов считает, что подобные оскорбления не оставляют без ответа, так как они несут «слишком большую социальную нагрузку» [Гаврилов 1991]. Оппонент обязательно должен на данное оскорбление либо ударить, либо оскорбить ещё сильнее. Отсюда — возможные беспорядки в местах лишения свободы, нарушение правил внутреннего распорядка ИУ и даже убийство. Для вора в законе, который является неофициальным лидером ИУ, это нарушение его воровских правил, с него могут «спросить» за это на воровской сходке, к тому же он договорился с начальником ИУ (за определённые льготы и послабления) о порядке. Любопытно, что эвфемизмом для матерной лексемы *x...й* является слово *хер*, активно употреблявшееся в речи уголовников в 30—40-е годы XX в.

6. Названия ряда сексуальных отклонений или слов, созвучных с ними Слово *спасибо* связано с сексуальными отклонениями созвучное со словом *sosi* — намёк на оральный секс. (Автору несколько раз приходилось слышать, когда уголовник говорит *благодарю* вместо *спасибо*.) На *спасибо* нередко отвечают: «Чтоб тебя скосило (и не выпрямило)» — отповедь тому, кто говорит в местах лишения свободы слово «спасибо»; это не принято. Обычно отвечают «благодарю» [Сидоров 1992: 174]. Возможно, это отражение древних верований русичей. См. выдержку из сказания: «...коли кто сотворит тебе какое ни на есть добро, то ты не говори ему “спасибо!” — это слово неприятно Господу Богу; а говори завсегда: “спасёт тебя Господь Бог!”».

Иль-бо просто: “благодарствую!” А слова *спасибо* избегай, каса-тушка: неприятно оно Господу Богу» [Народная проза 1992].

Чувствовать хер в жопе и мелочь в кармане — отповедь тому, кто начинает говорить о «чувствах» или употребляет сло-во «чувствую»: среди уголовников «чувствовать» не принято, чаще используют слово «чую». [Сидоров 1992: 171]. Возможно, связано с ассоциациями в сфере половых извращений.

Кончатъ. В ИУ не говорят *я кончил работу, кончил вуз*. Обяза-тельно возразят: «*Кончить* можно с бабой, в бабу». Этот факт зафиксирован в художественной литературе: «Только надо гово-рить: *заканчиваю*, — верный своей интеллигентной привержен-ности к точным словам, поправил я. — *А кончают* либо с де-вушкой, либо клиента. *Усёк?*». [Монах 1998: 38].

Исправительное учреждение уже предполагает решитель-ность действия. Поэтому в них исключена просьба со следую-щей формулировкой: «*А можно я...?*» Ответ: «*Можно козу!*» Вариант: «*Можно бабу!*».

7. В криминальной среде не называют нормированными лексемами сотрудников правоохранительных органов и осуждён-ных, сотрудничающих с тюремной администрацией, например, в их речи отсутствует лексема *милиционер* — только *цветной, мент, мусор, легавый; сос, оперсос* — «сотрудник оперативной части; милиционер». Последние два слова появились в резуль-тате языковой игры, контаминации слов с последующим усече-нием: оперативный сотрудник + *сосать* — «совершать ороге-нитальный контакт». От этого отрицательная коннотация лишь усиливается. Страшным оскорблением в криминальной среде является лексема *козёл* — «осуждённый, сотрудничающий с тюремной администрацией». Данное отношение к этому слову отражено и в художественной литературе: «Ты, Санёк, словами-то не бросайся, — начал он, через плечо разговаривая с топав-шим сзади Богровым. — На зоне бы тебя за “*козла*” сразу же на *перо посадили*» [Сухов 2006: 79—80]. В речи уголовного мира наблюдается определённая связь между эвфемизмами, появив-шимися в результате табу в общенародном языке, и табу в арго.

И те, и другие обладают пейоративной окраской. Ср., например, в общенародном языке обозначения чёрта (*немытик, окаяшка, анчутка беспятый*) с арготическими обозначениями милиционера (*болван, гад, злыдень, зуботыка*). Изменники воров в законе также называются *пропадалами, прошлецами, бандитами, отошлыми*.

8. Запреты, связанные с этикетом обращения, например, *товарищ. Тамбовский волк тебе товарищ* (также — *брянский волк*) — резкий ответ заключённого на неоправданное в местах лишения свободы обращение *товарищ*. Эту форму использовали следователи и работники ГУЛАГа, применяя её по отношению к подсудственным и осуждённым. «До последнего времени было запрещено осуждённым обращаться к работникам колоний и тюрем *товарищ*, а также по имени и отчеству: в настоящее время последний запрет отменён». [Сидоров 1992: 174]. Вместо этого раньше заключённые обращались к работникам исправительно-трудовых учреждений со словами *гражданин* и по-блатному — *начальник (начальничек), командир*.

9. Запрет на употребление имени, отчества, фамилии, название тюрьмы и проч. Преступник в своей речи не использует лексему *кличка* как синоним воровскому прозвищу, считая, что клички бывают только у животных, а употребляет арготические синонимы: *погоняло, погремуха, погремушка, псевдо (пседо), рота, кликуха, кличуха*. Парадокс состоит в том, что носитель прозвища не понимает (или не хочет понимать?), что два последних арготических слова образованы от слова... *кличка*. Между тем в настоящее время чаще используется арготизм *погоняло*. Прозвища преступного мира изменяются и в зависимости от трансформации законов воровской среды, её субкультуры, аргю.

Точно также в местах лишения свободы не следует употреблять названия пернатых и собак, так как *кураца, наседка, клуша* — посаженный в камеру секретный сотрудник, *петух пивень кочет, кречет, гребень* — пассивный гомосексуалист или человек, с которым совершили насильственный

половой акт; *легавый, борзой* — сыщик, *барбос* — городской, *щенок* — молодой милиционер, *сука легавая* — милиционер-женщина, *сука щенячья* — инспектор ИДН, *сука* — женщина; общее название сотрудника правоохранительных органов. *Свинья* — судья.

Молодѐц — так в местах лишения свободы хвалить нельзя. «*Молодѐц* в конюшне, а я — *мóлодец*» — отвечают на похвалу. Когда хвалят, чаще говорят *молоток* или *молодчик*; подобное табу никак не объясняется [Сидоров 1992: 172]. Древний арготизм *мóлодец* имел, кроме основного значения — молодой мужчина, часто с положительной коннотацией, ещё и арготическое — «разбойник». Свидетельство тому — многочисленные древние разбойничьи песни. В XIX в. *мóлодцем* купцы называли приказчиков за их вороватость и обманы. До сих пор употребляется в современной речи лексема *молóдчик* — «опасный молодой человек, нередко хулиган или грабитель». *Молодшие люди* на Руси тоже хотели себе богатства, поэтому и решали данный вопрос очень просто — грабежами, отсюда — *мóлодец* — разбойник.

Спросить с кого-либо — потребовать объяснений с кого-либо за какой-либо проступок и наказать, возможно возникло из-за табу на слова *наказать*.

Игра на просто так — игра под акт мужеложества. В местах лишения свободы стараются не употреблять данное выражение.

В местах лишения свободы (а также на «воле») могут наказывать (*спросить*) за нарушение клятв (*сухой буду, блядью буду, падлой буду, быть мне пидарасом*) и т.п. Особенно это характерно для мест лишения свободы для несовершеннолетних.

Несомненно, табуирование является одним из факторов, способствующих появлению новых слов. К примеру, в некоторых местах лишения свободы запрещено употреблять арготизмы *шесть, шестёрка, шестерёнка* — «подхалим, прислужник вора». (Автору известен случай, что в колодах самодельных карт отсутствовали *шестёрки*. «У нас *шестёрка* в камере нет ни в картах, ни среди *каторжан*» — Запись 1990). Но такой раз-

ряд людей существует, и он нуждается в номинации. Поэтому для их обозначения используются лексемы *есть, двенадцать на два, двадцать четыре на четыре* [Грачёв 1997: 41—42].

В воровской речи не употребляется слово *дело*, а вместо него — *делишки*. Обычно отвечают: «Дела у прокурора, а у нас делишки». (Хотя в старом арго дело — общее название преступления.) Или «Дела в спецчасти, а у нас делишки!» — полагерному съязвил Петрович, открывая холодильник [Монах 1998: 14].

Заметим, кстати, знание всех этих лингвистических особенностей очень важно для оперативных сотрудников, внедрённых в криминальную группу.

Россия столкнулась сейчас с мощным влиянием субкультуры преступного мира. Очень большое количество блатных слов уже функционирует в общенародном русском языке. Это легко подтверждается российскими СМИ, в которых активно используется уголовная лексика.

«Запретные» слова из арго активно переходят в общенародную речь, приобретая в ней ещё более сильную пейоративную окраску.

Настоящий анализ табуированных слов воровской речи является лишь частью большого исследования, которое ещё предстоит осуществить. Несомненно, оно обогатит наши представления не только о социальных вариантах русского языка, но может иметь и прикладной характер при проведении лингвистических судебных экспертиз.

По-разному относятся к арготизмам законопослушные люди и профессиональные преступники. Рассмотрим данное утверждение на примерах употребления слов *мент* и *хаза*. В словарях арготической лексики мы обнаружим подачу данных лексем с точки зрения исключительно законопослушной части населения. То есть *мент* имеет значение «сотрудник правоохранительных органов, чаще милиционер, полицейский», тогда как для криминальных элементов он ещё и социальный враг, и слово это произносится с определённой ненавистью и имеет, по выраже-

нию Д.С. Лихачёва, «семантический довесок»; лексема *хаза* — не только притон криминальных элементов, но и место, где можно укрыться от правоохранительных органов, повеселиться, обсудить текущие криминальные дела, сбить краденое [Лихачёв 1992: 367].

5. Жесты и мимика преступников

Знание невербальных средств общения крайне необходимо для лингвокриминалиста и юриста. По ним можно легко определить, в каком состоянии находится человек, его настроение и даже намерения. Существуют общеизвестные жесты и мимика и криминальная кинесика. Причём первые могут иметь несколько значений. Например, нахмуренные брови (сближение внутренних концов бровей) могут обозначать *недовольство* или *напряжение мысли*; качание головой (несколько раз, не очень быстро наклонить голову то к правому, то к левому плечу) — *сомнение, недоверие* или *осуждение, укоризну*; широко раскрытые глаза (брови и верхние веки подняты, максимально обнажая глазное яблоко) — *страх, гнев, удивление, вопрос*.

Жесты и мимика криминального мира выполняют исключительно конспиративную функцию.

В XIX в. преступник, сидя на стуле, скрестил ноги. Это означает для его товарища «Ничего не говори».

Нередко шулеры используют жестовые знаки или, как они их называют, «маяки»:

- а) поглаживание подбородка — «подойди ко мне»;
- б) потряхивание рукой на уровне груди, напоминающее стряхивание пыли, — «не подходи ко мне»;
- в) шулер сжал пальцы в кулак и разжал их — к нему пришла подтасованная карта и можно идти ва-банк при игре в очко;
- г) шулер двойным щелчком как бы стряхивает пыль с лацкана пиджака — «угрожает опасность»;

д) игрок сжал кулак — его напарнику можно идти ва-банк.

Общеуголовные знаки: два скрещенных пальца — знак несоответствия сказанному; пальцы, прижатые перпендикулярно к раскрытой ладони, являются жестом о серьёзных обвинениях (своего рода «крышка»); мизинец и указательный палец, прижатый к горлу, считаются сигналом большой опасности; сцепленные пальцы рук или большой палец, спрятанный в ладони, — безвыходное положение; большой палец, поднесённый ко рту — сигнал молчания, два пальца, прижатые ко лбу, лацкану пиджака, плечам — сигнал о том, что рядом находится сотрудник правоохранительных органов — человек с кокардой, петлицами и погонами.

Мы привели наиболее распространённые условные знаки, хотя их значительно больше. Притом в каждой ОПГ могут быть и свои условные тайные сигналы.

6. Татуировки

Слово *татуировка* пришло в русский язык из французского языка (фр. *tatouer*), а для него языком-источником явился полинезийский [Большой толковый словарь русского языка 2000]. На факт заимствования из полинезийского языка (полинез. слово *tatauy*) указывают составители Малого энциклопедического словаря и некоторые криминалисты [Малый энциклопедический словарь 1994]. Например, исследователь Л. Мильяненков утверждает, что «слово “татуировка” происходит от полинезийского “тату” — “рисунок” или от “ТИКИ” — имени полинезийского бога, по преданию явившего татуировку миру» [Мильяненков 1992] Другие учёные считают, что лексема *татуировка* произошла от явайского корня *tau*, соответствующее полинезийскому *tatu* и переводящегося как «рана», «раненый» [Дубягин 1991].

Источником материала для данного раздела послужил ряд работ криминалистов и юристов (см.: [Дубягин 1991; Дубягин,

Теплицкий 1993; Конев, Париллов 1995; Кучинский 1998; Малый энциклопедический словарь 1994], а также наши ранние работы: [Грачёв 1996; Грачёв 2000] и личная картотека и альбом автора).

До сих пор татуировки криминальных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их изучения. Они были объектом изучения криминалистов, литераторов, психологов, хотя и у них изучение шло, в основном, на описательном уровне. «Вряд ли какой-либо другой области в криминалистике, — справедливо указывал Л. Мильяненко в 1992 году, — было уделено так мало внимания, как изучению символики татуировок у судимых за уголовные преступления» [Мильяненко 1992]. Это утверждение актуально и в настоящее время.

По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимание на татуировки: трудность в сборе материала, «закрытость» данной темы для исследования, отношение к ним как к «недостойному» предмету изучения и др.

В чём представляется интерес изучения татуировки для лингвиста? Татуировка — это, своего рода, пиктографическое письмо. Некоторые лингвисты считают, что «воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему», которая называется «пиктографически-идеографической» [Шарандина 2000]. Татуировки — часть русского языка — должны быть изучены, иначе знание русского языка будет неполным без них. Их исследование может дать дополнительные сведения для развития письма в целом. Кроме того, они помогут пролить свет на различные стороны жизни преступников, в частности, на ментальность. Восстановление истории татуировок поможет определить многие аспекты мировоззрения уголовников. Например, отношение криминального мира к религии. Известно, что религиозная тематика занимает одно из центральных мест среди татуировок. Она появилась в 30-х годах XX в., когда возникла элита уголовного криминалитета — *воры в законе*. Изначально признаком *вора в законе* были крест

с ангелом(ами), выколотый на груди. Количество куполов на храме обозначало число «ходовок» в ИТУ. Нередко заключённые наносят на тело татуировки в виде Богородицы с младенцем и Святого Семейства; изображение Бога на небе с крестом в руках, что обозначает воровской оберег (*спаси от легавых и суда*). Данный разряд татуировок — ещё и символ «святости воровского дела». Татуировки-высказывания, татуировки-изображения и арготизмы тесно связаны между собой. Например, высказывание-татуировка *было счастье — чёрт украл* может иметь аналог — рисунок с изображением чёрта с мешком за плечами (в котором находится счастье преступника). Но здесь наблюдается соотнесение и с арго: *чёрт* — «следователь», *мешок* — «ИТУ».

Одни исследователи татуировок русских деклассированных элементов относят их появление к рубежу XVII—XVIII вв., хотя конкретных доказательств не представляют.

По мнению других криминалистов, татуировки были присущи русским преступникам уже во второй половине XVIII в. Нередко в этом случае ссылаются на А.С. Пушкина, см. отрывок из его повести «Капитанская дочка»: «А в бане показывал (Пугачёв. — М.Г.) царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величиной с пятак, а на другой персона его». Это может косвенно подтверждать, что россияне уже в XVIII в. знали о татуировках, хотя сотрудниками правоохранительных органов того времени они не собирались и не исследовались. Что касается «царских знаков» Е.И. Пугачёва, то они не являлись татуировками, а были его родимыми пятнами. Доказательством этого является утверждение... самого А.С. Пушкина, см. «Историю Пугачёва», приметы «вождя» крестьянской войны: «...на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы...», т.е. своеобразные дефекты тела, но не татуировки.

Ничего не говорится о татуировках деклассированных элементов в художественных произведениях конца XVIII — начала XIX в. В справочной литературе нач. XX в., указывается, что татуировки характерны для негров, японцев, некоторых ре-

лигиозных сект и ничего — о татуировках преступников (см., например: [Малый энциклопедический словарь 1994]. Криминалисты отмечали тот факт, что профессиональные уголовники конца XIX — начала XX в. в большинстве своём избегали татуироваться, чтобы не создать лишнюю улику [Мильяненков 1992]. В целом же, у деклассированных этого периода они имели следующий вид: имена собственные, якоря, целующиеся голубки и некоторые другие художественные рисунки [Брейтман 1901].

Изучение татуировок началось в 20-х годах XX в. Русские татуировки деклассированных элементов прошли путь от пиктографического до идеографического письма [Шарандина 2000], т.е. до своеобразных высказываний и аббревиатур. Заметим, что объём материала, куда наносятся татуировки, ограничен, — человеческое тело. Известно, что изначально татуировки в России были присущи только деклассированным элементам и морякам [Кучинский 1998]. По косвенным данным (в разговорах с учёными-криминалистами, см. также художественное произведение Л.П. Нагорного и Г.П. Рябова «Повесть об уголовном розыске») татуировки (как отличительный и опознавательный знак) накалывали себе и полицейские. У бойцов Красной Армии татуировки отсутствовали. Любопытно, что среди солдат итальянской армии в XIX в. было 45% татуированных, тогда как среди преступников — всего лишь 7% процентов [Ломброзо 1892]. Следует отметить, что современные российские солдаты, воспринимая романтику профессиональных преступников, нередко наносят воровские татуировки. Из специфически солдатских можно отметить татуировки, изображающие парашют (принадлежность к воздушно-десантным войскам), группу крови, резус-фактор, из аббревиатур — ЗГВ — «западная группа войск» (до 1991 г.) и др.

Криминалисты вначале использовали татуировки, в основном, для идентификации и опознания. В первые годы Советской власти была даже введена обязательная регистрация татуировок криминогенного контингента [Мильяненков 1992].

Как считает юрист А.И. Гуров, в настоящее время «татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов» [Гуров 1990]. Это утверждение нуждается в расшифровке. Действительно, татуировки-изображения с 30-х по 70-е годы XX в. были достаточно устойчивы. Позднее они теряют свою постоянность. Это было связано, прежде всего, с сильными позициями элиты преступного мира — *воров в законе*, когда за татуировку, не соответствующую действительности, её обладатель мог поплатиться даже жизнью. В 70-е годы, когда начинается размывание «воровской идеи», ряд татуировок теряет свой первоначальный смысл, особенно это касается татуировок-рисунков.

В современных татуировках по их соответствию действительности можно выделить ряд устойчивых групп:

1. Татуировки, свидетельствующие об отбывании наказания в ИТУ: четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них ещё одна точка; колючая проволока.

2. Татуировки наркоманов: паук в паутине — «наркоман», изображение джина, курящего гальян — «курильщик гашиша».

3. Татуировки, которые накалываются насильно: синяк под глазом, точки около губ, корона вора в законе, выколота на спине, — все они обозначают *опущенных* — низшую касту криминального мира.

4. Татуировки-аббревиатуры.

5. Татуировки-высказывания.

Как утверждает криминалист Л. Мильяненков, в настоящее время особое внимание следует обращать на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: череп, корона — символы стремящихся к власти; тигр или другой хищник — ярость, непримиримость; кинжал, нож, меч, топор — месть, угроза, твёрдость, жестокость; ключ — сохранение тайны; палач — чти закон воров; Мадонна — отчуждённость, факел — дружба, братство; звёзды — непокорность [Мильяненков 1992].

Именно в ранних татуировках отсутствуют политические мотивы (воры в законе не должны были иметь никаких контактов с

официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, служить в армии и проч.). При размышлении «воровской идеи» в татуировках появляются политические мотивы. Особенно много политических татуировок появилось в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. Чаще всего это рисунки с изображением К. Маркса, В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина, Л.И. Брежнева в виде чертей или вампиров; татуировки, изображающие карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой, или черепа на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего накалываются на ногах): *КПСС приведёт всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство — ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее — коммунизм; ВКП(б) — все-российское крепостное право большевиков*. Несомненно, такие татуировки стали возможны лишь во время «перестройки» и «гласности» (80-е годы XX в.). Именно тогда профессиональные уголовники, почувствовав себя «борцами» против существующего режима, стали наносить себе политические татуировки.

Татуировки криминальных элементов, в основном, выполняют следующие функции: опознавательную, мировоззренческую, конспиративную, номинативную, функцию бравады и устрашения. («Чем больше татуировок — тем больше меня будут бояться новички-заклѳенные и законопослушные люди», — так порой отвечает на вопрос о множественности татуировок часть осуждѳенных.) Как видим, функции татуировок во многом схожи с функциями арго. Однако на первых местах в системе татуировок стоят опознавательная функция и функция бравады, тогда как в арго — номинативная и мировоззренческая функция.

Уголовники наносят татуировки, в зависимости от их значения, на различные участки тела. Например, те татуировки, которые накалываются насильно, располагаются на ягодицах, спине, лице и пальцах (например, татуировка под названием «подлое кольцо»). Их владельцами обычно являются заклѳенные, принадлежащие к низшим кастам осуждѳенных. На видных местах накалывают татуировки наркоманы, чтобы опознать себе

подобных, а также *воры в законе*. В арсенале преступного мира есть татуировки, которые накалывались под мышкой, — например, изображение свастики со значением «ненавижу Советскую власть» (была популярной в 70-х годах XX в.).

В последнее время большое распространение среди осуждённых получили татуировки-высказывания. Среди них имеются:

1. Собственно воровские татуировки, подразделяющиеся, в свою очередь, на татуировки, в которых отсутствуют арготизмы (см. примеры: *закон — тайга, медведь — хозяин, умри ты сегодня, а я — завтра; они устали ходить под конвоем; не верь, не бойся, не проси*) и татуировки, в которых используются блатные слова (см. примеры: *недолго музыка играла — недолго фрайер* (жертва преступления. — М.Г.) *танцевал; амур — мой кирюха* (друг. — М.Г.); *дави делашей, стукачей и сук* (убивай предпринимателей, работников торговли, доносчиков и предателей преступников); *спаси от легавых и суда*).

2. Татуировки-афоризмы, не имеющие криминального характера.

Они, в свою очередь, делятся на татуировки, взятые из литературных произведений, в частности из стихов С. Есенина («*умру бродягою и воровом*», «*как мало пройдено дорог — как много сделано ошибок*»), из Евангелия, а также придуманные в криминальной среде (*кто не без греха; дайте в юность обратный билет — я сполна заплатил за дорогу; работа — ты меня не бойся — я тебя не трону; Боже, я помню, что у меня есть мать; работает круглосуточно* (татуируется на животе)).

3. Татуировки-высказывания, заимствованные из других языков: 1) латинского: *faciam ut mei timineris* (сделаю так, чтобы ты обо мне помнил), *contra spem spero* (без надежды надеюсь), *homo homini lupus est* (человек человеку волк); 2) итальянского: *cercando il vero* (ищу истину), *guai chi tocca* (горе тому, кто её коснётся), *sono nato libero — e voglio morire Libero* (я родился свободным — и хочу умереть свободным); 3) английского: *battle of life* (борьба за жизнь), *help yourself* (помогай

сам себе); 4) немецкого: *leben und leben lassen* (живи и жить давай другим), *Wein, Weib und Gesang* (вино, женщины, песни), *du sollst nicht erst den Schlag erwarten* (не жди, пока тебя ударят); 5) французского: *Dieu et liberté* (Бог и свобода), *la bourse ou la vie* (кошелёк или жизнь), *tous les moyens sont bons* (все средства хороши).

Как видно из примеров, татуировки-высказывания чётко отражают ментальность деклассированных элементов: их запросы, устремления, привычки и жизненное кредо.

Без знания арго и татуировок-высказываний невозможно изучить аббревиатуры-татуировки, так как они содержат в себе зашифрованную воровскую «мудрость».

Аббревиатуры-татуировки — это «письменная» разновидность арго — получили своё широкое распространение в 60—90-х годах XX в. Преимущественно их наносят на тело мужчины, хотя имеются и женские аббревиатуры-татуировки. Если для части мужских аббревиатур-татуировок характерна агрессия, то в женских она отсутствует. Женские татуировки обозначают, в основном, любовь, причём как к мужчине, так и лесбийскую, см. примеры: *ГИТЛЕР* — «где искать тебя, любимый(ая), если разлучат?», *ЛИМОН* — «любить и мучаться одной надоело», *ТОМСК* — «ты один моего сердца коснулся». Все сокращения делятся на буквенные и звуковые. (Примеры буквенных татуировок: *ВЛКСМ* — «возьми лопату и копай себе могилу», *НМНК* — «нам менты не кенты».) Нередко аббревиатуре-татуировке соответствует рисунок-татуировка (например, аббревиатура-татуировка *КОТ* — «коренной обитатель тюрьмы» иногда заменяется изображением кота, изображение В.И. Ленина имеет криптолалическое значение: Вождь Октябрьской Революции (сокращённо — *ВОР*).

Аббревиатуры-татуировки, в основном, обозначают: а) клятвы и заверения в любви (*КЛЁН* — «клянусь любить её навеки», *ЛОТОС* — «люблю одн(у)ого тебя очень сильно»; б) разряды преступников и заключённых (*ЮГ* — «юный грабитель», *ТУЗ* — «тюремный узник»); в) воровскую «мудрость» (*БОГ* —

«будь осторожен, грабитель», ТИГР — «тюрьма — игрушка», ТУЗ — «тюрьма, учи закону»); г) угрозы в адрес правоохранительных органов и предателей (ЗЛО — «за всё легавым отомщу», СЛИЧЖВР — «смерть легавым и чекистам, жизнь ворами рецидивистам», ИРА — «ищи, режь актив»), реалии, связанные со свободой (БЛИЦС — «береги любовь и цены свободу», ЛТВ — «люби, товарищ волю»).

Нередко сокращения расшифровываются как обобщённо-личные, определённо-личные и номинативные предложения: НЕВМ — «не верь мужчинам», ЛОРД — «люблю один родимый дом», ЖУК — «желаю удачной кражи», ЛИС — «любовь и слёзы», ОМСК — «отдалённая местность сибирской каторги», ЛТВ — «люблю тихо воровать».

Среди аббревиатур-татуировок имеется большой процент многозначных сокращений (СЛОН — 1. Смерть легавым — они не уйдут, 2. Смерть легавым от ножа, 3. Соловецкий лагерь особого назначения; БОГ — 1. Был осуждён государством. 2. Буду опять грабить. 3. Будь осторожен, грабитель). Причём некоторые из них могут расшифровываться как в прямом, так и в обратном порядке (ТИГР — «товарищи, идёмте грабить ресторан», в обратном порядке: «ресторан ограблен — идёмте тихариться (прятаться, скрываться. — М.Г.).

Зоонимы и фитонимы составляют 15% сокращений (БАРС, КОТ, ПИНГВИН (прости и не грусти — виноватого искать не надо), КЛЁН («клянусь любить её навеки», ЖУК (желание удачной кражи), ЛЕВ (люблю её вечно), ВОЛК — «вору отдышка — легавым крышка» и др.).

При расшифровке ряда аббревиатур используются арготические слова: ЗЛОБО — «за всё легавым очень больно отомщу», СЧАК — «суки — часто активисты», СЛЖБ — «смерть легавым — жизнь блатным».

В последнее время среди преступного сообщества получили распространение так называемые сложные татуировки, например: НЕБО-ЗЯВР — «не грусти, если будешь одна, знай — я всегда рядом», ИРКА-ЕНТР — «и разлука кажется адом, если

нет тебя рядом», АМУР-ТНМН — «ангел мой ушёл рано — так начались мои несчастья», УЗ: ВУСК — «узник зон: Воркуты, Урала, Сибири, Колымы».

Опросы представителей криминальных групп показывают, что аббревиатуры-татуировки не несут в себе какого-либо тайного смысла и наносятся исключительно для бравлады, а также являются стремлением выразить своё «Я», тем более что они не имеют адресата и нередко обращены на самого же владельца. Однако выделяется группа аббревиатур-татуировок, для которых присущ опознавательный (тайный) характер, благодаря им наркоманы узнают друг друга, что приводит их к консолидации в местах лишения свободы (например, *ТОН* — «*тайное общество наркоманов*» (иногда добавляется буква «Я» — «*я его член*»), *РИСК* — «*родные, идите скорее кумариться* (употреблять наркотики для снятия абстинентного синдрома. — *М.Г.*)»). Часто в них содержится информация о приверженности или отвращению к конкретному наркотику (например, *НОНА* — «*наркоман; очень нужна анаша*», *НИНА* — «*не был и не буду анашистом*» — омоним к общеуголовной татуировке — «*не был и не буду активистом*», *ПИСК* — «*пошёл искать себе кукнар* (наркотик, приготовленный из мака).

Некоторые татуировки сами уголовники расшифровывают обманно, см., например, татуировку *СЛОН*, подлинные её значения: *смерть легавым от ножа; смерть легавым — они не спасутся* [Бронников 1998], *смерть легавым — они не уйдут*, а исследователям, сотрудникам правоохранительных органов предлагают следующую расшифровку: *славу ленинизму — он непобедим; слава Ленину — отцу нашему*.

Большинство аббревиатур-татуировок отражают мировоззрение и психологию заключённого, степень его авторитета в среде преступного мира.

Татуировки являются достаточно устойчивым элементом уголовной субкультуры. Вот данные криминалистов: 45% осуждённых наносят татуировки на тело во время первой судимости. После второй судимости этот показатель достигает 75%, после

третьей — 89%. [Конев, Париллов 1995]. Большинство рисунков, указывающих на кастовость преступника, принадлежность его к определённой группировке, накальваются после второй судимости. Это объясняется тем, что в большинстве своём татуировки наносятся под влиянием воровской романтики, позиции которой очень сильны не только среди правонарушителей, но и среди законопослушного населения.

Известно, что сейчас множество элементов субкультуры проникло в законопослушное общество. Так, среди молодёжи уже появилась мода на татуировки-аббревиатуры, расшифровка которых имеет отношение к тюрьме и правоохранительным органам, см.: БОГ — *был осуждён государством*, ВУЗ — *вечный узник зоны*, КОТ — *коренной обитатель тюрьмы*; ЛОРД — *легалым отомстят родные дети*. Эти татуировки имеет право наносить (по законам преступного мира) только лицо, отбывшее (отбывающее) наказание в местах лишения свободы, а к законопослушному человеку, обладателю подобных аббревиатур-высказываний, уголовники предъявляют претензии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Некоторые татуировки хорошо описаны в художественной литературе, см. отрывок из романа Н. Нетесовой «Стукачи».

Когда Кравцов глянул через плечо дочери, сказал: «Татуировку эту ставили фартовые. Но коли лучи солнца, да и сама наколка — перевёрнуты, человек тот — не вор. Но в чести, в фаворе у законников. У воров лучи солнца идут к пальцам. А здесь к запястью. Обычно её ставят на плече, как клеймо для избранных. Чтоб милиции в глаза не бросалась. Человек этот не сидел. В тюрьме не был. Нет на солнце ни одной точки. Обычно все годы, отбытые в зоне, на солнце имеются, как горькие отметины. У иных солнца и не видно. Всё в отметинах. Они, эти точки, меж собой в тучу сливаются.

Фартовые на него виды имели. И зажгли на нём фонарь. Наколкой. Знак всем ворами — не трогать! Свой! В случае беды — поможет! Таких воры берегут. Имеет в себе необычное качество, нуж-

ное ворам. Видишь, солнце встаёт не из-за двух гор, как обычно в этих татуировках, а из-за трёх. И эта — третья, штрихом выделена. Она особый знак.

Он ночью хорошо видит. В темноте газету может прочесть.

“Малине” он обязан чем-то. По-видимому, жизнью. Солнечный диск выколот не ровным, а зубчатым кругом. А значит, у смерти его отняли воры. За то спасенье — он их должник! И фартовые его жизнью могут распоряжаться, как содержимым своего кармана».

В настоящее время перед лингвистами стоят следующие задачи:

1. Воссоздать и описать татуировки деклассированных элементов.
2. Проследить путь воровской татуировки в зависимости от развития криминогенных сообществ, в частности, *воров в законе*.
3. Определить отражение в татуировках мировоззрения уголовных элементов.

7. Пословицы и поговорки преступного мира

Особое место в субкультуре криминального мира занимают пословицы и поговорки. Они, как и общенародные афоризмы, содержат опыт и мудрость, только со знаком «минус» в ментальном отношении. Если большинство общенародных пословиц и поговорок несут в себе добро, то крылатые выражения уголовников — зло.

Многие из этих афоризмов сентиментальны, например, *ты один моего сердца коснулся; слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно*. Здесь не только наивная лирика, но и свидетельство об упрощённых отношениях между мужчиной и женщиной.

Основную часть составляют афоризмы, содержащие воровскую «мудрость» и опыт, см. примеры: *умри ты сегодня, а*

я — завтра, за полбутылки всю полицию Петербурга можно купить. Однако без учёта реалий воровской жизни часть высказываний будет нуждаться в дополнительном изучении, особенно, если в них содержатся арготизмы (см. примеры: *за стукачом топор гуляет* — т.е. осведомитель всегда должен опасаться за свою жизнь; *день кантовки — месяц жизни, кантовка* — «невыход на работу в ИТУ; лёгкая работа», *на обиженных в зону воду возят* (*обиженный* — представитель низшей касты тюрьмы)). Трудность в понимании вызывают древние поговорки, например: *тем же салом, да по тем же ранам* — в этом случае возникает законный вопрос: почему *салом* и почему *по ранам*? Однако история данной пословицы свидетельствует, что при испытании секли иногда большими сальными свечами, которыми причиняли невыносимую боль [Снегирёв 1996].

Многие афоризмы преступный мир берёт из общенародного языка, причём те устойчивые сочетания, которые отражают его интересы: *пусть ненавидят — лишь бы боялись, помни о смерти*. Иногда фразеологизмы-татуировки могут быть на иностранном языке: *Macht geht vor Recht* — «сила выше права» (немецкий язык.), *nil inultum remanebit* — «ничто не останется неотомщённым» (латинский язык).

По мнению Л. Мильяненко, «целый арсенал афоризмов, крылатых слов и выражений, особенно зарубежных мыслителей, преступный мир почерпнул из общения с политическими заключёнными. Опять-таки не следует забывать, что, используя классические мысли и изречения, осуждённые видят только то, что могут истолковать в выгодном, удобном для себя свете». Например, привычная бойкая фраза, одна из тех, что нас окружали в недавнем прошлом: «*Единственное спасение — в борьбе!*» Здесь нужно понимать, КАКОЕ спасение и в борьбе с КЕМ! [Мильяненко 1992].

В ряде пословиц и поговорок в неприглядном виде отражены враги криминального мира: *Бог создал вора, чёрт — мента и прокурора; Бог создал три зла — женщин, чёрта и козла; было счастье — чёрт украл* (варианты: *было счастье, да чёрт унёс*;

было счастье — чёрт унёс). Здесь мы наблюдаем обыгрывание слов: общенародной лексемы *чёрт* и арготизма *чёрт* — «следователь; представитель низшей тюремной касты»; см. также лексему *козёл* — в арго: осуждённый, сотрудничающий с администрацией ИУ, представитель низшей тюремной касты, сотрудник правоохранительных органов. Противопоставление Бога и враждебной силы выражены в пословицах: *Бог не фрайер — всё простит*, *Бог не фрайер — он всё видит*, где арготизм *фрайер* — любой человек, не принадлежащий к преступному миру: это может быть и жертва преступления, и непрофессиональный преступник, и сотрудник правоохранительных органов. См. также: *руку вору — нож прокурору* [Бронников 1998], *урки и мурки играют в жмурки*. Исследователь арго Д.С. Лихачёв объясняет эту поговорку следующим образом: воры и агенты уголовного розыска играют в смерть [Лихачёв 1935]. Мы уточним: *жмурик* — покойник, *мурка* — сотрудник Московского уголовного розыска (МУРа).

Выделяется группа афоризмов, восхваляющая главарей нацистской Германии: *Адольф Гитлер — вождь партии санитаров*, *Адольф Гитлер — мой друг* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992], *Адольф Гитлер — мой кирюха (арг. кирюха — друг)*. В ряде поговорок уголовники возводят его в святые и даже обожествляют: *Адольф Гитлер — святой мученик*, *мой Бог — Адольф Гитлер* [там же]. В то же время в варианте последней пословицы компоненты *Адольф Гитлер* заменяются на выражение *злой демон*, см. *мой бог — злой демон* [Мильяненков 1992].

Антагонистом А. Гитлера, как известно, является И.В. Сталин, но большинство пословиц 30-х — начале 50-х годов XX в. направлено против вождя мирового пролетариата, и отношение к нему только отрицательное: *Сталин в Кремле на всех х... положил*, *Сталин — лучший друг бушменского народа и монгольского рогатого скота*, *Сталин — лучший друг детей и монгольского рогатого скота*, *Сталин — лучший «друг» заключённых*, *Сталин — лучший друг чекистов* [Росси 1991].

В ряде пословиц видно приспособление воровской идеологии к коммунистической морали. Об этом свидетельствуют, например, следующие поговорки: *рэкети́р — пролетарский экспроприатор; чту заветы Ильича: грабь награбленное; вставай, Ильич, они нагледят; беру там, где не успели украсть и разграбить коммунисты; беру у государства то, что оно награбило* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]. Для воров характерна непримиримая ненависть к партийным работникам и в целом — к КПСС, об этом свидетельствуют следующие пословицы: *дави иуд, сексотов, сук и коммунистов; дави коммунистов, делашей, стукачей и сук; дави контриков, фраеров и сук; дави режим, дави мусоров, сук, коммунистов и жидов; у КПСС — ни ума, ни чести, ни совести ни в какой эпохе не было, нет и быть не могло* [там же]; *верь в Бога, а не в коммунизм; в партийном огне сгорели свобода и вера* [Мильяненко 1992]. Коммунисты нередко отождествляются с социальными врагами профессиональных уголовников: *да хранит меня Бог от голода, нищеты, ментов, мусоров и коммунистов; спаси меня Бог от коммунистов; умерщвление коммунистов — не убийство, а очищение мира от посланцев дьявола* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992].

Под стать им пословицы, направленные против государства: *был отвержен государством* [Бронников 1998]; *зона дьявола — города Москва и Магадан на просторах братских могил эзков; никогда не жил счастливо в этой Богом забытой стране* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]; *от советских гуманных законов даже черти бегут за кордон*.

Некоторые крылатые выражения свидетельствуют о симпатиях к президенту США, см., например, *товарищ Рональд Рейган — большой друг советского зека*. Это выражение обычно сопровождается портретом американского президента (Р. Рейган во время контактов с М.С. Горбачёвым в 80-х годах XX в. призывал к либерализации исправительно-трудовых учреждений и улучшению условий осуждённых).

Существует ложное мнение, что криминальный мир толерантен к различным народам и расам. Анализ пословиц и по-

говорок этого не подтверждает: в них содержится ненависть к представителям других народов, см., например, выражение *русским не нужны косоглазые чувырла, а только их земля!* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]. Некоторые пословицы свидетельствуют об антипатриотичности профессиональных преступников: *родина вора там, где можно украсть*. Это обыгрывание известного латинского выражения: *где хорошо, там и родина*.

В пословицах нет места дружбе: *будь другом, только не в убыток; раньше был другом до гроба — теперь до первого следователя; сегодня кент, а завтра мент*.

Жизнь, как своя, так и чужая, для уголовника обесценена, об этом говорит известная поговорка: *умри ты сегодня, а я завтра*.

Многие пословицы уподобляют воровскую деятельность какой-либо честной профессии: *это такой землемер, что подушку из-под земли отмежует, это человек мастеровой: заугольничает по постоянным дворам* [Даль 1994]. Хотя к честному труду криминальный мир относится с отвращением, см. поговорку: *воровка никогда не будет прачкой*.

Вера в Бога у профессионального уголовника, отражённая в пословицах и поговорках, обслуживает его преступную деятельность. Он так же, как и его далёкий античный «собрат», просит у богов помощи в совершении преступления: *да принесёт мне воровскую удачу Царица небесная (вариант: принеси мне воровскую удачу, Царица небесная!); да пошлёт мне Бог мудрость, вечную удачу и власть!* В то же время он молит их о спасении: *Матерь Божья, спаси и сохрани своего сына!; Да хранит меня Бог от холода, нищеты, ментов, мусоров и коммунистов! т.е.* Бога и Богородицу преступники превращают в своих покровителей, соучастников и защитников. По мнению Л. Мильяненкова, даже такое выражение, как *с нами Бог*, у осуждённых имеет отнюдь не религиозный подтекст: Бог якобы помогает им в совершении преступления, как бы одобряя их поведение и мораль... [Мильяненкова 1992].

Воровские афоризмы нередко передаются благодаря человеческому телу — речь идёт о татуировках. Например, появление татуировки *Боже, я помню, что у меня есть мать* (под словом *мать* понимается воровская шайка) относится к началу XX в., но она активно используется и в настоящее время. В местах лишения свободы татуировщик предлагает набор высказываний, крылатых слов, представляющих «мудрость» воровского мира. Нередко их дублируют аббревиатуры-татуировки, см., примеры: *хочешь, радость и слёзы тебе отдам, слышишь?* — ХРИСТОС; *Христос любит, лелеет бедолаг* — ХЛЕБ [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]. Под *бедолагами* в местах лишения свободы понимаются уголовники.

В ряде афоризмов выражается эгоцентризм преступника, его крайний индивидуализм, он нередко отождествляет себя с Богом: *меня не забывай — попадёшь в рай* [Бронников 1998]; *мне судья — один Бог* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]; *перед людьми я виноват — перед Богом чист* [Бронников 1998]; *я — избранник Бога на земле; я скоро приду за твоей жизнью* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]. Не случайно значительное количество афоризмов начинается с буквы «Я» (в нашем материале — 32 фразеологические единицы).

Обращения к Богу порой связаны с абсурдными желаниями, в которых прослеживается нигилизм преступника, его неверие в чистые чувства, например, в дружбу: *Господи! Спаси меня от друзей, а уж с врагами я и сам (сама) справлюсь! О боже, за что же?* — восклицает профессиональный уголовник, попав в ИУ [Бронников 1998]; под стать ему выражение *О боже! Мать! Но где же правда?* Нередко эти призывы направлены против правоохранительных органов и их порядка: *спаси меня, грешного, от порядка здешнего* [там же]; *спаси от легавых и суда* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992].

Боязнь за грехи и получение наказания на том свете выражается в пословицах: *боже, суди меня не по делам моим, а по милосердию твоему; боже, меня не забывай и помести меня в рай* [Бронников 1998]; *да простит Бог мне мои грехи* [Сло-

варь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]. Преступник, по его мнению, может быть счастливым лишь на том свете: *буду счастлив не на грешной земле, а на том свете* [там же].

В воровском фольклоре встречаются афоризмы, в которых уголовник раскаивается и говорит, что его на том свете ожидает наказание: *да не взойдёт на грешного Божья благодать* [Бронников 1998], *меня ждут давно в аду* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992].

В то же время уголовник утверждает, что все грешат: *Бог любит того, кто не грешит, а не грешит тот, кто ничего не делает; кто без греха перед Богом?* [там же]. Эти грехи могут довести преступника до атеизма и неприятия Бога, см. поговорку: *на Бога не уповаем* [там же]. В связи с этим имеются любопытные параллели в ряде других афоризмов — *кнут и Бог, кнут и архангел, кнут и дьявол: кнут не Бог, а правду сыщёт; кнут не дьявол, а правду сыщёт* [Даль 1994]; *кнут не архангел, души не вынет* [Снегирёв 1996].

Нередко в пословицах можно увидеть размышления вора о земных соблазнах: *Бог далеко, а сладкая жизнь рядом* [Бронников 1998]. Для уголовного мира характерны также и поговорки связанные с язычеством, особенно это касается сексуальной сферы: *Эрот, подари радость одной ненасытной; Эрот, хочу отдаться* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992].

Большое место в тюремном фольклоре занимает судьба и доля, что характерно для жизни криминального контингента: сегодня счастье, а потом неудача. В блатных песнях так и поётся: *«Вот какая доля воровская!», «Судьба во всём играет роль», «Снова счастье, а потом несчастье», — говорила мне старушка-мать»*. Эта вера в фатум есть пережиток славянского язычества — долей-недолей; счастья (со-части) — несчастья (изначально: отсутствия части, доли): *верю в таинственное предначертание судьбы* [Мильяненко 1992], *верю в удачу* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992], *капризная фортуна, я жду тебя; коль судьба — печку и на кривых не объедешь* [Трахтенберг 1908] (арготизмы: *печка* — опасное место, *объехать на кривых* — обмануть).

Особенно много поговорок о судьбе связано с игрой в карты (*не судьба меня сгубила, а к одиннадцати туз; карта не кобыла — к рассвету повезёт*) [Ильин 1912]. Не случайно в XIX в. в местах лишения свободы входящий в камеру приветствовал игроков в карты: «*Талан на майдан!*» («Счастье на карту!»). В ответ он мог услышать: «*Шайтан на гайтан!*» («Чёрт тебе на нательный крест!»).

В криминальном фольклоре имеются пословицы о преодолении неудач и опасностей (и это — несмотря на фатальную веру в судьбу): *бросай меня крепче, судьба, пусть слабых удача не жит* [Бронников 1998]; *не покоряйся беде, но смело иди ей на встречу* [Мильяненков 1992].

Иногда преступник смешивает христианское и языческое: так, в одной из пословиц стоят рядом Бог и судьба: *хранит меня Бог и судьба (ХМ-БИС)* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992].

Существует ложное мнение, что криминальный мир является терпимым к различным конфессиям. Анализ пословиц этого не подтверждает: в них содержится ненависть к представителям других вероисповеданий, например, *бей и режь отступников веры* (татуировка мусульман), *что не подвластно Богу и церкви Римской — должно быть умерщвлено* [Бронников 1998].

Нередко вера в воровскую идею противопоставляется вере в Бога: *верю в воровскую идею* [Мильяненков 1992]. В похожих пословицах ограничивается вера: *почитай веру, но знай меру* [Бронников 1998]; *пути Господни неисповедимы — они во мраке, а мир велик*.

В поговорках, как и в арготическом жаргоне, содержится насмешка над служителями христианского культа, см. примеры: *голодный и архиерей украдёт; смелого ищи в тюрьме — глупого в попах* [Даль 1994].

Любопытно, что тюрьма в афоризмах, связанных с верой и суевериями преступного мира, имеет отрицательную коннотацию, что противоречит философии криминального мира (ср. их с арготическими обозначениями: *родной дом, школа, университет* и проч.), но: *крепка тюрьма, да чёрт ли ей рад?* [Макси-

мов 1871]; *тюрьма не отучит меня от веры в Бога* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992]; *тяжкий крест мне пал на долю — тюрьма всё счастье отняла* [Бронников 1998], *тюрьма — не школа, прокурор — не учитель; будь проклят тот от века и до века, кто сказал, что тюрьма исправит человека, тюрьма — не школа исправлений, а школа новых преступлений*. т.е. мы наблюдаем дуалистическое отношение к тюрьме: с одной стороны, тюрьма — это место, где можно набраться воровского опыта, а с другой стороны, она губит.

Многие общенародные афоризмы уголовники приспособили к своему менталитету. Так, например, к выражению *бережёного Бог бережёт* они прибавили в рифму *...а не бережёного конвой стережёт*, по-своему интерпретировано выражение *друг до гроба*, см. воровскую модификацию: *был раньше другом до гроба — теперь до первого следователя* [Ильин 1912]. Выражение *закон дуракам писан* — современное перефразирование старой поговорки *дуракам закон не писан*: лишь дурак думает, что соблюдение закона уберёжет от тюрьмы [Росси 1991].

Примечательным является знаменитое крылатое криминальное выражение — *не верь, не бойся, не проси*. Эта воровская поговорка-триада — по сути антихристианское кредо. Расшифруем эту формулу в духе христианских догм: первое слово *не верь* уже говорит само за себя, призывает к безверию, к атеизму. Как тут не вспомнить радость булгаковского Воланда: узнав о том, что Берлиоз и Бездомный — атеисты, дьявол с удовольствием пожимает им руки и призывает верить в своё существование! *Не бойся* — этот призыв применительно к верующим также вытекает из первого составляющего этой триады: если нет Бога, то нечего бояться, можно убивать, грабить, насиловать, материться. *Не проси*. Воланд: «Никогда ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут». Но все молитвы — это прежде всего просьбы к Господу Богу, ангелам и святым о том, чтобы они помогли или спасли. Но преступники живут по принципу: *легче украсть или отнять, чем попросить*.

В настоящее время наблюдается Ренессанс античных (латинских) крылатых выражений. Парадокс, но они повторяют некоторые постулаты римских юристов: *сила выше права, пусть рухнет мир, но свершится правосудие*. Последнее крылатое выражение уголовники понимают не с точки зрения юридической, а с точки зрения суда *воров в законе (правильных воров, как они себя называют)*.

В уголовных пословицах и поговорках отражается ментальность профессиональных преступников. К сожалению, очень много воровских афоризмов перешло в общенародный язык, причём сейчас их уже и не считают за крылатые выражения криминального мира, см. примеры: *от тюрьмы да от сумы не зарекайся; смелого ищи в тюрьме, а глупого — в полах, не согрешишь — не покаешься* [Росси 1991].

Нередко воровской фольклор свидетельствует о слабости закона в России и мздоимстве среди законопребержащих, см. пример: *шоколадный мент — по натуре кент* (милиционер, берущий взятки, — друг).

Особое место в составе афоризмов занимают клятвы преступников. По мнению исследователя А.К. Александрова, «клятва — это данное осужденным слово (слово чести), которое необходимо сдержать» [Александров 2002]. В арго имеется множество лексем и фразеологизмов, содержащих понятие «клятва»: *дать зарубку, зуб дать* — «поклониться», *пробожиться* — «нарушить клятву», *божба* — клятва, *божиться (забожиться)* — клясться (поклониться). Клятвы восходят к седой старине. Исследователь Д.Н. Смирнов считал, что «божба» уже имела у волжских и лесных разбойников, см. его утверждение: «Держались участники разбойничьих отрядов друг друга крепко, жили всегда табором, товарищей не выдавали, даже под пыткой. Добыча, по установившимся неписаным правилам, делилась обязательно на пересечении двух дорог. Присяга на верность общему делу сопровождалась страшными клятвами: «Разрази меня на месте!», «Убей гром!», «Лопни мои глаза!», «Отсохни рука!» и т.д. [Смирнов 1971]. В этих и подобных клят-

вах содержится наивное отношение к миру, порой в них звучит языческое начало. В настоящее время «клятвы в преступном мире имеют асоциальное или криминальное значение...» [Александров 2002], а также связаны с законами профессиональных уголовников, см. примеры: *век воли не видать!*; *век свободы (свободки) не видать!*; *легалым буду!*; *быть мне последним пидаром (пидарасом)!*; *клянусь на пидараса!*; *да чтоб мне ментом (мусором) быть!*. Невыполнение клятв (особенно несовершеннолетними правонарушителями) нередко грозит понижением их статуса в криминальной среде.

Некоторые пословицы говорят об антипатриотичности мира профессиональных преступников, см. пример: *родина вора там, где можно украсть*. Это обыгрывание известного латинского выражения: *где хорошо, там и родина*.

Многие пословицы уподобляют воровскую деятельность какой-либо честной профессии, хотя к честному труду и к труженикам криминальный мир относится с отвращением: *пей воду, как гусь, ешь хлеб, как свинья, а работай у тебя чёрт, а не я* [Комаров 1989], *худые люди молотить, а мы замки колотить* [Даль 1994]. Одним из любимых образов криминальных элементов XVIII—XIX вв. был *портной* (грабитель и разбойник), см. пословичное гнездо: *портной для шитья летней одежды* [Комаров 1989], *портной: игла дубовая, а нить вязовая; он портной: аршин дубовый, нитка вязовая; он портной: игла дубовая, а нить вязовая; он портной: аршин дубовый, нитка вязовая; он портной, а мастерская его на большой дороге под мостом; он портняжничает, по большим дорогам шьёт дубовой иглой* [Даль 1994], *портняжить с дубовой иглой* [Максимов 1971].

Нередко воровские пословицы отражают реалии определённого времени, например: *без туфты и аммонала не построили бы Беломорканала* [Сидоров 1992] (аргоизм *туфта* — обман, *аммонал* — взрывчатое вещество) — пословицы начала 30-х годов XX в.; *не труд страшен, а норма* [Росси 1990] (норма труда в 30—40-х годах XX в. в местах лишения

свободы была очень большой и её трудно было выполнить, в результате чего многие люди умирали). В 30-х годах XX в. имелась поговорка, отражающая особое отношение к судебным органам *на нет и суда нет, а есть особое совещание* [Росси 1991]. Ряд пословиц этой группы имеет сатирический характер: *всю жизнь работаю на тебя — живот* [Дубягин 1991], *не спеши на работу, а спеши на обед* [Бронников 1998], *артист-куплетист, мясник-фокусник* [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992].

Компоненты поговорок содержат различную лексику: общепросторечную, жаргонную, арготическую. Среди общепросторечной лексики значительное место занимают матерные слова и их эвфемизмы.

По своему характеру крылатые выражения частично взяты из общенародного языка, но отражают специфическую особенность жизни криминального мира. Имеется много матерных пословиц и поговорок, представляющих насмешку над законопослушным миром и новичками-преступниками.

Описание крылатых выражений может пролить свет на многие проблемы, связанные с изучением субкультуры преступного мира, которая является элементом морали и менталитета деклассированных элементов.

Проанализировав основные группы афоризмов, можно сделать следующие выводы:

1. Крылатые слова криминального мира отражают философию профессиональных преступников.

2. В них проявляется нигилизм уголовников, их мизантропическая мораль: ненависть к различным группам населения, государству, правоохранительным органам, высоким чувствам (любви, дружбе, патриотизму и проч.), церкви и религии.

3. Во многих афоризмах деклассированных элементов запечатлены воровские законы и «мудрость» преступников; в них также отражены реалии уголовного социума.

4. Устойчивые выражения свидетельствуют о неоднородном в умственном и образовательном плане криминального

мира, имеются как высокоинтеллектуальные, так и низкопробные идиомы.

8. Клички

8.1. О степени изученности и статусе клички в русской антропонимической системе

В антропонимике до сих пор недостаточно разработано учение о криминальной кличке. Возможно, изучение воровских кличек до 90-х годов XX в. для учёных-лингвистов было чревато определёнными последствиями: несомненно, описывая клички, нужно было бы говорить об их носителях — профессиональных преступниках. Может быть, поэтому до последнего времени воровская кличка являлась «опасным» объектом для изучения. На этот фактор должным образом накладывается и отпечаток эстетического отношения к языку: значительная часть учёных объектом исследования считает только нормированные формы русского языка и отвергает ненормированные.

В нашем лингвистическом материале использованы клички реально существующих (существовавших) преступников и клички криминальных элементов, зафиксированных в художественных произведениях. Конечно, значительная часть кличек относится к литературе, увидевшей свет в 1990—2000-е годы. Это связано, прежде всего, с усилением криминального мира и правдивым отражением его в художественной литературе и публицистике, отсутствием каких-либо ограничений в свободе слова. В 30—70-е годы XX в. писатели и журналисты старались воздерживаться от кличек профессиональных уголовников. Но они могли свободно использовать клички преступников 10—20-х годов XX в. как реликт царского наследия.

В лингвистике криминальная кличка почти не изучалась. Вот факты. За четверть века (с 1947 по 1972 г.) не написано ни одной кандидатской или докторской диссертации по криминальным кличкам (см., например: [Сталтмане 1976]). Учёным

проанализировано свыше 100 кандидатских диссертаций, но в них не было ни одного названия, в котором бы указывалось на изучение криминальных кличек. Не вышло ни одного (!) научного труда (монографии, статьи, заметки и проч.) по криминальным кличкам с 1963 по 1970 гг. (см.: [Ономастика: указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год. — М.: АН СССР ИНИОН, 1976]). Это верно и по сей день. Автор книги в поисках нужной научной литературы не нашёл ни одной кандидатской или докторской диссертации по кличкам преступного мира.

«Среди диссертаций по антропонимике нет ни одной юридической» [Никонов 1974]. Прошло ещё сорок пять лет, но данное утверждение актуально и по сей день. Хотя это очень важный элемент субкультуры преступного мира, знание которого может способствовать профилактике правонарушений, оперативной работе, характеристике представителей криминальной среды, выявлению различных неформальных «законов» и традиций. Изучение истории клички могло бы пролить свет на зарождение, становление и развитие преступности. Знание правил, по которым они составлены, поможет быстрее выявить преступника, уточнить его место в криминальной среде.

Многие юристы анализируют кличку часто только с практической целью: для идентификации личности преступника.

В российском языкознании лучше всего изучена официальная ономастика, менее всего — неофициальная. К неофициальной ономастике относятся нелитературные онимы различных социальных групп, наиболее заметной из них является ономастика криминального мира. Во многом они сходны и подчиняются, в основном, одним правилам.

Так, например, «официальное именование человека в развитии общества имеет свою формулу имени: определённый порядок следования антропонимов и имён нарицательных» [Подольская 1990]. Определённый, обязательный порядок имеется и в кличках, т.е. они подчиняются порядку следования компонентов в официальных антропонимах, см. примеры: *Вася Ду-*

рак, но не Дурак Вася; Дато Ташкентский, но не Ташкентский Дато.

Кличка — часть субкультуры преступного мира, своего рода образ мировидения вора. И по кличкам можно узнать, как относится к себе уголовник и как относится к нему его окружение. Кличка — это и своеобразный титул для авторитетных уголовников, и различение их статуса в криминальном мире.

Известно, что при создании официальной ономастики огромную роль сыграла неофициальная ономастика, и наоборот. Во многом они сходны. Например, В. Никонов утверждал, что имя — это пароль [Никонов 1974]. И **кличка — это также пароль, обозначающий принадлежность к тому или иному воровскому социуму.**

Перед исследователями кличек уголовного мира стоит ряд нерешённых вопросов: что такое криминальная ономастика и кличка; соотношение клички и ряда антропонимов: клички — имени; клички — отчества; клички — фамилии; клички — прозвища; клички — псевдонима; история русской воровской клички. Кроме того, следует проанализировать систему русских кличек с различных точек зрения: типологической, классификационной, семантической, грамматической и мировоззренческой; важно также определить степень влияния криминальной клички на антропонимику законопослушного общества.

При анализе кличек следует учитывать и религиозные верования, и происхождение клички в различные временные отрезки, и отношение к кличкам в разные эпохи.

8.2. О некоторых антропонимических официальных и неофициальных наименованиях человека

Одним из главных аспектов недостаточного внимания к прозвищам преступников является отсутствие точного определения выражения **русская уголовная (криминальная) кличка**. В большинстве лингвистических терминологических сло-

варей нет понятия *клички*. Не говорится, например, и о том, чем *прозвище* отличается от *клички*. Имеются лишь негодующие реплики ряда лингвистов в адрес *клички*. По мнению исследователей, на выражении **кличка преступников** (воров, уголовников, преступного, криминального мира) лежит пейоративная окраска.

Чтобы выяснить до конца суть *клички*, следует уточнить отношение к ней со стороны уголовного мира. Преступник в своей речи не использует термин *кличка*, поясняя при этом, что *клички* бывают только у животных, а употребляет арготические синонимы: *погоняло*, *погрему́ха*, *погрему́шка*, *псе́вдо* (*псе́до*), *ро́та*, *кликúха*, *кличúха*. Если говорить о частотности использования арготических синонимов *клички* в настоящее время, то следует подчеркнуть, что сейчас чаще используется воровская лексема *погоняло*. Арготическое слово *псе́вдо* — «кличка» образовано от литературной лексемы *псевдоним*. Данный синоним является косвенным свидетельством того, что преступный мир воспринимает кличку так же, как писатель или артист воспринимает свой *псевдоним*. И не простой псевдоним, а такой, который вытеснил из употребления настоящее имя, отчество и фамилию. *Рóта* — «кличка» — (данное слово как арготизм зафиксировано в 1927 г. (см., например: [Потапов 1927]), вероятно, связано с лексемой *рот*. Известно, что речи преступники придают особое значение. В арготике также *ро́та*, *ротьба́* — божба, клятва, особенно заклинания, вроде: *отсохни рука, если...* Отглагольное существительное *погоняло* вторично; несомненно, на его образование повлияло первое значение лексемы *кличка* — имя животного; *погоняло* — скорее от *погонять* (скот), см., например, *погонщик* — пастих. Ощущается и влияние арготических слов *знать*, *гонять*, *погоня́ть*: рассказывать небылицы; лгать [Шанский, Иванов, Шанская 1961].

В лингвистических терминологических словарях (см., например, «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой) отсутствует определение *криминальная кличка*, не говорится об отличии прозвища от клички.

В нашем исследовании мы будем употреблять термины *криминальная кличка*, *воровская кличка*, *кличка преступников*, *кличка уголовников*, понимая под ними прозвища деклассированных элементов: преступников различных категорий, бродяг, бомжей, босяков, беспризорников, нищих, проституток и проч. Абсолютными синонимами к указанным терминам будут: *криминальное прозвище*, *воровское прозвище*, *прозвище преступника*, *прозвище уголовника*.

Кличка вторична, но в преступной среде она вытесняет собственное имя и становится первичной. При этом должны быть соблюдены следующие условия: чтобы владелец откликнулся на неё и чтобы его данной кличкой называли «собратья». Кличка, в отличие от дворовых (уличных) прозвищ, часто «официальна», т.е. она фиксируется в регистрационных документах правоохранительных органов и досье. Несмотря на идентификационную сторону, на то, что она является признаком (приметой) своего хозяина, преступник активно её использует. Особенно это касается кличек крупных и знаменитых уголовников: воров в законе, авторитетов, серийных маньяков. Их прозвища не только вошли в анналы милицейских регистрационных бумаг, в оперативные сводки и плакаты (листовки) под рубрикой «Их разыскивает полиция», но и в различные документальные книги, описывающие преступный мир, и в детективные произведения. Что же касается прошлого, например, крупных атаманов воровских казаков, то их имена увековечены в книгах по российской истории (см., например, *Рáзя* — «С.Т. Разин», *Некράса* — «Некрасов», *Хлопúша* — «Соколов, сподвижник Е.И. Пугачёва»).

Кличка — неотъемлемый атрибут профессионального преступника. Хотя в последнее время ряд преступников, особенно те, которые стремятся легализоваться, стать «относительно честными предпринимателями», стараются избавиться от клички, как и от всего, что указывало бы на их прежний криминальный образ жизни.

В последнее время появилось много новых разновидностей преступного мира: хакеры, тоталитарные сектанты, террористы и др. Представители этих криминальных сообществ также имеют клички.

8.3. Состав и особенности русской криминальной клички

Анализ показал, что источники воровской клички могут быть самыми разнообразными: литературные лексемы, арготизмы, просторечизмы, диалектизмы и проч.

Словообразование

Имеются свои особенности и в словопроизводстве. Так, в кличках широко используется принцип противоположности с ироническим подчеркиванием физического или психического состояния личности (например, *Малыш* может означать очень высокого человека, клички *Профессор* или *Доцент* называют обычно глупого человека, *Логопед* — носитель клички имеет дефект речи и т.д. Довольно часто клички присваиваются по национальной принадлежности: *Ара* — армянин, *Хохол* — украинец и т.д.).

Все клички могут быть исконными и заимствованными. Известно, что язык стремится к компрессии, не являются исключением и клички: часть из них возникла путём усечения, причём усечению может подвергаться не только первая часть, но и вторая: см., например, кличку *Бек* от личного имени Назарбек.

Следующий способ образования — языковая игра — предполагает отход от языкового стереотипа, т.е. является заведомым нарушением существующих в языке правил. Этот процесс часто сопровождается коммуникативно-прагматической установкой на создание комического или иронического эффекта. Главная функциональная направленность таких единиц — пародирование, озорство.

Приведём наиболее распространённые признаки, по которым даются клички:

По татуировке: *Христос* — на груди носителя клички был выколот большой крест; *Крест* (на груди носителя клички выколот крест); по выражению лица: *Сурмыло* — за нелюдимость и угрюмый вид; по бывшей профессии: *Лёцман* — носитель клички является бывшим моряком торгового флота; цвету волос: *Сивый* — носитель клички имеет светло-русые с пепельным оттенком волосы; виду причёски: *Одуванчик* — за пышно взбитые волосы; по приёмам профессионального преступника: *Стукнутый* — носитель клички при каждом задержании правоохранительными органами симулирует эпилепсию, чтобы избежать наказания; по жестокому характеру: *Антихрист* — носитель клички является необычайно жестоким человеком; по наличию на лице определённых, запоминающихся примет: *Морда* — на лице носителя клички имеется след от ожога; по форме носа: *Пётя-Слон* — носитель клички имеет крупный нос, напоминающий хобот, *Паяльник* (по длинному носу).

Нередко могут быть омонимичные клички, например: *Гараж₁* — по фамилии носителя клички Гаражцева и *Гараж₂* — по внушительной фигуре носителя клички.

Бурнашóнок — подручный авторитетного преступника *Бурнашá* (*Бурнаш* в тюркских языках — «задира, холостяк, ведущий разгульную жизнь»), которого последний вовлёк в преступную деятельность в молодости, сделав его своим подручным. В настоящее время *Бурнашóнок* уже не подчиняется *Бурнашú*, но кличка за ним закрепилась. Исследователь Ю.П. Чумакова утверждает, что суффикс *-онк(-ёнк-)* «чаще всего производится от прозвища отца или деда: *Клыканёнок Вáся* — сын Зернова Андрея по прозвищу *Клыкáн...*» [Чумакова 1971].

Воровское прозвище также интересно с точки зрения происхождения и грамматики. Например, грамматической особенностью является то, что многие существительные изначально женского и среднего рода становятся существительными мужского рода.

8.4. Место клички в криминальной ономастической системе

Существует официальная ономастика и неофициальная, которая складывается из ономастик различных социальных и профессиональных групп: крестьян, школьников, преступников и проч.

В русской воровской ономастике есть несколько разделов: это криминальные антропонимы (клички), воровские топонимы и ктематонимы — сюда входят в основном, названия городов, улиц, вокзалов, кораблей и проч., например: *Гиви Батумский* — «вор в законе», *Марина* — «пассивный гомосексуалист», *Ярый* — «лидер ОПГ» (от личного имени Ярослав), *Дунькина фабрика* — прядильно-швейная фабрика в пос. Молитовка г. Нижнего Новгорода, *Под рогами* (питейное заведение или магазин, на вывеске которого имеется герб города Нижнего Новгорода — олень), *Под дёвками* (варианты: *Под монастырём*, *Под жёнским монастырём*) (магазин в Приокском районе г. Нижнего Новгорода, находящийся на нижнем этаже, а на верхних этажах расположено женское общежитие), *Утюг Коммунизма* — крейсер «Аврора». (примеры частично привлечены из работы Л. Мильяненко. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. — С.-Петербург: «Дамы и господа», 1992).

В криминальной ономастике имеются даже клички животных и насекомых, причём чаще таких, которые встречаются в местах лишения свободы. См., например, названия мышей: *Манька*, *Проглотка* (в арго *проглот* — «прожорливый человек»). А также насекомых, см. контекст: «В “Крестах”, например, распространены тараканы большие и чёрные: настолько большие, что когда они грызут завалившийся сухарик, то слышен зловещий хруст. Эти гиганты в общем безобидны; в некоторых *хатах* (тюремных камерах. — М.Г.) им давали имена: *Аркаша*, *Бим*, *Мандёла*, *Хачик* и др.» [Хабаров 1997]. Подобные клички отличаются от общенародных кличек животных и насекомых тем, что в них нередко встречаются арготизмы.

Наиболее распространёнными из всех разделов криминальной ономастики являются клички преступников. Говоря о них, мы должны учитывать и другие элементы воровской субкультуры, с которыми взаимодействует русская воровская ономастика: песнями, татуировками, аргю, пословицами, поговорками, сказками и проч. Например, в основе образования многих кличек лежат арготизмы, см. примеры: *Ры́нкин* (арг. *рынкин* — «вор, специализирующийся по кражам на рынках»), *Ширма́ч* (арг. *ширма́ч* — «вор, закрывающий при карманной краже руку «ши́рмой» — газетой, плащом, букетом цветов и т.д.). Прозвища преступного мира изменяются в зависимости от трансформации законов воровской среды и её субкультуры. Например, авторитетным уголовникам после 80-х годов XX в. не могли быть даны следующие клички: *Акроба́т* (в совр. аргю *акроба́т* — «пассивный гомосексуалист»), *Козёл*, *Козу́ля* (в совр. аргю *козёл*, *козу́ля* — «заключённый, активно сотрудничающий с администрацией ИУ; пассивный гомосексуалист»), *Кобёл* (в совр. аргю *кобёл* — «активная лесбиянка»).

Клички из поколения в поколение передаются с рассказами о похождениях знаменитых уголовников. Истории об удачливых преступниках сохраняются в криминальных сообществах долгое время (например, уголовный мир до сих помнит о *Ва́ньке Ка́ине* (Иване Осипове), *Фартóвом* (Леониде Пантелееве), а воровка *Со́ня Золота́я Ру́чка* (Софья Блювштейн) — криминальная знаменитость второй половины XIX — начала XX в. — и в настоящее время является для воров своеобразным объектом поклонения). Деклассированные элементы конца XIX — начала XX в. ещё хорошо помнили рассказы о *Ра́зе* (С.Т. Разине), считая его знаменитым волжским разбойником, (см., например: [Ильин 1912]). Клички преступников нередко используются в тюремных песнях, которые поют и сейчас.

Мы констатируем тот факт, что клички, в основе которых лежат зоо-фитонимы, были характерны на всём протяжении существования преступного сообщества. В конце XIX в. была мода на образование кличек по модели: полуимя + собственно клич-

ка (например, *Васька Козёл*, *Фёдя Осёл*). Эта же модель распространена и в настоящее время (см. примеры: *Вадик Ворона*, *Сашка Бегемот*, *Дима Комар*).

Клички, в зависимости от их характера, могут присваиваться насильно низшим кастам ИУ (*опущенным*, *чушкам*, *минам*) — и те должны откликаться на них; могут быть презрительные клички, данные содержателям публичного дома, проституткам; у будущих авторитетных преступников обязательно спрашивают: «Не обидно ли *погоняло?*». Уважительные прозвища дают *ворам в законе*, причём нередко учитывается их место рождения и место занятия криминальной деятельностью.

Кличка — устойчивая реалья. «Даже если преступник сменит фамилию и перейдёт на нелегальное положение, для сообщников он по-прежнему остаётся “*Япóнчиком*” или “*Бухáриком*” [Гуров 1990]. И в этом — отличие воровской клички от дворового или деревенского прозвища, которые могут исчезнуть по мере взросления их носителя или переезда в другую местность. Преступник до того привыкает к прозвищу, что не только откликается на него, но и представляется и подписывается им.

Для преступного мира характерно название уголовников по уменьшительным именам: *Игорёк*, *Сёва*, *Сёнечка*, *Слáвик*. Некоторые учёные называют их диминутивными именами (диминутивами), т.е. именами с ласкательно-уменьшительным оттенком значения (см., например: [Подольская 1978]). Однако в преступной среде данные диминутивы выполняют функцию не столько имени, сколько клички, следует также учитывать, что часть имён переходит в состав «полной» клички, см. *Сóнька Сини́чка*; *Па́шка Амéрика* и др. Официальные имена (Софья, Павел) в преступном мире не приветствуются.

8.5. Функции клички

Все имена собственные имеют следующие функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую; социальную, эмоциональную, указательную, экспрессивную.

В целом криминальные клички в типологическом отношении выполняют эти функции, но они могут иметь ещё и другие, специфические функции. Наиболее важными из них являются: 1) контактноустанавливающая; 2) парольная; 3) конспиративная; 4) функция устрашения; 5) ритуально-харизматическая.

Несмотря на частое случайное происхождение, в кличке заключается особая гордость профессионального уголовника, его воровская «честь». Она — предмет бережного охранения.

Кличка — это часть субкультуры преступного мира, своего рода один из элементов мировидения вора. И по кличкам можно легко узнать, как относится к себе уголовник и как к нему относится *братва*. Кличка — это и своеобразный титул для авторитетных уголовников и различие их статуса в криминальном мире. Например, клички бандитов могут быть необыкновенными с точки зрения профессиональных традиционных преступников и особенно воров в законе, см., например, *Шнурок, Сина*.

Исследователь В.А. Никонов считал, что личное имя является «паролем, обозначающим принадлежность носителя к тому или иному кругу» [Никонов 1974]. Кличка — это также пароль, обозначающий принадлежность к определённому криминальному социуму. Одни из этих кличек имеют более искусственный характер, т.е. присваиваются носителю на воровской сходке, в тюрьме и т.д., (см., например, клички воров в законе: *Моня Люберёцкий, Гиви Кутаисский*), а другие произвольно, но в силу своей специфики всё-таки указывают на принадлежность к определённой криминальной «профессии» (*Механик, Инженёр* — «вор, специализирующийся по кражам из сейфов» и проч.).

Близка к парольной контактноустанавливающая функция. Её выполняет практически любой антропоним. Согласно русскому этикету, человека нужно называть так, как он представится. И если уголовник представляется кличкой, то его нужно называть исключительно по кличке (да и следует учитывать, что другого названия его собеседник не может знать). Кличка — это

имя и фамилия для преступного мира. Одна из причин появления кличек — укрепление клановости. Отсутствие клички может вызвать недоумение или даже подозрение у коммуникантов. И это — отличие от других субкультур, где данный атрибут во все не является обязательным.

Кличка выполняет **функцию устрашения**. Когда носитель клички, уголовник, думает напугать собеседника, он представляется хриплым голосом, например: «А меня *Кóлей Грóзным* кличут. Слыхал?». Данная кличка подчёркивает, что её носитель принадлежит к миру профессиональных, традиционных уголовников, что, по его мнению, должно напугать, утратить законопослушного человека или непрофессионального преступника.

Кличка, как и любой антропоним, выполняет **номинативную, выделительную функцию**.

Приведём наиболее характерные ситуации, в которых используются клички:

1. При письменном обращении к профессиональным преступникам вор в законе обязан называть себя полной кличкой. Например, *Слáва Япóнец, Васó Сухúмский, Шúрик Устимóвский*.

2. При неформальном общении с равными уголовника могут называть сокращённой кличкой (*Македóн, Циру́ль, Япóнец*).

3. Сокращённые клички используются во время опасности.

4. Низший по рангу заключённый не имеет права называть вора в законе уничтожительной кличкой (например, *Сопля́*), а должен обращаться к нему по имени-отчеству.

Криминальные клички — это оценочные антропонимы, которые служат как для именованья объекта, так и для его характеристики, т.е. в кличке уже содержится определённая характеристика её носителя, следовательно, она может выполнять ещё и **характеристическую функцию**.

Эмоционально-экспрессивная функция. Неотъемлемым атрибутом клички является яркая эмоционально-экспрессивная окраска. Она имеет богатый спектр оттенков как уважительных, так и негативных, ласковых и грубых, с некоторой поправкой на

то, что среди воровских кличек намного больше агрессивных и уничижительных, чем в других социальных диалектах, в силу специфики деятельности их носителей.

Однако следует различать отношение к кличкам со стороны законопослушного общества и внутри криминальных сообществ. Для законопослушного гражданина многие клички несут на себе отрицательную окраску, тогда как внутри криминальных групп они могут быть нейтральными и даже уважительными. И лишь клички преступников, стоящих на низшей криминальной лестнице (*Петух*, *Крыса*), почти всегда имеют отрицательную коннотацию.

Клички с ироническим содержанием имеют распространение у криминальных элементов, занимающихся сексуальными услугами, см., например, прозвище петербургской сутенёрши — *Сашенька-Матушка* из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». В арго *мамáша*, *мáтушка* — «содержательница публичного дома, сутенёрша». Содержательниц публичных домов в XIX — начале XX в. называли также презрительно: *Мада́миха*, *Яго́риха*.

Среди кличек порой трудно провести границу, где ирония и юмор, а где сатира и оскорбление. Но, несомненно, ряд кличек имеют юмористический характер, например, *Ка́тька-Катафа́лк* — «проститутка, убившая клиента при помощи передозировки клофелина», *Полу́ндра* — «проститутка», *Та́нька-Катастро́фа* — «проститутка, связанная с профессиональными преступниками».

Клички сотрудников правоохранительных органов носят оскорбительный характер (примеры: *Легáвский* — прозвище судьи (от арготизма *легáвый* — «сотрудник правоохранительных органов»), *Драко́нчик* — прозвище прокурора (от арготизма *драко́н* — «прокурор») [Грачёв 1997].

Экспрессивность кличке придают слова, пришедшие из разных источников, как нормированных пластов лексики, так и ненормированных: арготизмов, диалектизмов, жаргонизмов детской речи (*Ка́ка*), просторечизмов (*Муда́к*). Все эти языковые

средства усиливают номинационный эффект. При образовании кличек почти не используются лексемы, обозначающие высшие человеческие качества, например, *Любовь, Гордость, Честь, Патриотизм...*

Кличка выполняет ещё и **ритуально-харизматическую функцию**, которая тесно связана с деятельностью профессиональных преступников. В криминальном сообществе представители каждой касты имеют свой набор кличек. Присвоение клички носит своеобразный ритуальный характер: обращение ко всей тюрьме в местах лишения свободы, при возведении в ранг *вóра в закóне* и проч.

Клички присваиваются в следующих случаях: при принятии в ранг *вора в законе*, при этом предыдущая кличка может быть заменена; в исправительном учреждении (если у заключённого не было ранее *погоня́ла*), причём её даёт либо камера, в которой находится осуждённый, либо вся тюрьма (*пахáн* камеры кричит в зарешеченное окно: «Тюрьма, дай *клику́ху!*»); нередко дворовое (уличное, школьное, реже деревенское) прозвище переходит в воровское. Иногда прозвище может даваться совершенно не связанными с криминальной средой людьми. Но кличка, в силу своей ярко выраженной эмоциональной окраски, подхватывается уголовниками и закрепляется в их среде.

8.6. Информативность воровской клички

Любое слово уже несёт в себе определённую информацию, чаще обобщённого характера. Слово уже обобщает... Имена же собственные выделяют реалию из числа подобных. Следует помнить, что все имена собственные могут быть искусственными и естественными. К искусственным именам относятся фамилии, полные имена, отчества, официальные топонимы и частично псевдонимы. К естественным именам относится прозвище и, как его разновидность, — кличка.

У прозвища (клички) намного больше информативности, чем у официального имени. «...Прозвище не может быть асемантическим, — справедливо замечает лингвист Н.Н. Ушаков, — это противоречит его назначению» [Ушаков 1977].

Если имя в большей степени информативно для семьи (в дальнейшем оно становится в основном дифференцирующим знаком, а вся прочая сопровождающая его информативность для окружающих быстро теряется), то происхождение клички и условия присвоения её носителю долго помнят в криминальном мире.

Любопытную мысль высказала исследователь Г. Сими́на о деревенских прозвищах: «...в некоторых отдалённых местностях информация, сообщаемая официальной фамилией, оказывается недостаточной... На определённом уровне общественной жизни продолжается тенденция двойного наименования человека» [Сими́на 1969]. Это высказывание актуально и применительно к исследуемым нами современным криминальным кличкам. Воровская специфика также требует дополнительной информации от лица, переходящего в разряд профессиональных преступников, и часть этой информации закрепляется в кличке.

Кличка является естественным атрибутом преступника, тогда как имя является искусственным образованием, т.е. родитель (священник) выбирает из ряда уже существующих имён. Приведём пример: *Волк* — древнерусское имя, данное человеку при рождении (см. реально существовавшие антропонимы: имя дьяка — Волк Курицын) и *Волк* — кличка, данная разбойнику за кровожадность. В первом случае — имя искусственное, во втором — естественное. То есть во втором случае наблюдается явная мотивация, в первом же она отсутствует.

Прежде всего следует выделить типы криминальных кличек по сфере их употребления: они могут быть реально существующими, литературно-художественными и фольклорными. Особенностью фольклорных кличек является то, что они могут

принадлежать как реально существовавшим носителям, так и выдуманным. Причём нередко им даётся непосредственное объяснение или опосредованное. Примерно то же самое наблюдается и в литературно-художественных кличках. Но в любом случае мы можем почерпнуть определённую информацию об их носителях.

Воровские клички бывают информативными и малоинформативными. Информативными являются клички, имеющие сведения о физических, психических и биографических данных, а малоинформативные — образованы от фамилий (*Колдун* — от Колдунов, *Тряпка* — от Тряпичкин). Информация здесь есть, но она больше интересна для сотрудников правоохранительных органов, чем для лингвиста. Усечённая форма фамилии уже подсказывает, от какой фамилии образовалась кличка. Тем более, что некоторые усечённые фамилии могут служить определённой характеристикой носителя клички. Несомненно, двусловные (трёхсловные, четырёхсловные...) клички несут больше информации, чем однословные.

Все клички, образованные от арготизмов, информативны. Они не только обозначают принадлежность к определённым группам уголовного мира, но и нередко отмечают какую-либо черту характера (*Тамбур* — вор в поездах и на вокзалах, *Духарик* — вспыльчивый человек) или дают физическую характеристику (*Ручкин* — безрукий человек) и проч.

Клички как собственно искусственные образования имеют место, когда их придумывают исключительно для конспирации начинающие преступники. Это наиболее распространено среди несовершеннолетних правонарушителей. Могут быть и другие причины появления кличек у несовершеннолетних. Так, известно, например, что в ВТК для несовершеннолетних девушек, находившейся в Павловском районе Горьковской области (сейчас там женский монастырь), в 60—70-х годах XX в. были клички — мужские имена: *Данёлка*, *Тимóшка*, *Фрёлка* и проч. Между тем их носители не были связаны лесбийскими отношениями! Вероятно, в данных кличках выражалась тоска по мужскому

обществу. Тогда как присвоить женское имя в Ардатовской мужской колонии для несовершеннолетних (Горьковская область) правонарушителей считалось «переводом» на низшую ступень криминальной лестницы.

Различаются клички **обидные, нейтральные и высокие**. К обидным относятся обозначения низкого статуса уголовника в криминальной среде.

Клички — это своего рода преемственность в названиях. Если рассматривать клички в диахронии, то можно заметить, что существуют целые классы, которые связаны с развитием прогресса, техники и общественной мысли. Например, до XX в. невозможны были такие клички, как *Бульдóзер*, *Трáктор*, клички, связанные с преступлениями в компьютерной сфере (например, *Ви́рус*, *Про́геймер*, *Взломщик-Хáкер*). Тогда как в настоящее время невозможны клички, которые бытовали в раннее время. Много кличек появилось в связи с эволюцией преступного мира. Акцент кличек сместился в результате изменения воровских правил.

8.7. Особенности криминальных кличек в зависимости от социума

Типы кличек. Клички, в зависимости от их принадлежности, могут быть: **тюремными, общеуголовными** (обозначения нищих, проституток, бродяг, бомжей и т.д.) и **профессиональными** (именования воров-медвежатников, воров в законе, воров-карманников, шулеров и проч.). **Профессиональные клички** имеет подавляющее большинство рецидивистов и лиц, длительное время занимающихся преступной деятельностью, поэтому они существуют почти у всех карманных и квартирных воров, шулеров, сбытчиков наркотиков и других профессиональных преступников. Кличка — обязательный атрибут участника организованной группы. В последнее время прибавились клички околोकриминальной среды, даваемые самой профессиональной уголовной средой: сотрудников правоохранительных орга-

нов, работников ресторанов и баров, таксистов и проч. Резких отличий в типологическом плане нет. Дадим краткую характеристику каждого типа клички.

Тюремные клички. Под ними подразумеваются прозвища, функционирующие только в ИУ. То есть носитель при выходе из мест лишения свободы может их не использовать. Это часто характерно для непрофессиональных преступников. К тюремным кличкам относятся и прозвища пассивных гомосексуалистов, полученных при так называемом «*опускании*». Пассивным гомосексуалистам (*опущенным*) даются женские имена, похожие на имевшиеся мужские: Матвей превращается в *Марину*; Василий — в *Василису*, Семён — в *Соню*, *Сонечку*; Олег — в *Ольгу* (*Ольку*).

Мы должны подчеркнуть любопытную особенность: в преступном мире очень не любят обозначений по фамилиям. Это понятно: конспирация. В ГУЛАГе, по мнению А.И. Солженицына, также не употребляли отчеств (или использовали их для комического эффекта).

Существуют некоторые отличия кличек несовершеннолетних преступников от прозвищ взрослых уголовников. Гамма кличек совершеннолетних преступников намного богаче, чем у подростков. По мнению исследователя В.Ф. Пирожкова, «в криминальных сообществах несовершеннолетних и молодёжи кличку имеет каждый их член. Она заменяет его имя и фамилию. В личных делах говорится о наличии кличек у 71%» [Пирожков 1994].

Воровская кличка неоднородна и в возрастном отношении, и в социальном (её могут иметь преступники, бродяги, проститутки, беспризорники и проч.), и по статусу в криминальном мире на свободе, и по степени уголовной иерархии в местах лишения свободы.

К кличкам преступников следует отнести и прозвища членов тоталитарных сект, в частности, секты Церкви Третьего Пришествия и руководителей Церкви Белого Братства. Основаниями для этого послужило следующее: большинство членов этих

сект — бывшие уголовники, причём продолжающие совершать правонарушения. Изначально данные секты созданы для совершения преступлений — завладения имуществом прихожан. Клички у них играют конспиративную функцию, т.е. служат для сокрытия фамилий, по которым правоохранительные органы и законопослушные граждане могли бы опознать бывших (настоящих) правонарушителей. Все клички имеют явно религиозный и конспиративный характер. Они представляют собой имена (нередко святых) либо древнееврейского, либо греческого языка: *Орна*, *Ено́х*, *А́вий* и др.

Новшеством среди кличек преступников представляют сейчас прозвища хакеров: *Вели́кий Маг*, *Калигула́*, *Кра́сная Ша́почка*, *Дабл*, — «член группы хакеров».

Следует уточнить утверждение юриста Ю.К. Александрова о том, что лидеров ОПГ, авторитетных преступников, знаменитых уголовников могут называть только положительными кличками. Иногда они могут иметь и неблагозвучный характер, например *Смурной*. Другое дело, что малозначительный, мелкий преступник не может называться, например, *Кня́зем*, *Боя́рином*, *Арка́шей Тамбо́вским* и проч. Это — своеобразный титул, как князь Александр Невский. «Титулы» авторитетов и воров в законе, подобные *Ва́хо Суху́мский*, *Бо́ря Бря́нский* получили широкое распространение сравнительно недавно — в конце 60-х — начале 70-х годов XX в.

Процесс использования названий городов в кличках уже наблюдался в 20-х годах XX в. (см., например, *Ва́нька Га́тчинский* — «лидер бандитов», *Бе́нчик Кие́вский* — знаменитый московский грабитель), и своё развитие данный процесс получил в 50-60-х гг. XX в. (см. примеры: *Шу́рка Пи́терский* — «вор в законе»).

Современные лидеры ОПГ, особенно бандитских группировок, имеют прозвища, образованные по моделям кличек воров в законе (см. *Сева Ангарский*, *Серё́жа Новго́родский*, *Ро́ма Каза́нский* и проч.). Похожие прозвища имеют и знаменитые шулеры и вору, специализирующиеся по кражам из сейфов:

Олёг Бакѳнский — шулер, *Гóша Пѳтерский* — вор-медвежатник и т.д. Нередко они используют более экзотичные названия: *Чёрный Оракул*, *Червóнный Туз*, *Принц*.

Ворам в законе при «*корова́ции*» стараются не давать одинаковых кличек, чтобы не было путаницы. Возможно, поэтому они и присваивают себе клички с указанием на место *короновáния*, рождения, преступной деятельности, лишения свободы, т.е. они как можно больше индивидуализируют себя.

Увлечение Западом, иностранными кинофильмами также отложило отпечаток на русские клички. Так, *Крѳстным Отцём*, *Папой* стали называть некоторых главарей ОПГ. Из героев кинофильмов у преступников популярность завоевал *Рэмбо* (не случайно эту кличку имеют многие авторитетные уголовники).

Для *воров в закóне*, лидеров ОПГ и авторитетных преступников характерны клички с положительной коннотацией, см. примеры: *Барóн*, *Боя́рин*, *Граф*, *Дипломáт*, *Дирѳктор*, *Дирижѳр*, *Док*, *Дóка*, *Дядя*, *Князь*, *Корóль*, *Принц*, *Раджá*, *Пахán*, *Дед*, *Старѳк*, *Штурман*. Клички *Барóн*, *Боя́рин*, *Граф*, *Князь*, *Корóль*, *Принц*, *Раджá*, казалось бы, уже говорят сами за себя. Хотя в последнее время кличка *Корóль* (арготизм *корóль* обозначал в 20-х годах XX в. лидера воровской шайки) в последнее время почти не используется, так как в современном арго *корóль* — «пассивный гомосексуалист». Кличку *Полкóвник* носят следующие категории уголовного мира: *вор в законе*, лидер ОПГ; члены мафиозной группировки. Носитель клички *Генерáл* — в основном лидер ОПГ. *Док* — «преступный авторитет», *Дóка* — «вор в законе» (просторечизм *дóка* — «опытный человек»). Очень популярной для знаменитых преступников является кличка *Грек*: в нашей картотеке из девяти кличек с этой номинацией семь обозначали *воров в закóне* и лидеров ОПГ. Кличку *Хозя́ин* имеет либо начальник ИТУ, либо лидер ОПГ; *Основным* называют современного вора-медвежатника, так как это одна из наиболее популярных воровских специальностей; *Профѳсором* в 70-90-е годы XX в. уважительно именовали лидеров ОПГ, *воров в закóне* и авторитетных преступников; *Ди-*

рижёр — «лидер ОПГ», *Крест (Крёстный)* — «вор в законе и лидер ОПГ» (в арго *крест, крёстный* — «вор в законе»). *Воры в законе*, лидеры ОПГ, авторитетные и уважаемые уголовники имеют следующие клички: *Мусá*, *Мустафа́* (даже если они не являются мусульманами).

Некоторые «благородные» клички даются за виртуозность совершения преступлений, см. *Маэ́стро* (в нашей картотеке имеются четыре клички, обозначающие: одесского шулера; лидера ОПГ; наёмного убийцу; вора в законе).

Используются также неблагозвучные клички. Иногда они встречаются даже среди крупных преступников. Это пошло ещё с древности, см. прозвище атамана волжских разбойников *Ляля*, будущего сподвижника С.Т. Разина (середина XVII в.); *Ляля*, как известно, женское имя, в настоящее время в некоторых диалектах обозначает проститутку или женщину лёгкого поведения, *Ва́нька Ка́ин* — знаменитый московский преступник, ставший впоследствии сыщиком Московского приказа (XVIII в.); *Колобо́к* — «авторитетный преступник» (нач. XX в.). Среди воров в законе: *Мазéна*, *Морда́к*, *Пы́нька*, *Саво́ська*, *Хохлёнок*, *Цы́цка*, *Чахо́тка*. Это клички 80—90-х годов XX в. Среди кличек 50—60-х годов XX в. также обнаружится много неблагозвучных прозвищ, таких, как *Кургу́зый* — «вор в законе», *Ся́вка* — «профессиональный преступник», *Акроба́т*, *Глист*. В 80—90-е годы XX в. *вор в законе* не мог иметь кличку *Акроба́т*, так как в арго это слово обозначает пассивного гомосексуалиста, использующего различные виды секса, да и с кличками *Глист* и *Ся́вка* (в арго *сявка* — «мелкий преступник») их носителям было тяжело пробиваться в элиту преступного мира.

Среди современных лидеров ОПГ, крупных преступников и *воров в законе* также встречаются «неблагородные» прозвища: *Зю́ня* — «авторитетный преступник»; *Зю́ля*, *Кокáн*, *Колду́н*, *Скорпио́н* — «вор в законе»; *Чума́* — «вор в законе; лидер ОПГ»; *Сиська* — «профессиональный преступник», *Ше́льма* — «крупный преступник-рецидивист».

Некоторым современным авторитетам даже присвоены женские имена, см. например, *Мáня* — люберецкий авторитет (в арг. *мáня* — «проститутка, пассивный гомосексуалист»). Между тем иметь в качестве клички женское имя чрезвычайно опасно в уголовных сообществах.

Для уголовников (как и для всех асоциальных групп русского населения) характерно и некоторое языковое юродствование. Это проявляется как в арг, см. самоназвание *ворóв в закóне* — *бродяга, босяк, сорынь* (от сор), так и в кличках. Только так можно объяснить клички авторитетных преступников *Жаба, Соринка* и проч.

Мы не должны также забывать, что клички могут иметь негативную окраску только с точки зрения восприятия их законопослушной частью общества, тогда как в криминальных социумах они либо нейтральны, либо произносятся с уважением.

Клички проституток и гомосексуалистов. Среди кличек преобладают мужские прозвища (90%), женские составляют 10%, в основном, они обозначают проституток и гомосексуалистов. Это объясняется тем, что преступники в большинстве своём мужчины.

Уже в середине XIX в. уличные и дешёвые проститутки именовались презрительно, см. примеры: *Марьяшка, Двугрошóвая, Хаврошка, Чеку́нда* (последнее слово образовано от лексемы *секунда* — намёк на то, что «обслужит» очень быстро).

Внутри элитных публичных домов, в общении между собой, проститутки использовали также далеко не благозвучные клички, например, *Мáнька Большо́я, Мáнька Крокоди́л*. Исключительно для «внешнего пользования» проститутки употребляют другие клички. Обычно они представляют звучные имена.

Отдельные клички образованы благодаря арготизмам, см. примеры: *Кро́шка* — «воровка-проститутка» (арг *кро́шка* — «любовница вора»); *Сóня-Красю́чка* — «проститутка» (арг. *красю́чка* — «красивая женщина; проститутка»).

Все клички содержательниц публичных домов имеют отрицательную экспрессию, см. примеры: *Мада́миха* — «со-

держательница проституток в Нижнем Новгороде» (конец XIX — начало XX в.), *Генриэтта-Лóшадь* — «содержательница публичного дома» (конец XIX в.), *Ната́шка-Мамáшка* (*Мамáшка*) — «содержательница нелегального публичного дома» (90-е годы XX в.).

В 40—50-х годах XX в. в преступной среде пассивных гомосексуалистов было модно называть *Вёрками*, *Зинками*, *Зойками*, *Мáньками*. В настоящее время для их обозначений используются следующие женские имена: *Лю́ся* (*Лю́ська*), *Маргарита*, *Ната́шка*, *Мару́ся* (*Ма́рья Ива́новна*, *Мáнька*). Возможно, что *Мáньками* пассивных гомосексуалистов стали именовать из-за того, что раньше так до них называли проституток.

Активные лесбиянки часто называются мужскими именами. Наиболее интенсивно данный процесс проходил в 40—50-е годы XX в. Модными в то время были мужские имена — Эдик, Сашок.

Большинство **кличек спекулянтов** произошло либо от звучных иноязычных имён, либо от названий заграничных вещей, либо от слов, указывающих на их род преступной деятельности: *До́нальд Дак*, *До́нальд*, *Бамбóино*, *Боб Колéно*, *Буонарóтти*, *Иконостáс* (намёк на торговлю иконами). Хотя имелись и неблагозвучные имена — *Лягушо́нок*, *Мышо́нок*, *Утёнок*.

Неизвестно, по какой причине **воров-карманников** часто называют *Сáшками*, хотя многие из них имеют совершенно иные имена.

Примеры кличек **фальшивомонетчиков**: *Дублёт* — фальшивомонетчик (10—20-е годы XX в.). (арг. *дублет* — «поддельный вексель»); *Рéктор* — «преступник, изготавливающий поддельные документы» (80-е годы XX в.).

Карточных шулеров нередко называют *Мастера́ми*, *Исполнителя́ми*, *Козыры́ми Туза́ми*, *Черво́нными Вале́тами*.

У **торговцев наркотиками и лидеров азиатских группировок** имеются следующие имена: *Алик* (образовано от *Али*), *Магомáй*, *Магомéд* (см. *Магомéд Большо́й*, *Магомáй Дурема́р*; *Магомéд Го́голь*).

Кавказским, закавказским и среднеазиатским преступникам клички часто даются по именам или фамилиям, причём имя и фамилия почти не подвергаются трансформации, остаются неприкосновенными, т.е. русский уголовник из-за необычного звучания уже считает их кличками, см. примеры: *Рóма Абхáзский* (Агро Роман), *Кóчик* (Асатурян Кочик), *Гурáм* (Буламов Гурам).

Удáвами, Вампíрами, Вурдалáками в криминальной среде часто называют **серийных маньяков-садистов**.

У **современных бандитов** клички, в основном, агрессивного характера: *Отморóзок, Секíр-Башкá, Тарáн, Тарáнтул*. Нередко бандиты и вымогатели (рэкетеры) выполняют одну и ту же функцию, и их клички часто совпадают. Очень распространённой среди них в 90-е годы XX в. была кличка *Качóк*.

В начале XX в. у **бандитов и беспризорников** были многокомпонентные, а также угрожающие клички, см. примеры: *Вáнька С Пя́тнышком* — авторитетный преступник, профессиональный грабитель-убийца; *Гри́шка Кобы́лья Голова́* — московский бандит; *Вáська Чёрная Метла́, Сидор С Того́ Свёта, Серге́й Мёртвая Кровь* — «несовершеннолетний правонарушитель»; *Стёпка Сту́кни В Лоб* — беспризорник.

Воров, специализирующихся по вскрытию сейфов (медвежáтников) в начале XX в. называли *Маши́нистами, Инженéрами и Меха́никами*.

Прослеживаются определённые закономерности в кличках других профессиональных преступников.

Современные **наёмные убийцы** имеют клички *Кíллер, Крова́ый, Курóк*.

Все **работники исправительных учреждений и сотрудники внутренних дел** имеют неблагозвучные клички: *Осьмигла́зый* — смотритель острога (середина XIX в.), *Мент Пога́ный* — участковый милиционер (90-е годы XX в.), *Несто́итин* — бывший майор милиции Нестоин (90-е годы XX в.) (намёк на отсутствие эрекции). Обычно подобные клички используются только между заключёнными.

Особенностью современных кличек является то, что они обозначают либо реально работающих **сотрудников правоохранительных органов**, либо ушедших со службы. То есть они, пополняя ряды преступного мира, получают также клички — и это тоже знаменье времени: профессиональные преступники согласно воровскому закону не должны иметь дело даже с бывшими сотрудниками правоохранительных органов. По большей части их клички свидетельствуют либо о прошлой, либо о настоящей работе в правоохранительных структурах, см. примеры: *Мент*, *Красный* (в арго *красный* — милиционер), *Адвокат*.

По кличкам (прозвищам) можно определить отношение молодёжи к той или иной специальности или социуму. По мнению исследователя В.Г. Попова, среди молодёжи широко распространены презрительные клички работников милиции [Попов 1998].

В воспитательно-трудовых колониях несовершеннолетние правонарушители жёстко соблюдают неписанные воровские правила, в том числе и правила, касающиеся криминальных кличек. Так, исследователь А.И. Шилов, описывая тюремные порядки в ВТК, указывал: «Завершается “*проніска*” актом социальной стигматизации: присвоением новичку **клички**, нанесением татуировок или унижительных меток» [Шилов 2003].

Иногда кличка повышает уголовный статус как в криминальной среде, так и в собственных глазах её носителя. Например, *вор в законе Мико́ла Пі́терский* с уважением произнесёт своё прозвище, а мелкий воришка *Щего́л* — с безразличием или с унижением.

Подводя итог наших размышлений о кличках, можно сделать следующие выводы.

1. Преступный мир — устойчивое сообщество с консервативными правилами поведения и со своей субкультурой, элементы которой передавались из поколения в поколение. Поэтому при наделении кличками в преступном мире соблюдались традиции.

2. Те изменения, которые происходили в общей антропонимической системе русского народа, зафиксированы в криминальных кличках.

3. Клички — неофициальные имена, этим они отличаются от официальных антропонимических единиц (полных имён, отчеств, фамилий, топонимов) и в определённой степени сходны с неофициальными личными именами.

4. Большинство кличек появляется стихийно, часть из них присваивается на воровских сходках как на свободе, так и в пенитенциарных учреждениях. Клички авторитетных профессиональных преступников являются благозвучными, однако некоторые из них, с точки зрения восприятия законопослушных граждан, могут иметь уничижительную форму. При анализе кличек следует учитывать субкультуру и философию преступного мира.

5. Все клички имеют ненормативный характер.

6. Кличка является разновидностью прозвищ. Прозвище — понятие родовое, кличка по отношению к прозвищу — видовое.

7. Современная воровская кличка имеет древнюю историю, восходящую к язычеству. Наши наблюдения показывают, что клички преступников появились очень рано, вместе с криминальным миром. Безусловным атрибутом уголовного мира стала уже во второй половине XVIII в.

8. Клички преступного мира имеют информативный характер.

9. Клички преступников, с одной стороны, несут на себе печать традиционности, а с другой — выполняют опознавательную, контактноустанавливающую и конспиративную функции, так как многие уголовники-профессионалы знают друг друга только по прозвищам. Следует обратить внимание на то, что в последнее время значительное количество профессиональных преступников, особенно тех, кто занимается, наряду с совершением преступлений, и предпринимательской деятельностью, стремится избавиться от кличек.

10. Кличка генетически вторична по отношению к нарицательному имени, а если она образована от фамилии, имени или отчества, то следует говорить уже о её третьичности. Кличка является третьим наименованием предмета, но становится в ряд с именем, отчеством и фамилией.

11. Своеобразие клички проявляется в лексике, грамматике и фонетике. Для кличек не характерна многозначность, синонимия и антонимия; в воровских прозвищах распространена омонимия и вариативность.

ПРАКТИКУМ ПО СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Задание 1. Перед экспертами поставлены следующие вопросы (приводятся в полном соответствии с оригинальным текстом указанного ранее запроса ООО «Кредо-Проф»):

1. В постановлении № 46 используется словосочетание «порядок взаимодействия органов [...] по вопросам формирования и предоставления земельных участков при строительстве, реконструкции существующих объектов недвижимости и размещения временных объектов». Относится ли словосочетание «при строительстве» к понятию «существующих объектов недвижимости»?

2. Какие значения слова «целесообразность» употребляются в документах?

3. Допустимо ли употребление в нормативных правовых актах слова «целесообразность» применительно к решениям компетентного органа?

Выводы аргументировать.

Задание 2. Пример использования одной из применяемых образовательных технологий.

Проблемно-поисковые технологии используются для осмысления конкретной проблемы. Например, студенту предлагается проблема разграничения понятий «эксперт» и «специалист». Студент самостоятельно подбирает необходимую литературу, разрабатывает проблему во всех аспектах, в том числе и приводит иллюстрации социокультурных ситуаций неразграничения данных понятий, например, в юридической практике. Готовит презентацию осмысленной проблемы. Эта же технология может использоваться при сопоставлении двух разных экспертных

заклучений по одному делу или одной социокультурной ситуации.

Например, ситуация «Собрание акционеров». Генеральный директор входит с ноутбуком. Один из акционеров кричит, чтобы он показал ноутбук, открыл документы о захвате предприятия.

Генеральный директор: «Ты больной!».

Акционер (пытается сам открыть ноутбук): «Давай, покажи нам, как ты организовал рейдерский захват».

Генеральный директор: «Ты больной!» (собирается уйти).

Акционер: «Не отпускайте его, он хочет захватить предприятие».

Генеральный директор: «Ты больной!».

В одном исследовании ситуации слово «больной» названо оскорбительным и явно циничным. В другом — слово осмысливается как негативная оценка конкретного поведения акционера в форме мнения, слово не относится к оскорбительным. Студенты должны назвать аргументы ЗА и ПРОТИВ, самостоятельно обосновать свою точку зрения.

Задание 3. Определить характер информации в высказываниях (наличия оскорбительных слов или негативной информации):

«Ты такой же урод, как и он» и «Таким, как ты, только в гестапо работать, а не адвокатом».

Задание 4. Содержится ли негативная информация в данном фрагменте заявления? В какой форме передаётся информация?

Мне как генеральному директору ООО «Лесопромышленная компания Континенталь Менеджмент», акционеру ОАО «Архангельский ЦБК» стало известно, что исполнительные органы общества в лице менеджеров умышленно по предварительному сговору с мажоритарными акционерами организовали систему похищения готовой продукции, направляемой на экспорт, путём незаконного использования индикативных цен, недостоверного

декларирования, сообщая при таможенном оформлении ложные сведения о перемещаемых товарах.

Задание 5. Является ли фраза *«В него входят Белокоровин, Дятлов, потому что они потеряли рычаги управления, потеряли возможность воровать деньги»* субъективным мнением, точкой зрения автора или утверждением о факте? Каковы варианты осмысления приведённой выше фразы?

Задание 6. Как меняется смысл фразы при замене глагола *похитить* на глагол *исчезнуть* в ситуации похищения мужа Н. Рвачёвой в Москве (официальная версия).

Исчезновение мужа А. Драчёвой (версия СМИ).

Задание 7. В какой форме передаётся информация в следующих высказываниях:

«Сам кандидат про «Единую Россию» предпочитает не упоминать», «Евгений Зарума убеждал меня, что Елезов написал заявление о выходе из партии», «Собратья по партиячке заявления не видели», «Ходили слухи, будто его тоже Родина позвала...» (утверждение, мнение, оценка?).

Задание 8. Какие варианты смысла содержатся в следующем высказывании:

«Право же, никто в архангельском гарнизоне не мог отказать А.А. Ермакову в трудоустройстве дочери, ибо Ермаков был замполитом 10-й Гвардейской дивизии ПВО».

Задание 9. Можно ли считать фразу публикации *«Кабаков сидит, а дело его живёт»* утверждением о том, что Е.С. Волкова (занимает должность Кабакова) является мошенницей?

Задание 10. Содержит ли название статьи «По следам «Крупы» утверждение, что В.Я. Крупчак является криминальным авторитетом по кличке «Крупа»?

Задание 11. Определить признаки негативной информации в высказывании:

«Крупа» организовал этукую оперативную игру под условным названием «Кинь лоха».

Задание 12. Разграничьте оскорбительные и обидные слова, сказанные в адрес различных лиц:

Мясник (хирург), толстяк (полный человек), хромой, депутатишка, токаришка, злюка (злой человек), Андрюшка (сорокалетний инженер), Любка (пятидесятилетний комендант общежития).

Задание 13. В каких ситуациях нецензурные слова не являются оскорбительными:

- а) при прямом назывании человека любым из четырёх матерных слов или их дериватами;
- б) при косвенном назывании человека нецензурными словами;
- в) при выражении восхищения каким-либо поступком, состоянием человека (например, при спасении утопающего);
- г) в случае безадресного использования (в виде междометия) обценной лексики.

Задание 14. Неприличная форма оскорбления проявляется в следующих случаях:

- а) при назывании человека пейоративными словами, в том числе грубыми зооморфизмами (например, *ослом, коровой, обезьяной, свиньёй* и проч.);

б) в СМИ оскорбительными словами, например: *лицемер, вор, жулик, бродяга*;

в) в ситуациях, противоречащих официально-правовому статусу адресата и официально-деловой обстановке (например, во время заседания в городской думе один депутат называет другого депутата *дураком*);

г) при назывании какого-либо физического недостатка оппонента.

Задание 15. Входят ли оскорбительные слова в разряд негативной информации:

а) не входят;

б) являются частью негативной информации;

в) негативная информация функционируют отдельно, оскорбительные слова — отдельно;

г) при определённых синтаксических условиях.

Задание 16. Докажите, что анонимное письмо не принадлежит Иванову Алексею Петровичу, имеющему неполное среднее образование.

Начальнику полиции
От жильца по пр. Гагарина, дома 108
А. Иванова

Уважаемый гр-н начальник!

Имею честь сообщить вам о том, что жилец квартиры № 7, проживающий под нами организовал в квартире настоящий претон. Он готовит наркотики из анфетамина и салициловой кислоты. Хотя соседям и говорит о том, что возле него собираются историки и философы со всего города, и даже к нему ездят из Таллинна и Алматы. Он что, Спиноза или Декарт? Вот, мол, какой я крутой. Могут потолковать и о совершенном человеке и об апгрейде обезьяны. То же мне, Чарльз Дарвин нашёлся! Вонючка он эдакая!

Довожу до Вашего сведения, что гости до глубокой ночи хулиганят, задвигаются наркотой и ругаются матом. А утром во время абстиненции что у них творится!

Мои справедливые обращения к участковому, старшему лейтенанту Григорьеву А.П., к сожалению, не дали никаких результатов, хотя были написаны две жалобы: одна — моя, другая — жены.

Настоятельно прошу принять срочные меры, иначе может произойти непоправимое.

15.05.2015

подпись А.П. Иванов

ПРОВЕРКА УСВОЕННОГО МАТЕРИАЛА

Уважаемый читатель! Всё ли вы усвоили из первой части учебного лингвокриминалистического материала? Для вашей проверки будут предложены следующие тесты.

1. Выявите основную задачу лингвокриминалистики как раздела науки о языке.

1. Интерпретация текстов в самых разнообразных планах.
2. Судебные лингвистические экспертизы.
3. Идентификация личности по её лингвистическим особенностям.

2. Определите два типа инвектив: *подлец, хам; дерьмократ, прихватизация.*

1. Интеллект-инвектива и профессионал-инвектива.
2. Социоморальная инвектива и каламбур-инвектива.
3. Профессионал-инвектива и полит-инвектива.

3. К какому типу экспертиз относится судебно-лингвистическая экспертиза?

1. Криминалистическая.
2. Искусствоведческая.
3. Психофизиологическая.

4. Как трактовались в уголовном дореволюционном законодательстве следующие слова: *дурак, бесчестный подлец, вор, распутная женщина?*

1. Отзывы, суждения.
2. Насмешка, презрительное выражение.
3. Злословие или поносительные слова.

5. Имеются ли в современной лингвокриминалистике особые методы?

1. Не имеются.
2. Имеются.
3. Лингвокриминалистика использует свои методы в совокупности с основными методами криминалистики.

6. Что не может определить лингвокриминалист в судебной лингвистической экспертизе?

1. Оскорбление и негативную информацию.
2. Клевету и степень морального вреда.
3. Авторство и вопросы, связанные с уточнением товарного знака.

7. Какие слова относятся к инвективной лексике?

1. Лексемы, которые неприятны человеку, но объективны.
2. Лексемы, которые унижают человека.
3. Лексемы, которые содержат иронию.

8. Можно ли по одному высказыванию определить задачи автора?

1. Можно.
2. Лингвист должен анализировать весь текст.
3. Можно, если слово имеет ярко выраженную коннотацию.

9. Должен ли эксперт при словесном оскорблении учитывать принадлежность адресата к определённому социуму?

1. Нет.
2. Должен.
3. Следует учитывать, если слово в социальном варианте языка имеет оскорбительный характер.

10. Являются ли ксенофобские прозвища и клички (типа *чурка*, *армяшка*, *черномазый*, *жид* и проч.) оскорблениями?

1. Являются.
2. Не являются.
3. Являются в определённых ситуациях.

11. Может ли обценная лексика менять свою направленность?

1. Нет.
2. Может в определённых речевых ситуациях.
3. Может.

12. Какие слова относятся к неинвективной лексике?

1. Лексемы, предполагающие оскорбление адресата.
2. Лексемы, предполагающие унижение адресата.
3. Лексемы, содержащие в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент, но не имеющие намерения унижения или оскорбления адресата.

13. Что входит в понятие «текст» с точки зрения лингвокриминалистики?

1. Письменные источники.
2. Письменный текст + его антураж.
3. Антураж письменных источников.

14. К негативной информации относится следующее определение:

1. Информация, содержащая отрицательный семантический компонент.
2. Оскорбительные слова.
3. Информация, заключённая в обидных словах.

15. Предположение содержит специальные маркеры:

1. Слова, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из возможных версий.
2. Лексемы, выражающие уверенность в происходящих фактах (*известно, фактически, точно, несомненно* и др.).
3. Утвердительные или отрицательные слова (например, *да, нет*).

16. Мнение о фактах...

1. Может быть истинным.
2. Может быть истинным или ложным.
3. Может подтверждаться или не подтверждаться.

17. В понятие *экстремизм* не входит:

1. Называние человека по национальности.
2. Высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации или репрессий в отношении какой-либо нации.
3. Высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу.

ЗАДАНИЯ ПО ВТОРОЙ ЧАСТИ КНИГИ

1. Определите тексты, относящиеся к общеуголовному, тюремному и профессиональному аргю. Переведите арготизмы. В трудных случаях используйте «Словарь тысячелетнего русского аргю» М.А. Грачёва (М.: РИПОЛ-Классик, 2003).

1.1. *Засыпалисть* мы по дурочке. Попарили гусака в бане и пошли на тучу толкать его клифт. А один фуцен возьми и звякни в ментовку.

1.2. На зоне только и любуйся на попку с железкой в скворечнике, который на тебя зырит, как бы ты не свинтил с дачи.

1.3. Только ребята поставили в стойло фуцена, так на тебе, — опера, чуть меня на кармане не взяли, а у меня и так уже две ходки за карманку. Я тут писку в сторону — и чист.

1.4. Наш катала предложил лоху купить стирь в киоске. А там у него — союзник. Он и толкнул ему бой меченый. Ну а потом пошла стрижка лоха. Не успели одного остричь, уже тащат другого лоха.

1.5. — Вчера поделился с богом. Накопилось много дров и даже одна могила есть. Никак всё это не сплавлю. Как марки-танщик?

— Болен! Менты пасут!

— Завалюсь, когда здоров будет.

1.6. Да, Сашка — кругляк: он может и ширяться, и калики захавывать и коксить.

2. Переведите дословно следующий текст (слова, выделенные курсивом, относятся к аргю).

Тюремный анекдот

Судья: Обвиняемый, что вы делали в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое августа?

Обвиняемый: *Падлой буду, начальник, не стану фармазонить, катим мы с кентом Васей по бону, два имурдюка прихватили, банку в два хвоста высосали. Смотрим, шмары на полусогнутых канают. Но нам, начальник, в натуре, не до них было: мы тачку искали. Вдруг зырю — рябуха. Я кричу: «Шеф, рябуха свободна?!» — «Свободна! Кидайте кости на заднюю седлуху». Кинули. А одна из шмар к нам на хвост села. Но мы-то хвосты с Васей живо обрубам. Я кричу: «Вась, да ты ей по жбану, по жбану!» А он как два борца нахохлился. У ней, начальник, ухито и опухли. Думаю, пора валить на хазу. А хаза маклёвая: митрофан шпилит, водяра рекой течёт. Вошли. Машинку в вену закатали, кайф словили. А крысы несчастные, землеройки поганые, менты ненасытные нас пасли. Дверь взломали и нас с Васей повязали.*

Судья: Достаточно, обвиняемый! Суд удаляется на совещание для уточнения вашей национальности.

3. Выберите правильный ответ. Определите тип арго, к которому принадлежит данное выражение.

Гута густрица:

- а) желудочные капли, которые после выпарки вводятся в вену;
- б) пистолет;
- в) любовница;
- г) чёрная вдова.

4. Найдите в тексте слова, которые нежелательны в речи криминальных элементов.

— Вы, малые, как голубки, сидите, может, дадите дяденьке прикурить?

— Слышь, микроб, вали на хрен отсюда на полусогнутых, от твоих козых носков пахнет, как из помойной ямы.

— Вот спасибо, мужики, такую обидку я никогда от бычьего рогатого не слышал, сукой буду!

— Да что ты, как баба, талдычишь, как будто мать родную удавил!

5. Определите по кличкам воровскую специальность или антисоциальную принадлежность их носителей.

Сева Новгородский, Боцман, Шнурок, Директор, Микроб, Машка, Гиви Кутаисский, Лорд, Механик, Плевок, Саша Македонский, Директор, Князь, Король, Инженер, Малой, Бактерия, Машка (кличка мужчины), Профессор, Василиса (кличка мужчины Василия), Техник, Ширмач, Арнольд, Золотая Ручка, Эраст, Катала, Офицер, Вася Бриллиант, Мастер, Дирижёр, Крест, Крестный, Олэг Бакинский, Гóша Пíтерский, Марья Ивановна (кличка мужчины), Валерка (кличка женщины), Манька Облигация, Полковник.

6. Определите по кличкам физические и психические особенности носителя клички:

Духарик, Амбал, Малышка, Шнобель, Воруйнога, Буратино, Бычара, Ручкин, Циклоп, Заяц, Японец, Калмык, Горелый, Губа, Шрам, Дед, Кудрявый, Горлохват, Беспалый, Лиса, Болтун, Ушан, Хвостобой, Логопед, Зубаня, Лысый, Тубик, Слон.

7. Прочитайте по татуировкам «биографию» представителя криминального мира.

196?; чёрт верхом на полумесяце с гитарой в руках; крыса, выколота на ягодицах; изображение гладиатора; синяк под глазом; крест на груди; роза, обвитая колючей проволокой на плече.

8. В чём сходство и различие арготизмов, жаргонизмов, общепросторечных слов и диалектизмов? Обоснуйте свой ответ.

9. Совпадают ли в восприятиях законопослушного человека и представителя криминального мира арготизмы: *мент* (полицейский), *хаза* (притон), *мусор* (сотрудник правоохранительных органов), *пропадел* (вор, изменивший преступному миру), *опричник* (сотрудник ФСБ). Обоснуйте свой ответ.

10. В чём функциональное отличие арго от тарабарского языка шулеров?

ЗАДАНИЯ ПО ЭКСПЕРТИЗАМ

Упражнение 1. Какие выводы могут быть при проведении комплексного психолого-лингвистического заключения, проведённого на основании Заявления сотрудника ООО «Призывной Советник — НН» Бадекова Н.Т. от 09.04.2012 г.

Материал исследования: Рекламный листок ООО «Призывной Советник — НН».

На разрешение специалистов были поставлены **следующие вопросы** (приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала указанного ранее Заявления):

1. Содержатся ли в словах и выражениях, используемых в доменном имени www.kazarme.net, значение призыва, побуждения к уклонению от службы в армии?

2. Содержатся ли в словах и выражениях, используемых в высказывании «Казарме — нет!», значение призыва, побуждения к уклонению от службы в армии?

3. Способствует ли рекламное сообщение «Призывной Советник — НН» уклонению от службы в армии?

4. Способствует ли доменное имя www.kazarme.net уклонению от службы в армии?

1. Исследование по первому вопросу

Описание анализируемого рекламного листка

Вверху имеется название юридической фирмы «Призывной советник» (слово «призывной» написано чёрным цветом, а слово «советник» — синим) слева от названия в виде щита — синяя эмблема с аббревиатурой ПС (вероятно, расшифровывающаяся как «Призывной советник»). Ниже под чертой в правом углу надпись «Юридическая фирма».

Внизу имеется уточняющая информация «Защита прав призывников». После неё большими цифрами написан телефонный номер юридической фирмы — 423-52-52 (номер выделен красным цветом). Далее — название сайта:

WWW.KAZARME.NET (латинским шрифтом).

Ещё ниже указан адрес юридической фирмы:

Н. Новгород, ул. Алексеевская 24а. Всё это оформлено синим цветом.

Основную часть рекламного листка занимает изображение юноши (лицо и часть грудной клетки), наполовину одетого в военную одежду, наполовину — в гражданскую.

Если рассматривать название сайта с точки зрения пунктуации русского языка, то его (с учётом точек после каждого слова) можно воспринимать как три предложения: 1) www. 2) kazarme. 3) net. При этом заметим, что net используется как домен (точно также используются *ru*, *org*, *com* и др.).

Предположим, что net можно воспринять как русское *нет*, в этом случае для лучшего понимания приведём словарные значения слов *казарма* и *нет*:

КАЗАРМА —

Особое здание для размещения воинской части. *Казармы местного гарнизона. Иметь постоянные казармы. К. артиллерийского полка.* || В России до 1917 г. здание для рабочих при фабрике, промысле и т.п. || Неодобр. Некрасивое, унылое, постороннее по шаблону здание. < Казарменный, -ая, -ое. *К-ая жизнь. К. порядок. Здание казарменного вида. К-ое положение* (в России в военное время, в период мобилизации и т.п., обязательное, постоянное пребывание в воинской части, на заводе, в учреждении). [От итал. *caserma*]. (Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 409; Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. II. С. 14).

НЕТ —

1. *Безл. в знач. сказ., кого-чего.* Не имеется в наличии, отсутствует; *противоп.* есть. *В должность пришел он с робостью и робко осведомился, тут ли его превосходительство: ответили, что нет, да и не будет.* Достоевский, Слабое сердце. [Соня:] *У меня уже нет гордости, нет сил владеть собою.* Чехов, Дядя Ваня. *Место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики.* Катаев, Цветик-семицветик. || Не существует, не бывает вовсе. *Нет худа без добра.* Пословица. *Нет такого коня, на котором от самого себя ускакать можно б было.* М. Горький, Макар Чудра.

2. *Отрицательная частица.* Употребляется как отрицательный ответ или выражение несогласия (может выступать в качестве предложения); *противоп.* да. [Загорецкий:] *На завтрашний спектакль имеете билет?* [София:] *Нет.* Грибоедов, Горе от ума.

3. *Частица.* Употребляется в повествовательной речи при передаче итогов размышления, приведшего к решительному отрицанию одного из предположений. *Нет, весь я не умру — душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит.* Пушкин, Я памятник себе воздвиг нерукотворный.

4. *Усилительная частица.* Разг. Употребляется с целью привлечь внимание собеседника к высказываемой мысли. [Ольга:] *Нет, каков этот фантазер!*

5. *Вопросительная частица.* Употребляется для выражения удивления, недоверчивости в значении: в самом деле? правда? неужели? — *Я Клавдио сестра. — Нет, три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 643; Словарь русского языка 1999, т. 2: 484—485].

В словарях просторечных слов и жаргонно-арготических отсутствует слово *казарма*, см., например, основные из них: Быков В.Б. Русская феня. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994; Грачёв М.А. Словарь современного молодёжного жаргона. М.:

ЭКСМО, 2006; Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / под общ. рук. Р.И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999; Дубягина О.П., Смирнова Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира: словарь-справочник. М.: Юриспруденция, 2001; Максимов Б.Б. Фильтруй базар: словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск: МаГУ, 2002; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992; Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

2. Исследование по второму вопросу

Теоретическая часть

Для лучшего раскрытия второго вопроса ниже приведены теоретические рассуждения о неполных и обобщённо-личных предложениях. При этом была использована следующая научная литература: Современный русский язык: учебник для студ. пед. ин-тов: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987; Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник. М.: Агар, 2000.

Обобщенно-личные предложения

Обобщенно-личные — это такие односоставные предложения, действие которых относится к обобщенному лицу, а сказуемое выражено глаголом в форме 2-го лица (реже — в других личных формах): *Слезами горю не поможешь* (пословица); *Души от ветра времени не прянь...* (Солоухин); *Собираем в августе урожай плодов* (Маршак).

Обычно действие обобщенно-личных предложений может быть отнесено к любому лицу, поэтому этот тип предложений широко распространен в пословицах. Степень обобщения дея-

теля может быть различна: действие может относиться не только к любому, всякому лицу, но и к обобщенно мыслимой группе лиц, к любому лицу, которое попадает в соответствующую ситуацию, например: *Разное занимает и душу и внимание, пока подъезжаешь все ближе к передовой. Иногда прислушиваешься к звукам боя, особенно если в них что-то вдруг меняется. А если они долго не слышны, думаешь о том, когда же прервется тишина. Хочешь не хочешь, а все равно помнишь, что и ты смертен, и как раз в тишине трудней от этого отвязаться* (Симонов).

В форме обобщенно-личных предложений излагаются советы, пожелания, приказы и т.д., адресованные не конкретному лицу, а обобщенной группе лиц: *Внимательно, неутомимо, упрямо изучайте язык* (Горький); *Подавляй в себе малейшие признаки слабоволия — капризность, обидчивость, раздражительность, слезливость, болезненное самолюбие... Повелевать самому себе, властвовать над собой учись с малого. Заставляй себя делать то, что не хочется, но надо. Долженствование — главный источник воли* (Сухомлинский).

Обобщенность деятеля имеет много общего с неопределенностью: нередко лицо намеренно не указывается, чтобы представить исполнителя действия как лицо обобщенное.

В таких случаях определенность и неопределенность деятеля сливаются с обобщенностью. Так, в стихотворении «Дом друзей» К. Симонов намеренно не называет друзей, и этим создается обобщение: *Дом друзей, где удач твоих вовсе не ценят и где счет неудачам твоим не ведут, где, пока не изменишься сам, — не изменят...* Такие предложения можно назвать неопределенно-обобщенными, так как по форме они совпадают с неопределенно-личными, а по семантике являются неопределенно-обобщенными.

На периферии двусоставных предложений находятся предложения с неопределенным и обобщенным деятелем, обозна-

ченными существительными типа *люди, человек*; местоимениями *кто-то, все, ты, мы* и др., указывающими на неопределенное или обобщенное лицо. Например: *Человек может ошибаться. Ошибку в фальшь не ставят* (Достоевский); *В рубке все молчали* (Конечкий); *Сказали мне, что заходил за мною кто-то...* (Пушкин); *Недаром сказал кто-то: нет ничего тягостнее сознания только что сделанной глупости* (Тургенев). Такие предложения по семантике сближаются с неопределенно- и обобщенноличными предложениями, но отличаются от них структурными свойствами. Значения неопределенности и обобщенности выражены местоимениями.

Структурно и семантически неполные предложения

Наиболее важной для разграничения полных и неполных предложений является структурно-семантическая классификация, в соответствии с которой к неполным предложениям относятся структурно и семантически неполные предложения. Причем основным признаком является их структурная неполнота. Структурные показатели уточняются и дополняются семантическими.

При разграничении и описании полных и неполных предложений обычно рассматриваются структурно и семантически неполные предложения, смысловая достаточность которых обусловлена ситуацией и контекстом.

По условиям и форме устной и письменной речи неполные предложения делятся на ситуативные и контекстуальные.

В ситуативно неполных предложениях недостающие члены подсказываются обстановкой, ситуацией, жестом, мимикой и т.д. Например, предложение *Идет!* дополняется деятелем подлежащим в зависимости от обстановки речи (*преподаватель, поезд, автобус, дождь* и т.д.). Учет речевой ситуации имеет первостепенное значение при изучении устной речи. Например: —

Как мил! — сказала графиня Марья, глядя на ребенка и играя с ним (Л. Толстой).

Неполные предложения ситуативного характера предполагают наличие в сознании говорящего опущенного члена в его лексической конкретности или возможность лексического выражения опущенного члена.

Контекстуально неполные предложения характерны для письменной речи. Пропущенный член есть в контексте. Деление предложений на ситуативные и контекстуальные в известной мере условно, так как в письменной речи ситуативные предложения приобретают некоторые свойства контекстуальных, ибо ситуация речи описывается, получает словесное выражение, а предмет речи (мысли) называется в контексте. Поэтому словом «контекст» («конситуация») нередко обозначают и ситуацию речи.

Обычно наличие контекста облегчает квалификацию структурно-семантического типа неполного предложения: *Но разве можно заставить замолчать песню? Певца — можно, а песню — никогда* (Гамзатов) (в ответе — неполные односоставные предложения).

Эллиптические предложения

Эллиптическими называются самостоятельно употребляемые предложения особого типа, спецификой структуры которых является отсутствие глагольного сказуемого, причем сказуемого, не упомянутого в контексте, т.е. в смысловом отношении не являющегося необходимым для передачи данного сообщения. Это предложение с нулевым сказуемым. Отсутствующее и не нуждающееся в восстановлении сказуемое, однако, участвует в формировании строя этих предложений, так как в них имеются второстепенные члены состава сказуемого. В этом отношении эллиптические предложения сближаются с неполными.

Эти предложения не нуждаются ни в контексте, ни в ситуации, для того чтобы составить представление о действии или состоянии. Оно выражается всей конструкцией в целом, цель которой

сообщить о месте, времени, способе, характеризующих действие или состояние, или указать на объект действия, направление действия: *На синем, ослепительно синем небе — полыхающее огнем июльское солнце да редкие, раскиданные ветром, неправдоподобной белизны облака. На дороге — широкие следы танковых гусениц, четко отпечатанные в серой пыли и перечеркнутые следами автомашин. А по сторонам — словно вымершая от зноя степь* (М. Шолохов); *За домом — сад, залитый солнцем* (Б. Полевой); *Теркин — дальше, автор — вслед* (А. Твардовский).

Среди эллиптических предложений выделяются предложения побудительные. Например: *Все наверх!* (А. Новиков-Прибой); *Скорей сюда, к хозяину, несчастье!* (К. Тренев); *Из особняка вышел Германов, грузно плюхнулся рядом с шофером, барски приказал: — В Сокольники!* (А. Васильев).

Эллиптические предложения обычно соотносятся с полными, в которых сказуемые выражены глаголами бытия, наличия, обнаружения, восприятия: *Вокруг месяца бледные круги* (А.Н. Толстой); *Над площадью низко нависшая пыль* (М. Шолохов), глаголами со значением речи: *Марья — ему вслед, негромко: — Хлеб весь, чай, съел?* (А.Н. Толстой), а также некоторыми глаголами движения: *Он к воротам, но из окна послышался голос матери* (И. Гончаров); *Я за ним следом* (М. Горький), глаголами со значением энергичного действия (схватить, толкнуть, ударить, бросить и т.д.): *— В огонь их!.. — пронеслось в толпе* (Д. Мамин-Сибиряк).

Лексическая ограниченность отсутствующих глаголов-сказуемых проявляется в однотипности построения эллиптических предложений: члены, их составляющие, немногочисленны.

Предложение «Казарме — нет!» является эллиптическим. Подразумевается: «Казарме скажем нет». Отсутствует сказуемое, терминологически называется нулевым сказуемым. Данное предложение побудительное эллиптическое, построенное по схеме «кому — что». Подобные: *Солнечному миру — да, да, да, / Ядерному взрыву — нет, нет, нет.*

Как указывалось ранее, под *казармой* можно понимать:

1. Особое здание для размещения воинской части. 2. В России до 1917 г. здание для рабочих при фабрике, промысле и т.п. 3. | *неодобр.* Некрасивое, унылое, постороннее по шаблону здание [Большой толковый словарь русского языка 2000: 409; Словарь русского языка 1999, Т. 2: 14].

Можно предположить, что в устной речи возможно подразумевать под *казармой* — всю армию (как метонимический перенос). Например: «Я в *казарму* (армию) не пойду». Но для открытого призыва должен быть субъект речи.

3—4. Исследование по третьему и четвёртому вопросам

Любая информация, воздействуя на человека, может создавать у него социально-психологическую установку (аттитюд, от фр. *attitude* — положение). Под установкой принято понимать внутреннюю психологическую готовность человека к каким-либо действиям. Однако формирование социально-психологической установки может происходить под воздействием извне. В этом случае установка сама по себе оказывается как бы эквивалентной потребности.

По существу **третьего вопроса** отметим следующее.

Психология традиционно рассматривается в качестве одной из наиболее важных для рекламной деятельности наук. Психология изучает механизмы влияния рекламы на психику человека, восприятия рекламных материалов, особенности потребительского поведения и его изменения под воздействием рекламы. Эффективность рекламного сообщения в значительной степени зависит от знания психологических характеристик его целевой аудитории.

Психологическая наука исходит из того, что реклама — это процесс информирования населения о товаре, ознакомления с

ним, убеждения в необходимости его покупки. Главная задача рекламы состоит в том, чтобы побудить людей приобрести этот товар, поэтому в ее основе лежит психологическое воздействие на потребителя, реализуемое в окончательном итоге в восприятии содержания рекламного сообщения и следовании его указаниям. В более узком смысле понятие рекламное сообщение означает особую форму акта коммуникации между рекламодателем и потребителем, что предполагает распространение информации о товарах и услугах при помощи различных каналов ее восприятия.

Одной из составляющих акта коммуникации является эффект коммуникации, под которым подразумевается в большинстве случаев изменение поведения получателя рекламного сообщения. По мнению В.Г. Королько, следует выделять «три основные типа результатов коммуникации:

- изменение в знаниях;
- изменение установок, т.е. изменение относительно устойчивых представлений аудитории;
- изменение поведения получателя информации» (В.Г. Королько).

Исходя из этого, постараемся ответить на вопрос, какого рода знания получают призывники, ознакомившись с содержанием данного рекламного сообщения. Очевидно, что из содержания рекламного сообщения потенциальный потребитель — призывник имеет возможность получить информацию о существовании в Нижнем Новгороде по улице Алексеевской, 24а, юридической фирмы «Призывной советник — НН», оказывающей услуги в области защиты прав призывников.

Следовательно, по первому тезису однозначно трактуемой информации о предоставлении фирмой «Призывной советник — НН» услуг по уклонению от призыва на военную службу потенциальный потребитель рекламы не получает.

Рассматривая второй тезис, следует отметить, что важнейшим психологическим процессом юношеского возрас-

та является становление самосознания и устойчивого образа «Я», открытие своего внутреннего мира. Процесс нахождения идентичности представляется значительными изменениями самосознания, а именно, когнитивной и эмоциональной его сторон и системы саморегуляции личности. Юношеский возраст характеризуется большей (по сравнению с подростковой) дифференцированностью эмоциональных реакций и способов выражения эмоциональных состояний, а также повышением самоконтроля и способов самореализации в социальном пространстве. Промежуточность общественного положения и статуса юношества определяет особенности его психики. Отечественные психологи (К.Н. Поливанова, Г.А. Цукерман, В.И. Слободчиков) рассматривают самоопределение как основное психологическое новообразование раннего юношеского возраста, которое является сформированным к 17—18 годам. У юноши, достигшего призывного возраста личностные установки по вопросу службы в армии уже сформированы. При этом у каждого потенциального призывника эти установки могут различаться. Чтобы установка изменилась, объект убеждающего воздействия должен принять продиктованный рекламным сообщением вывод.

Рекламное сообщение «Призывной советник — НН» не содержит «вывод» способствующий изменить имеющуюся у индивида установку на уклонение от службы в армии, т.е. не способствует психологическому воздействию на поведение здоровых молодых людей призывного возраста.

Резюмируя выше сказанное, рассмотрим, изменится ли поведение потребителя информации рекламного сообщения — потенциального призывника после восприятия данной информации. Очевидно, что ни изменения в знаниях, ни изменения в установках, возможно, произошедшие после восприятия и усвоения данного рекламного сообщения, не приведут к изменению поведения призывника. В новом словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой под поведением понимается реакция

организма на то или иное воздействие, раздражение. Рекламное сообщение «Призывной советник — НН» может воздействовать на индивида, так как содержит информацию, однако маловероятным представляется факт раздражения со стороны сообщения по отношению к здоровой популяции людей.

Таким образом, можно утверждать, что рекламное сообщение «Призывной советник — НН» не имеет прямого побуждающего воздействия на потенциального призывника к уклонению от службы в ВС РФ.

В отношении **четвёртого вопроса** следует отметить следующее.

Восприятие — это психический процесс, отражающий целостный образ предметов и явлений в сознании человека при их непосредственном воздействии на органы чувств. Суть этого процесса состоит в отражении реально существующего мира.

По мнению классика отечественной психологии А.Р. Лурия, процесс воспринимающей деятельности всегда определяется той задачей, которая стоит перед субъектом.

Детерминированность восприятия задачей, которая ставится перед человеком или его установкой, делает восприятие человека подвижным, а эти особенности человеческого восприятия в высокой степени зависят от той роли, которую играет в воспринимающей деятельности практический опыт субъекта и его внутренняя речь, позволяющая формулировать задачи и изменять их.

Первым законом зрительного восприятия является закон четкости структуры, согласно которому наше восприятие выделяет прежде всего наиболее четкие по своим геометрическим свойствам структуры. Доменное имя «WWW.KAZARME.NET» представленное на плакате будет восприниматься реципиентом, оно представлено четкими геометрическими линиями, не случайно данное название выделено синим цветом. При восприятии синего, наступает вегетативное успокоение. Организм настраивается на шадящий режим и отдых. Синий цвет — это цветовое выра-

жение биологической потребности: физиологически — это покой, психологически — это удовлетворение (см. Цветовой тест Люшера).

При визуализации плаката реципиент прежде всего выделяет из него наиболее четкие изображения. В данном случае — это лицо молодого человека, а доменное имя «WWW.KAZARME.NET» выполняет функцию скрытой сложной фигуры в более сильных структурах. В этом проявляется закон четкости зрительного восприятия.

Однако процесс восприятия опирается на прежний опыт, широту и глубину представлений индивида. Из чего становится понятным, что название сайта «WWW.KAZARME.NET» будет восприниматься людьми многоаспектно.

Вторым законом зрительного восприятия форм является закон «амплификации». Применительно к вышеуказанному закону название сайта «WWW.KAZARME.NET» может быть дополнено в каждом конкретном случае своей, присущей данному реципиенту, семантикой. А как известно, ассоциативное поле у каждого свое, поэтому и интерпретаций доменного имени «WWW.KAZARME.NET» может быть достаточное количество.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Свыше 136 000 слов. ст.: Ок. 250 000 семант. единиц: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. П—Я.
2. Леонтьев А.А. Психолингвистическая модель речевого воздействия // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. 1974.
3. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.
4. Королько В.Г. Основы публичных речей. М., 2000. С. 19.
5. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.
6. Собчик Л.Н. Метод цветных выборов — модификация восьмицветового теста Люшера: практ. руководство. СПб.: Речь, 2007.
7. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

Упражнение 2. Какие выводы могут быть сделаны при составлении лингвистической экспертизы об оскорбительных словах? Ответ обоснуйте. Вопросы, поставленные перед лингвистами-экспертами:

1. Имеется ли в высказывании Иванова К.М. «Владимир Иванович, ты дурак» негативная оценка личности потерпевшего, подрывающая его престиж в глазах окружающих, наносящая ущерб уважению к самому себе, унижающая его честь и достоинство? Если имеется, то выражена ли такая отрицательная оценка в неприличной форме, противоречащей нравственным нормам и правилам поведения, принятым в обществе?

2. Имеет ли фраза «Владимир Иванович, ты дурак», высказанная Ивановым К.М. в адрес Сирпенко В.И., оскорбительный характер, унижающий честь и достоинство потерпевшего и выражена ли она в неприличной форме?

3. Идёт ли речь в высказывании несомненно и именно о гражданине Сирпенко В.И.?

4. Какие типы лексики современного русского языка относятся к оскорбительной лексике?

5. Содержатся ли в предложении слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

Примечание экспертов:

Так как первый и второй вопросы одинаковы по своей сути, их следует объединить в один вопрос.

Исходя из логики исследования, следует также изменить последовательность вопросов, а именно:

1. Идёт ли речь в высказывании именно о гражданине Сирпенко В.И.?

2. Какие типы лексики современного русского языка относятся к оскорбительной лексике?

3. Содержатся ли в предложении слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

4. Имеется ли в высказывании Петрова К.М. *«Владимир Иванович, ты дурак»* негативная оценка личности потерпевшего, подрывающая его престиж в глазах окружающих, наносящая ущерб уважению к самому себе, унижающая его честь и достоинство? Если имеется, то выражена ли такая отрицательная оценка в неприличной форме, противоречащей нравственным нормам и правилам поведения, принятым в обществе?

Упражнение 3. Проведите лингвистическую экспертизу по следующему материалу.

В г. Сарове Нижегородской области существует две фирмы: одна выпускает воду под маркой «Сарова», другая фирма выпускает воду под маркой «Саровица». Первая фирма обвинила вторую организацию в плагиате.

Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

1. Являются ли слова «Сарова» и «Саровица» разными словами или это варианты одного слова?

2. От какого слова произошло образование «Саровица»: от «Саров» или «Сарова»?

Упражнение 4. Какие выводы можно сделать при ответе на вопросы, поставленные перед лингвистами-экспертами?

Материал исследования: видеофайл, формат MPEG-4; объем 81 827 КБ; продолжительность 5 минут, 59 секунд; с записью разговора (интервью) полковника Н.Г. Лонтьева с представителями прессы (далее в текстовой расшифровке — СМИ1, СМИ2).

1. Содержит ли запись сведения о совершённом преступлении (хищении) одним из заместителей руководителя Горавтотранса?

2. Если да, то в какой форме выражены эти сведения: в форме утверждений, мнений (предположений) или оценки?

3. Содержит ли запись сведения о предстоящем осуждении лиц за совершение преступлений и в какой форме это выражено (утверждение, мнение, предположение)?

4. Могут ли указанные сведения в случае их распространения опорочить честь и достоинство личности и нанести вред деловой репутации предприятия и его руководителей?

5. Имеются ли угрозы (прямые или косвенные) в отношении фигуранта, названного в видеозаписи «одним из заместителей руководителя Горавтотранса»?

Лонтьев: Возбуждено уже два уголовных дела. Даже не одно, а два.

СМИ1: Все по Горавтотрансу?

Лонтьев: Да.

СМИ1: Срок их? Какой-то период?

Лонтьев: Сейчас я сформулирую. Все отвечу вам. Хорошо?

Значит, два уголовных.. Мы сначала одно возбудили, потом второе уголовное дело возбудили по статье сто пятьдесят девятой часть третья... Пока... Возможно в дальнейшем в ходе расследования может быть установлено, и переквалифицированы уголовные дела. Ну, это из теории, но на самом деле.. работа продолжается. В ближайшее время будут новые факты выявлены хищений. Проводятся, в том числе, оперативно-розыскные мероприятия по сопровождению уголовного дела. Срок расследования согласно УПК два месяца. Ну, естественно, в два месяца оно расследовано не будет. Почему? Потому что там нужно будет и экспертизы проводить, и отрабатывать другие эпизоды. Поэтому в дальнейшем будет, что будет, мы проинформируем об этом.

СМИ1: Но этим делом уже занимаетесь не только вы, но и органы безопасности? Или только вы?

Лонтьев: Насчет органов безопасности я ничего не готов ответить

СМИ1: Ну, и возможно, что количество фигурантов будет...?

Лонтьев: Все возможно, что и количество фигурантов добавится, и новые эпизоды добавятся, потому что мы сейчас анализируем

все материалы, которые имеются у нас. Ну, а мы провели шесть обысков. Изъяли служебную документацию. Поэтому она сейчас вся анализируется, и ну там работы много, в общем.

СМИ1: А вот РСП?

Лонтьев: РСП мы не занимаемся. Это просто много комментариев всяких. Вот я ещё раз говорю, что возбуждено два уголовных дела в отношении одного из руководителей, заместителей руководителя Горавтотранса.

СМИ1: Тогда вопрос: Какое уголовное наказание предусмотрено кодексом за эту статью?

Лонтьев: Ещё раз.

СМИ1: Какое уголовное наказание предусмотрено кодексом за эту статью?

Леонтьев: За содеянное преступление?

СМИ1: Пятьдесят девять часть...

Лонтьев: Ой, вы знаете, там сто пятьдесят девятая она много чего. Там и штраф может быть, и лишение свободы, может быть и один из сопутствующих — это и запрет на занятие определенным видом деятельности, государственной деятельностью и так далее... Поэтому тут ещё... Это уже когда... Срок определяется... Вернее наказание определяется в ходе судебного расследования. Там много факторов, много составляющих: как поведут себя фигуранты и так далее.

СМИ2: Можно ещё уточнить, на основании чего это все началось? Заявление гражданина или что это? Как факт?

Лонтьев: Я могу вам сразу сказать, здесь политики никакой нету. Потому что тоже до нас доходят слухи, что там политика замешана. Нет, абсолютно всё просто и прозрачно. Нами была получена оперативная информация, которую мы обрабатывали.

СМИ2: От граждан? От граждан или от должностных лиц?

Лонтьев: От граждан...

СМИ2: Ну, политики же никакой нет.

Лонтьев: От граждан.

СМИ2: От граждан.

Лонтьев: А политики они тоже граждане.

СМИ2: Нет, в данном случае они... нет, нет, нет,.. могут во исполнение служебных обязанностей вам эту информацию донести...

Лонтьев: Нет, нет.

СМИ2: ...В рамках своей служебной деятельности.

Лонтьев: Нет, я почему и сказал, что здесь все намного проще и прозрачней — это не политика, и не от тех, кто... должностных лиц, которые исполняют свои должностные обязанности. Так будем говорить. Была получена оперативная информация, проводились оперативно-розыскные мероприятия. Когда у нас уже было достаточно оснований для возбуждения уголовного дела, все вопросы были согласованы и получено добро на возбуждение уголовного дела и у нашего руководства в Нижнем Новгороде — в ГСУ (в главном следственном управлении), и прокуратура неоднократно изучала. Поэтому вот такая ситуация. Ну, будут, возможно, будут и новые фигуранты, и будут новые эпизоды преступной деятельности. Поэтому там ещё много работы.

СМИ1: А сейчас по вашим данным, о какой сумме идет речь?

Леонтьев: Значит, мы возбудили уголовное дело на сегодняшний день где-то хищение пока в районе восьмисот пятидесяти тысяч. Это первый эпизод на триста тысяч, второй — на пятьсот с лишним. Если хотите более точно, сейчас посмотрю, если я не отдал. Пятьсот пятьдесят пять тысяч девятьсот рублей и первый эпизод — на триста тысяч рублей.

СМИ1: Спасибо.

Упражнение 5. Проведите исследование экстремистской листовки «Геноцид русского народа и пути его преодоления».

На лингвистическое исследование представлен следующий материал: ксерокопия листовки с заголовком «Геноцид Русского Народа и пути его преодоления».

Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

1. Содержат ли представленные документы высказывания, в которых имеются призывы?

2. Если да, то являются ли эти призывы призывами к осуществлению экстремистской деятельности и направлены ли они на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?

«Знать» каждый русский должен о том, что, согласно тексту, иммигранты из Азии представляют для русских смертельную опасность.

Азиаты — это азиатское зверьё, которое не пощадит никого.

Если твоими соседями стали кавказцы или среднеазиаты, **знай**, что и твоя квартира уже недолго будет принадлежать тебе.

Пусть каждый Русский **купит** себе оружие.

Пусть каждый Русский **усвоит** простейшие заповеди, нарушение которых есть преступление против Русского Народа, против многообразия форм национальной жизни

Русский, **помоги** Русскому! **Очистим** родную землю от оккупантов!».

Ответы на задания по лингвистическим экспертизам

Ответ на упражнение 1.

ВЫВОДЫ:

1. В словах и выражениях, используемых в доменном имени www.kazarme.net, **не содержится** значение призыва, побуждения к уклонению от службы в армии.
2. В словах и выражениях, используемых в высказывании «Казарме — нет!» **не содержится** однозначного открытого призыва, побуждения к уклонению от службы в армии.

3. Так как рекламное сообщение ООО «Призывной советник — НН» **не имеет прямого побуждающего воздействия** на потенциального призывника к уклонению от службы в ВС РФ, то анализируемое сообщение **не способствует** уклонению от службы в армии.
4. Доменное имя www.kazarme.net однозначно **не способствует** уклонению от службы в армии.

Ответ на упражнение 2.

ВЫВОДЫ

1. В высказывании Иванова К.М. «Владимир Иванович, ты дурак» **имеется негативная оценка** личности потерпевшего, подрывающая его престиж в глазах окружающих, наносящая ущерб уважению к самому себе, унижающая его честь и достоинство. Данная отрицательная оценка выражена при помощи инвективы и противоречит нравственным нормам и правилам поведения, принятым в обществе.
2. Фраза «Владимир Иванович, ты дурак», высказанная Ивановым К.М. в адрес Сирпенко В.И., **имеет оскорбительный характер**, унижающий честь и достоинство потерпевшего, так как содержит в себе инвективу, адресованную потерпевшему.
3. Речь в исследуемом высказывании идёт **несомненно и именно о гражданине Сирпенко В.И.**
4. **В исследуемом предложении содержится слово (дурак), относящееся к четвёртому типу оскорбительной лексики (по классификации, представленной выше).**

Ответ на упражнение 3 (экспертиза).

Вводная часть

В соответствии с характером лингвистического исследования дадим характеристику способов словообразования в русском языке и суффиксов.

Различаются следующие способы словопроизводства: морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический.

Морфологический способ словообразования заключается в присоединении к основам производящих слов различных аффиксов или в объединении с помощью аффиксов нескольких основ производящих слов в одно сложное слово. В морфологическом способе различаются следующие подвиды: а) суффиксация; б) префиксация; в) префиксация в сочетании с суффиксацией; г) постфиксация; д) префиксация в сочетании с постфиксацией; е) сложение основ; ж) аббревиация.

В соответствии с целью и задачами исследования дадим подробную характеристику способа суффиксации.

Он является одним из самых распространённых способов словообразовательной системы русского языка. Им образовано большинство слов, относящихся к различным частям речи. Только для образования имён существительных суффиксальным способом в нём используется более 220 словообразовательных типов с характерными для них суффиксами и специфичным словообразовательным значением.

Суффикс — служебная морфема, находящаяся после корня, непосредственно или после другого суффикса и служащая для образования новых слов или их несинтаксических форм.

Путём присоединения к производящим основам глаголов суффиксов *-тель*, *-ник*, *-щик*, *-льщик*, *-ец*, *-лец*, *-ун*, *-ок* и др. образуются существительные со словообразовательным значением «носитель процессуального признака; лицо, характеризующееся действием, названным глаголом, например: преподаватель, работ-ник, прицеп-щик, носи-льщик, корми-лец, прыг-ун, ход-ок».

Со словообразовательным значением «носитель признака, обозначенного прилагательным» многие существительные образованы от имён прилагательных путём присоединения к их производящим основам суффиксов *-ик*, *-щик*, *-ист*, *-ан*: производственн-ик, кранов-щик, храбр-ец, специал-ист, лих-ач.

Широко используется суффиксальный способ при образовании имён прилагательных. От основ существительных с помощью суффиксов *-ов*, *-ин*, *ий* образуются притяжательные прилагательные *отц-ов*, *сестр-ин*, *лис-ий*; с помощью суффиксов *-ск-*, *-ов-*, *-н-* и др. создаются относительные прилагательные: *желез-н-ый*, *малин-ов-ый*, *пионер-ск-ий*.

Суффиксальный способ используется также при образовании наречий, местоимений и числительных, см. примеры: *привычн-о*, *кто-либо*, *шест-ер-о*.

Суффиксы служат, во-первых, для образования родственных слов (**словообразующие суффиксы**); например, от слова *гор-а* посредством разных суффиксов образованы слова: *гор-н-ый*, *гор-ист-ый*, *гор-ец*, см. также *мороз-ец*, *смел-ость* (от *смелый*), *трактор-ист*; во вторых, суффиксы используются для различения грамматических форм слов (формообразующие суффиксы).

Формообразующие суффиксы, не изменяя лексического значения слова, изменяют только его грамматические значения. К формообразующим суффиксам относятся: суффиксы степеней сравнения прилагательных и наречий, например: *красивый* — *красив-ее* — *красив-ейш-ий*, *низко* — *ниж-е* — *ниж-айш-е*; суффиксы, служившие для образования видов одного и того же глагола — несовершенного, например: *рассказ-ыва-ть* (от *рассказ-а-ть*), и совершенного, например: *толк-ну-ть* (от *толк-а-ть*); суффикс, образующий форму прошедшего времени глагола, например: *игра-л* (от *игр-а-ть*), а также суффиксы неопределённой формы глагола: *учи-ть*, *нес-ти*.

Регулярные и нерегулярные суффиксы. В качестве значимой части слова суффиксы воспроизводятся по-разному: одни — регулярно, другие — нерегулярно, в зависимости от чего их и можно разделить на регулярные и нерегулярные.

Под нерегулярными суффиксами следует понимать такие служебные морфемы, которые воспроизводятся в составе слов постоянно и образуют определённую словообразовательную или формообразовательную модель. Слова с регулярными суффиксами составляют всегда закономерные ряды образований.

Особенность регулярных суффиксов как частей слова является явной и несомненной и осознаётся говорящими без труда. В числе регулярных суффиксов можно назвать *-тель* (учи-*тель*), *-нича-* (хозяй-*нича-ть*), *-и* (в наречиях типа дружеск-*и*).

Нерегулярными суффиксами называют служебные морфемы, которые в составе слов встречаются спорадически и воспроизводящей модели не образуют. Слова с ними представляют собой структурно изолированные и единичные образования, не составляющие какого-либо закономерного ряда. Нерегулярным, например, является суффикс *-таш* (в слове патрон-*таш*), *-ёл* (в слове коз-*ёл*), *-ух* (паст-*ух*), *-амт* (почт-*амт*) и т.д.

По характеру производительности суффиксы делятся на **продуктивные** и **непродуктивные**. О продуктивности того или иного суффикса можно говорить, лишь сравнив количество и состав содержащих его слов современного русского языка с тем, что наблюдалось в русском языке в предшествующие эпохи его развития. Продуктивными являются такие активно производящие новые слова и формы суффиксы, которые выделяются в целом ряде недавних по своему появлению в языке образований; непродуктивные же — суффиксы, с помощью которых в настоящее время новые слова и формы не образуются или же образуются очень редко. Продуктивными суффиксами в настоящее время являются: *-к* для образования существительного женского пола (*кот-кош-к-а*), *-о* (для образования наречий от прилагательных, см.: *крепкий — крепк-о*, *сильный — сильн-о*). Непродуктивными являются: суффикс *-ж-* (сравни: *продать — прода-ж-а*).

Особо выделяются суффиксы субъективной оценки имён существительных. Они придают словам различные оттенки (ласкательности, сочувствия, пренебрежения, уничижения, иронии, также уменьшения или увеличения): *-ец* (брат-*ец*, мороз-*ец*), *-ик* (билет-*ик*, букет-*ик*), *-чик* (карман-*чик*, мотор-*чик*), *-ок* (дружок, петуш-*ок*), *-иц-* (вод-*иц-а*, луж-*иц-а*), *-инк-* (пыл-*инк-а*, рос-*инк-а*), *-очк-* (звёзд-*очк-а*, морд-*очк-а*), *-ушк-* (*-юшк-*) (дед-*ушк-а*, вол-*юшк-а*), *-ышк-* (гнёзд-*ышк-о*, стёкл-*ышк-о*), *-еньк-* (дорож-*еньк-а*, руч-*еньк-а*), *-ц-*, *-иц-*, *-ец-* (зеркаль-*ц-е*, слов-*ц-о*, плать-

ищ-е), *-ашк-* (старик-*ашк-а*, морд-*ашк-а*), *-ин-* (дом-*ин-а*, урод-*ин-а*), *-ищ-* (бород-*ищ-а*, голос-*ищ-е*), *-очек* (лист-*очек*), *-ечк* (слов-*ечк-о*), *-ышек* (вороб-*ышек*).

При подготовке теоретической части была использована следующая литература.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 2009.
2. Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.
3. Русский язык. Ч I. Лексикология. Стилистика и культура речи. Фонетика. Морфология / под ред. А.М. Земского и др. М.: Просвещение, 1980.
4. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
5. Современный русский язык в трех частях / под ред. В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. М, 1987.
6. Современный русский язык / под ред. Н.М. Шанского. М., 1981.
7. Современный русский язык / под ред. Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров. М., 1978.

1. Исследование по второму вопросу

Являются ли слова «Сарова» и «Саровица» разными словами или это варианты одного слова?

Вариантами слов называются видоизменения, отличающиеся друг от друга в каком-либо отношении при сохранении тождественного морфемного состава. От вариантов слов следует отличать грамматические формы одного и того же слова. Это разновидности слова, которые отличаются друг от друга только грамматическими значениями, см. изменения слова *рыба*: *рыбы*, *рыбе*, *рыбой* и т.д. В любой своей грамматической форме слово сохраняет своё лексическое значение неизменным. Грамматическими формами являются, например, формы числа и падежа существительных, формы рода, числа, падежа, степеней сравнения прилагательных, формы склонения, времени, лица, вида, залога глаголов и т.д.

Учёные-исследователи Н.С. Валгина и К.С. Горбачевич признают в качестве варианта формальную разновидность слова

(тождественной данному слову), обладающей тем же лексическим значением и имеющей ту же морфологическую структуру. т.е. вслед за ними наличие разного значения или разных словообразовательных суффиксов мы будем рассматривать как признаки отдельных слов, а не их вариантов. При таком подходе к вариантности, например, *топорище* (большой топор) и *топориче* (рукоятка топора) — это разные слова, а *закут* и *закута* (областные слова) — варианты формы одного слова. Или еще: *закуска* и *закусь* (просторечное) — разные слова, хотя имеют одинаковое значение, но различаются морфологическим составом. В этом смысле характерен следующий пример: *закутка* и *закуток* (в значении «закут, закута» — хлев для мелкого скота) — варианты, различающиеся формой грамматического рода, а *закуток* в значении «укромный уголок в жилом помещении» — отдельное слово.

Понимание вариантности как формальной разновидности слова или его грамматической формы приводит к признанию наличия в вариантах следующих возможных признаков: различие в произношении, в расположении ударения, различие в составе формообразовательных аффиксов. В таком случае даже суффиксы субъективной оценки не могут быть признаны в качестве образующих вариантов, например: *сын-ок*, *сын-оч-ек*, *сын-ул-я*, *сыншишка* — разные слова, а *сын-ишк-а* и *сын-ишк-о* (устаревшее) — варианты одного слова.

Вариантные языковые знаки (слова, их формы и реже — словосочетания) должны обладать некоторым набором признаков: общим лексическим значением, единым грамматическим значением и тождеством морфологической структуры. Так, *чепец* и *чепчик* — это разные слова, так как в них нет тождества морфологической структуры, хотя они имеют одинаковое лексическое значение; с другой стороны, разными словами (а не вариантами) могут оказаться и одинаковые по фонетическому составу и морфологическому облику слова, имеющие разное значение; *худой* — не толстый, не упитанный; *худой* — худший, плохой (разговорное); *худой* — дырявый, прохудившийся (разговорное)

или *скобка* — пунктуационный знак; *скобка* — способ стрижки волос; *скобка* — изогнутая полукругом металлическая полоса, служащая ручкой у дверей, сундуков. Признаком разных грамматических форм слова могут служить разные грамматические значения, например: *Вы любите читать* (изъявительное наклонение), *любите книгу* (повелительное наклонение). Ещё пример: *недостаток сахара* и *недостаток сахару* (*сахара* и *сахару* — варианты формы, если они имеют одно значение — количество, нехватка сахара); если же имеются в виду разные значения — *недостаток сахара* (плохое качество) и *недостаток сахару* (малое количество), — то это не варианты, а разные формы слова.

Варианты различаются: во-первых, произношением: *булочная* — *було[ш]ная*, *темп* — *т[э]мп*, *дождь* — *дож'жъь*, во-вторых, фонемами, утратившими словоразличительную функцию: *галоши* — *калоши*, *матрац* — *матрас*; в-третьих, расположением ударения: *далеко* — *далёко*, *творог* — *творог*, *компас* — *компас* (профессиональное), *договор* — *договор* (разговорное); в-четвертых, формообразовательными суффиксами: *достигнул* — *достиг*, *намокнул* — *намок*; в-пятых, окончаниями некоторых падежей: *инженеры* — *инженера*, *пять килограммов* — *пять килограмм*, *много апельсинов* — *много апельсин*; в-шестых, звуковыми несовпадениями в некоторых приставках и суффиксах (часто это формы, восходящие к старославянскому и исконно русскому источнику; если пренебречь этимологией, можно такие параллели причислить к вариантам, так же как и вообще полногласные и неполногласные формы: *брег* — *берег*, *врата* — *ворота*, *всходит* — *восходит*, *умиротворение* — *умиротворенье*, *смирение* — *смиренье*).

Иногда возникают затруднения при рассмотрении ряда параллельных образований, в которых, в частности, суффиксы не могут быть признаны вариантами одной морфемы, так как они функционально не тождественны. Действительно, как быть с такими формами, как *волч-их-а* и *волч-иц-а*, *мостик* и *мосток*, *нос-ат-ый* и *нос-аст-ый*. Суффиксы здесь не варьируются в рамках слова, а словарно определены (ср.: *волчиха* — *слониха*,

волчица — *лисица*). Следовательно, строго говоря, это разные слова.

При квалификации вариантов следует согласиться с мнением тех лингвистов, которые строго ориентированы на лексические и материальные показатели, когда вариантами признаются регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова. Причем формальные различия слов и их форм могут иногда обнаруживаться на уровне синтаксиса (например, *кенгуру* — ж. и м. род; *кофе* — м. или ср. р. и др.)

Итак, существуют следующие виды вариантов слов:

1) акцентологические — различающиеся только ударением, см. *ба́ржа* — *баржа́*, *одновре́менно* — *одновременённо*;

2) морфологические (грамматические) — видоизменения слова, различающиеся системой окончаний, что часто связано с формой рода. Например: *глист* — *глиста*, *парафра́з* — *параффраза*, *ставень* — *ставня*. Варианты могут создаваться различием формообразующих суффиксов, например: *искренне* — *искренно*; варианты форм связаны с окончаниями и формообразующими суффиксами, см. примеры: *дверьми* — *дверями*, *лошадьми* — *лошадьями*;

3) фонетические (фонематические) — видоизменения звуковой стороны слова, различия в составе фонем, не связанные с морфологическими чередованиями и парадигматическими изменениями слова, см. примеры вариантов: *ноль* — *нуль*, *калоша* — *галоша*, *стругать* — *строгать*, *тоннель* — *туннель*.

(При создании теоретической части были использованы следующие работы: Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Московский гос. ун-т печати, 2010; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985.)

Как видим, слова *САРОВА* и *САРОВИЦА* отличаются суффиксом *-иц*. Важно доказать, что он является словообразующим, т.е. с помощью его образуется новое слово. Для этого определимся в характере суффикса *-иц*.

Бесспорно то, что он является материально выраженным (см. пример: красивый — красав-*иц*-а); продуктивный суффикс, широко используемый в русском языке, является регулярным. Ему соответствует суффикс мужского рода *-ец*. В существительных среднего рода *-иц-* используется, если ударение предшествует суффиксу; если же стоит после того, то используется *-ец-* (пальт-*ец*-о/, но: пла/ть-*иц*-е).

Суффикс *-иц-* имеет следующие значения:

1. Словообразовательная единица, образующая имена существительные со значениями: 1) лицо женского пола, которое образовано от названия соответствующего лица мужского пола (баловни́ца, вино́вница, газе́тчица, гарде́робица, да́чница, масте́рица, проро́чица, фельдше́рица, цари́ца, чи́стильщица и т.п.); 2) жена лица, названного мотивирующим именем существительным (дья́коница, испра́вница, полко́вница, пору́чица или императри́ца, цари́ца, поса́дница и т.п.).

2. Формообразовательная единица (в нашем случае — словообразовательная единица, см. предыдущие рассуждения о вариантах слова. — *М.Г.*), образующая имена существительные женского рода с уменьшительно-ласкательным, только с уменьшительным или только с ласкательным значением (вещи́ца, земли́ца, коси́ца, лу́жица, сестри́ца и т.п.).

3. Словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных женского пола со значением лица, которое образовано от названия соответствующего лица мужского пола с суффиксом *-ец-* (жни́ца, жри́ца, краса́вица, лени́вица, упря́мица, чти́ца и т.п.).

4. Словообразовательная единица, образующая имена существительные женского рода со значением предмета или явления, которые характеризуются признаком, названным мотивирующим именем прилагательным (грибни́ца, кисли́ца, лечеб́ница, листьвенница, окóнница, полови́ца, тепли́ца, яи́чница и т.п.), которые в отдельных случаях могут быть синонимичны словосочетаниям с мотивирующим именем прилагательным

(крап^ивница — крап^ивная лихора^дка, передо^вица — передо^вая статья и т.п.).

5. Словообразовательная единица, образующая имена существительные — названия самок животных (бу^йволица, верблю^дица, волчи^ца, леоп^ардица, льви^ца, медведица, орли^ца, ослица и т.п.).

6. Словообразовательная единица, образующая имена существительные женского рода, которые обозначают неудовлетворительное состояние или недостаток в чем-л., что названо мотивирующим словом (безвк^усица, безво^дица, безгол^осица, безрабо^тица, неле^пица, несуро^зица, пу^таница, ра^зница, разногол^осица и т.п.).

7. Словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных общего рода со значением лица, которое характеризуется признаком, названным мотивирующим именем прилагательным (пья^ница, тупи^ца, у^мница и т.п.).

8. Словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном женского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом (разла^дица).

9. Словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном женского рода со значением маленькой частицы однородной массы (круп^ица).

10. Словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном женского рода с собирательным значением (трои^ца) [Ефремова].

Как видим, при помощи суффикса *-иц-* появляются совершенно новые слова, обозначающие новые реалии, и отличающиеся от производящего слова родом, частеречной принадлежностью (производящее слово — прилагательное, производное — существительное), оттенками значения (уменьшительно-ласкательности, только уменьшительности или только ласкательности). Кроме того, они отличаются друг от друга и стилистически. Суффикс *-иц-* имеет значение женскости, и в этом значении он вносит оттенок разговорности. В стилистическом плане слова с данным суффиксом (если они

не являются именами собственными) не должны использоваться в официально-деловом стиле, например, не волчица, медведица, ослица, а самка волка, медведя, осла). Мы констатируем и тот факт, что слова «Сарова» и «Саровица» не подходят к выше приведённой классификации вариантов слов.

ВЫВОД

Слова «Сарова» и «Саровица» являются разными словами.

2. Исследование по второму вопросу

От какого слова произошло образование «Саровица»: от «Саров» или от «Сарова»?

Ключ к этому ответу имеет происхождение лексемы *Саров*.

САРОВ — название финно-угорское от «сары» — «болотный» и гидроформанта «ев». Археологические исследования показали, что на месте Сарова в VII—VIII вв. находился крупный древнемордовский город. Позднее место было известно как Сараклыч — город, принадлежащий татарам. С XVIII в. на месте города располагался Саровский мужской монастырь [Морохин 1997].

В пользу того что имя собственное *Саров* изначально финно-угорское слово, говорят другие многочисленные родственные топонимические названия, см.: *Сарадон, Саранск, Сарга, Сарлей, Сарма* — от мордовского *сар* — «болотистый, болотистое место». Учитывая характер образования в мордовском языке, в определённой мере мы можем предполагать, что в мордовском языке лексема *саров* была прилагательным и, перейдя в русский язык, воспринимается как прилагательное, образованное по типу притяжательных (как фамилии), сравните аналог: волхв — Волхов (название реки в Великом Новгороде).

Заметим, что рядом с г. Саровом протекает речка Сарова, в честь которой, вероятно, и была названа торговая марка «САРОВА». Лексема «Сарова» образована по типу фамилий женского рода от мужских фамилий, сравните: Саров-Сарова, Волков-Волкова, Дубов-Дубова, Дятлов-Дятлова.

Несомненно, что данное (женское) название *Сарова* (река) образовано от существительного мужского *Саров* (город), которое является производящим словом, а *Сарова* — производным от него. В то же время лексема *Саровица* также образована от слова *Саров*. При этом можно предполагать, что данное образование происходило по линии: существительное мужского рода — существительное женского рода при помощи суффикса *-иц* (см. предыдущие рассуждения). Подобных образований в русском языке достаточно много, см. некоторые примеры: дьявол — дьяволица, дьякон — дьяконица, мастер — мастерица, пророк — пророчица, царь — царица, Перун — Перуница. В нашем случае *Саров-иц-а* будет иметь значение «женское имя лица, названного мотивирующим мужским именем существительным», образованным по модели: *Саров* + суффикс *-иц* + окончание *-а*.

ВЫВОД

Образование «*Саровица*» произошло от слова «*Саров*».

Ответ на упражнение 4.

ВЫВОДЫ

1. Представленная на исследование запись **содержит сведения о хищении, совершённом одним из заместителей руководителя Горавтотранса.**
2. Обнаруженные сведения выражены в форме **утверждений** о том, что:
 - возбуждено два уголовных дела в отношении **одного из заместителей руководителя Горавтотранса**;
 - уголовные дела связаны с **хищениями**;
 - **сумма хищений** составляет 885 900 рублей.
3. Запись **содержит** сведения о предстоящем осуждении лиц за совершение преступлений. Эти сведения имеют форму **утверждений**.

4. Обнаруженные негативные сведения **могут опорочить** честь и достоинство лица, названного в записи «одним из заместителей руководителя Горавтотранса», и **нанести вред деловой репутации** собственно Горавтотрансу в том случае, **если не будут соответствовать действительности.**
5. В тексте исследуемой записи **имеются косвенные угрозы** в отношении фигуранта, названного «одним из заместителей руководителя Горавтотранса».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед лингвокриминалистикой стоит много проблем, решение ряда из них является безотлагательным. Главное, нужно создать специальные комплексные коллективы — лингвистические и юридические — на государственном уровне. Прежде всего, это должно быть связано с лингвистической реформой в области права, т.е. язык юриспруденции должен быть понятным, соответствовать требованиям времени. Между тем полицейские протоколы, следственные дела, обвинительные заключения не только неграмотны, но и содержат многочисленные двусмысленности, создающие юридические казусы. В законах мало внимания уделяется правовой стороне языка (например, о суггестивных явлениях в области рекламы, в брошюрах сектантов, в предвыборных кампаниях и проч.). Правовая регламентация использования языка сняла бы напряжённость в межнациональных отношениях, способствовала бы устранению конфликтов, устранила бы экстремистскую (или околоэкстремистскую) лексику в СМИ.

Отрадным фактом взаимодействия является сотрудничество правоохранительных органов с Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС): её члены проводят многочисленные заключения и судебные экспертизы, дают консультации правоведам по разнообразным языковым вопросам.

К сожалению, часто юристы не только не умеют правильно поставить вопросы перед экспертом-лингвистом, но и не знают элементарных языковых терминов, допускают стилистические, орфографические и пунктуационные ошибки. Юристы плохо знакомы с лингвистическими элементами субкультуры криминального мира. Языковеды же при проведении судебных лингвистических экспертиз до конца не понимают значимости их исследования для юристов, не владеют терминами юриспруденции.

Из всего сказанного напрашивается логичный вывод: нужен единый центр, который координировал бы действия лингвистов и юристов в области юриспруденции.

В книге были проанализированы типичные случаи анализа текста, разобраны лингвистические экспертизы, исследованы элементы субкультуры криминального мира.

Перед лингвокриминалистикой стоит ряд важнейших проблем, которые нужно решить в ближайшее время:

1. Уточнить место лингвокриминалистики в системе языковедения и криминалистики.
2. Выявить сходство и различие оскорбительных и обидных слов.
3. Определить роль жестов и мимики в судебных экспертизах и лингвокриминалистике.
4. Очертить круг научных дисциплин, связанных с лингвокриминалистикой; определить степень их полезности при решении конкретных юрислингвистических задач, а также для реформы суда.
5. Выработать критерии лингвистической безопасности в СМИ.
6. Провести анализ интонации и знаков препинания в судебной лингвистической экспертизе.
7. Уточнить особенности негативной информации в СМИ.
8. Выявить проявления экстремизма в современных СМИ.
9. Описать опыт судебных лингвистических экспертиз, связанных с экономическими вопросами (уточнение значения товарного знака, нарушение законов о рекламе и проч.).
10. Разработать основы лингвистических экспертиз, связанных с документами.
11. Исследовать особенности речеведческой экспертизы
12. Проанализировать степень влияния элементов криминальной субкультуры на законопослушное общество.

Литература

Научная литература

1. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2009.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2008.
3. Аврамцев В.В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: традиционные подходы и нетрадиционные аспекты: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004.
4. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. М.: Флинта: Наука, 2008.
5. Александров Ю.К. Криминальная субкультура. Интернет-Сайт. 2002.
6. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003.
7. Алексеева Л.В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.
8. Андреев В.Н. Квазионимы в русском арго: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005.
9. Андреева Л.И. Семантика литературного антропонима // Русская ономастика. Рязань, РГПИ, 1977.
10. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007.
11. Анисимков В.М. Тюремное община: «вехи» истории. Историко-публицистическое повествование. М., 1993.
12. Анисимова Е.Е. Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак-тов иностр. яз. вузов. М.: Академия, 2003.
13. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71—78.
14. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. М., 1978.
15. Антонов О.Ю. Теория и практика выявления и расследования электоральных преступлений: монография. Ижевск: Изд. дом Удм. ун-та, 2008.

16. Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в период 1827—1846 гг. // Мат-лы уголовной статистики. 2-е изд. СПб., 1873.
17. Архимандрит Никифор // Библейская энциклопедия. М., 1891.
18. Аубакирова А.А. О природе деятельностных экспертных ошибок // Судебная экспертиза. 2009 № 1 (17). С. 18—21.
19. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М.: Сов. Россия, 1988.
20. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
21. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: учебник. М.: Инфра-М, 2005.
22. Баранников А.П. Цыганские элементы в русском воровском аргю // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7.
23. Баранов А.Н. Авторизация текста: пример экспертизы // Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М., 2001.
24. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
25. Баранов А.Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000.
26. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.
27. Баранов А.Н., Грунченко О.М., Левонтина И.Б. Лингвистическое исследование текстов для выявления в них призывов к осуществлению экстремистской деятельности: метод. рекомендации по интерпретации смысла призывов (типовая методика) / под ред. проф. Л.П. Крысина. М., 2008.
28. Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. 2000. № 11.
29. Бахтиев Ш.Р. Жигули // Русская речь. 1970. № 1.
30. Белгориц-Котляревский Л.Н. О воровстве — краже по русскому праву. Киев, 1880.
31. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: НОРМА, 2007.

32. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001.
33. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000.
34. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997.
35. Бельчиков Ю.А. Лингвистическая экспертиза по документационным и информационным спорам и словари // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. мат-лов науч.-практ. семинара. 7—8 декабря 2002 г. / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2003. Ч. 2. С. 32—48.
36. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: сб. мат-лов. М.: Информкнига, 2010.
37. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М.: ЧеРО, 1999.
38. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2003.
39. Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта: МПСИ, 2009.
40. Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск, 1975.
41. Бестужев-Лада И.В. Имя собственное: прошлое и настоящее // Советская энциклопедия. 1968. № 2.
42. Болховитинов Е. О личных собственных именах // Вестник Европы. М., 1943. Ч. LXIX.
43. Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М.: Наука, 1970.
44. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983.
45. Бондалетов В.Д. Русский именник прежде и теперь // Русская ономастика. Рязань: РГПИ, 1977.
46. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1989.
47. Бондалетов В.Д. Условные языки ремесленников и торговцев (Условные языки как особый тип социальных диалектов): учеб. пособие. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ин-та, 1974. Вып. 1.

48. Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1966.
49. Бондалетов В.Д. Цыганизмы в составе условных языков: сб. науч. ст. Саратов. гос. ун-та // Язык и общество. Саратов, 1968. Вып. 1.
50. Бондалетов В.Д., Данилина Е.Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика. М.: Наука, 1970.
51. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.
52. Борисова-Лукашанец Е.Г. О лексике современного молодёжного жаргона: Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60—70-х годов // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
53. Брейтман Г.Н. Преступный мир: Очерки из быта профессиональных преступников. Киев: Тип. губ. правл., 1901.
54. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: ЛИБРИКОМ, 2013.
55. Бринев К.И. Лингвистическая экспертиза: справ. мат-лы. Барнаул-Кемерово, 2009.
56. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009.
57. Бронников А. Тело-вернисаж: татуированная преступность России. Пермь: Звезда, 1998.
58. Бугаев К.В. О проблемах оценки экспертной деятельности как элементе взаимодействия сотрудников следственных и экспертных подразделений // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск: Омская академия МВД России. 2008. № 1 (32). С. 16.
59. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005.
60. Быков В.Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

61. Быков В.В., Земскова С.И. Судебные грабли: Проблемы юридической безопасности работников СМИ: монография. М.: Галерея, 2004.
62. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998.
63. Ванаев С.Ю., Голубятников С.Л., Леханова Е.С., Тимченко В.А., Чих Н.В. Документальные проверки и судебно-экономические экспертизы по делам о налоговых преступлениях: практ. пособие. Н. Новгород: НИОИ МВД РФ, 1999.
64. Ванюшечкин В.Т. Семантика и словообразовательная структура диалектных прозвищ // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1971.
65. Васильева В.Д., Клюева Н.П., Ушаков Н.Н. О грамматических особенностях прозвищных имён // Ономастика и грамматика. М.: Наука, 1981.
66. Ведин Т.Ф. Словарь фамилий. М.: АСТ, 1999.
67. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
68. Взгляд: ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности. 2005. № 1 (6).
69. Визгалов П.И. Соответствие прозвища объекту // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.
70. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
71. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.
72. Виноградов В.Д., Фролова И.А., Сметанина Н.П. Невербальные средства общения: учеб. пособие / Нижегородский пед. ун-т. Н. Новгород, 1994.
73. Виноградов Г.С. Детские тайные языки // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 2 (6).
74. Виноградов Г.С. Детские тайные языки: Краткий очерк // Русский школьный фольклор. От «вызывания» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. М.: Ладомир: АСТ-ЛТД, 1998.
75. Виноградов Н.Н. Условный язык заключённых Соловецких лагерей особого назначения // Соловецкое общество краеведения: мат-лы. Соловки, 1927. Вып. 17.

76. Внуков В.И., Зайцева Е.А. Независимая экспертиза в уголовном судопроизводстве России. Волгоград: ВА МВД России, 2008.
77. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. М.: Антидор, 2004.
78. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 180—189.
79. Гавелок В. Преступник. СПб., 1887.
80. Гаврилов Л. Психология безысходности и страха // Гуров А.И., Рябинин В.Н. Правители преступного мира. М.: Зелёный парус, 1991.
81. Галкина-Федорук Е.А. Современный русский язык. М., 1969.
82. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976. С. 95—96.
83. Галяшина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации. М., 2007.
84. Галяшина Е.И. Лингвистика VS экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2006.
85. Галяшина Е.И. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств // Право и лингвистика: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Симферополь: ДОЛЯ, 2003. Ч. 2. С. 15—22.
86. Галяшина Е.И. Использование специальных знаний судебных речеведческих экспертиз в деятельности адвоката // Адвокатура. Государство. Общество: сб. мат-лов IV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.И. Володина, Ю.С. Пилипенко. М.: Новый учебник, 2007. С. 138—147.
87. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006.
88. Галяшина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации. URL: <http://www.rusexpert.ru/magazine/034.htm>
89. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения: монография / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003.
90. Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: мат-лы науч.-практ. семинара. М., 2003. Ч. 2. С. 58—64.

91. Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 12—29.
92. Галяшина Е.И. Современное состояние и актуальные проблемы судебной лингвистической экспертизы в России и за рубежом // Российское право в Интернете. 2008. № 3. URL: <http://rpi.msal.ru/prints/200803galyashina.html>
93. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы // Эксперт-криминалист. 2009. № 2. С. 14—16.
94. Галяшина Е.И. Экспертная методика в современной теории и практике судебной экспертизы // Мат-лы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 25—26 января 2011 г.). М.: Проспект, 2011. С. 6—11.
95. Галяшина Е.И., Земскова С.И. Противоречия в понимании диффамации в Гражданском кодексе РФ и Уголовном Кодексе РФ // Lex Russia. 2011. № 6. С. 1148—1154.
96. Галяшина Е.И., Приводнова Е.В. Автороведческая экспертиза в российском судопроизводстве // Lex Russia. 2006.
97. Галяшина Е.И., Земскова С.И., Подкатилина М.Л. Памятка по вопросам назначения лингвистической экспертизы по делам об экстремизме / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012.
98. Гладкова А.Н. Лингвокультурологический анализ прозвищных номинаций президентов США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, НГЛУ, 2003.
99. Глинских Г.В. Классификация нарицательной лексики и топонимия // Вопросы ономастики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15. Свердловск: УРГУ, 1982.
100. Глубоковский Б. «49». Материалы и впечатления о Соловецком лагере особого назначения. О. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1926.
101. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте её взаимоотношения с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. Вып. 2.

102. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.
103. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998.
104. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. М., 1997.
105. Гольцова Н.Г., Янкелевич Г.Е. Русский язык (с элементами практической стилистики и основами редактирования). М.: Высшая школа, 1990.
106. Гомон Т.В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой. М., 1990.
107. Горбаневский М.В. В мире имён и названий. М.: Знание, 1987.
108. Горбаневский М.В. Иван да Марья. М.: Русский язык, 1984.
109. Горбаневский М.В. Об ответственности за слово // Русская речь. 2007. № 1.
110. Горбаневский М.В. Об основе лингвистической экспертизы конфликтного текста СМИ: стилистический анализ // «Язык вражды» и свобода слова: Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле / Профессиональная этика журналиста: раб. мат-лы: в 2 ч. М.: Галерея, 2003. Ч. 1. В поисках «мерной линейки». С. 68—76.
111. Горбаневский М.В., Максимов В.О. Вре́мён связующая нить: Фамилии — памятники языка, истории, религии, культуры народов России. М.: История фамилии, 2008.
112. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 2004.
113. Горохов Б.А., Кнышев В.П., Потапенко С.В. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В.Н. Соловьева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009 (вопрос 25).

114. Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991.
115. Грачёв М.А., Мокиенко В.М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб.: Фолио-Пресс, 2000.
116. Грачёв М.А., Савинов М.С. Народная топонимика Нижнего Новгорода // Нижний Новгород. Н. Новгород, 1999. № 7.
117. Грачёв М.А. Аббревиатуры-татуировки деклассированных элементов как лингвистический объект исследования // Виноградовские чтения: Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики: Тезисы докладов научной конференции (2 февраля 2000 года). М.: Гос. институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2000.
118. Грачёв М.А. Блатные слова в современной прессе // Русская речь. 2001. № 5.
119. Грачёв М.А. В королевстве кривых зеркал // Вечерняя средняя школа. 1994. № 3.
120. Грачёв М.А. Взаимодействие терминологической системы и социальных диалектов // Термины в научной литературе: межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т. Горький, 1989.
121. Грачёв М.А. Жаргон похитителей антиквариата как отражение их криминального образа жизни // Криминологические проблемы борьбы с преступностью в сверхкрупном городе: сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Гладких. М.: ВНИИ МВД России, 1994.
122. Грачёв М.А. *За нами волна*: О жаргоне волжских разбойников // Волга. Саратов, 1994. № 1.
123. Грачёв М.А. Забытая рукопись // Русская речь. 2001. — № 3.
124. Грачёв М.А. Из истории русского арга XI—XVIII вв. // Wiener slawistischer Almanach. W., 1995.
125. Грачёв М.А. Использование некоторых терминов социальной диалектологии в русской лингвистической литературе // Гуманитарные термины в специальной литературе: межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т. Горький, 1990.
126. Грачёв М.А. История слова блат // Нормы древнерусского и старорусского языков в диахроническом аспекте: межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т. Горький, 1988.

127. Грачёв М.А. К вопросу о генезисе фразеологизма *вор в законе* // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых учёных 16—17 марта 2004 г. Н. Новгород, 2004.
128. Грачёв М.А. К вопросу о культуре речи бизнесменов // Кадры регионов: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород: 26—27 сентября 2001 г. Н. Новгород: НИМБ, 2001.
129. Грачёв М.А. К вопросу о функционировании зоо- и фитоморфизмов в русском арго // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1998. Вып. 2 (№ 9).
130. Грачёв М.А. К истории слов *мазурик пижон, шкет, шпана* // Семантика слова в истории русского и древнерусского языков: межвуз. сб. Горький, 1989.
131. Грачёв М.А. Как бороться с сорняками? // Педагогическое обозрение. Н. Новгород, 1994. № 2.
132. Грачёв М.А. Как появляются арготизмы в русской речи? // Русская речь. 1996. № 4.
133. Грачёв М.А. Карфаген должен быть разрушен // Русская речь. Н. Новгород, 2000. № 4.
134. Грачёв М.А. Культура речи и ненормативная лексика // Педагогическое обозрение. Н. Новгород, 1997.
135. Грачёв М.А. Место арготического слова в мировоззрении деклассированных элементов // Языковая семантика и образ мира: тезисы междунар. конф., посв. 200 летию университета. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. Кн. 1.
136. Грачёв М.А. Механизм перехода арготизмов в общенародный русский язык // Русский язык в школе. 1996. № 5.
137. Грачёв М.А. Ненужные слова в русской речи // Очерки по философии культуры: сб. ст. / Горьк. гос. пед. ин-т. иностр. яз. Н. Новгород, 1993.
138. Грачёв М.А. Неоправданное использование арготизмов в современной детективной литературе // Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста: мат-лы межвуз. науч. конф. 17—18 февраля 2000 г. Соликамск, 2000.
139. Грачёв М.А. О жаргоне воров-карманников // Записки криминалистов. М., 1995. Вып. 5.

140. Грачёв М.А. О культуре русской речи // *Alma mater*. 2000. № 4.
141. Грачёв М.А. Об этимологии в русском аргю // *Русская речь*. 1994. № 4.
142. Грачёв М.А. Опыт лингвоюридического исследования аргю деклас- сированных элементов в романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» // *Язык. Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр.* Н. Новгород: Ниж гос. лингв. ун-т, 1999. Вып. 2. Ч. 1.
143. Грачёв М.А. Особенности арготических фразеологизмов // *Nowa frazeologia w nowej Europie: Tezy referatow konferencyi nankowej, Szczecin, 6—7 wrzesnia 2001*. Greifswald, 2001.
144. Грачёв М.А. Особенности функционирования арготизмов в языке художественной литературы // *Русское художественное слово: Многообразии литературоведческих и лингвистических методов*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994.
145. Грачёв М.А. По *фене ботаю* — тюрьму схлопотаю // *Русская речь*. 1993. № 4.
146. Грачёв М.А. Принципы этимологизации арготизмов // *Язык. Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр.* Ч. I. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1998.
147. Грачёв М.А. *Русское аргю: монография*. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997.
148. Грачёв М.А. Социодialeктизмы в трудах В.И. Даля // *Язык. Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр.* Вып. 3. Ч. 1. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2000.
149. Грачёв М.А. Татуировки декласированных элементов как лингвистический объект исследования // *Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. тр.* Вып. 4. Ч. I. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001.
150. Грачёв М.А. Третья волна // *Русская речь*. 1992. № 4.
151. Грачёв М.А. Употребление в памятниках русской письменности слова *sary* и его производных // *Взаимодействие слова и контекста в истории древнерусской и русской письменности: межвуз. сб. науч. тр.* / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 1990.
152. Грачёв М.А. *Экология языка* // *Нижний Новгород*. Н. Новгород, 1998. № 6.

153. Грачёв М.А. Языковая игра в аргю // Язык. Система. Личность: мат-лы докладов и сообщений междунар. науч. конф. 23—25 апреля 1998 г. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ин-т, 1998.
154. Грачёв М.А. Лингвокриминалистика. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009.
155. Грачёв М.А. Проблемы становления и формирования лингвокриминалистики как науки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 497—500.
156. Грачёв М.А., Маркова Т.Д. Языковой экстремизм: из опыта лингвоэкспертных исследований. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009.
157. Грачёв М. А., Кожевников А.Ю. К вопросу о социальной диалектологии русского языка // Филологические науки. 1996. № 5.
158. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005.
159. Губаева Т.В. Заключение эксперта-лингвиста как судебное доказательство // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных и информационных спорах. М.: Галерея, 2002.
160. Губаева Т.В. Заключение эксперта-лингвиста как судебное доказательство // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: мат-лы межрегионального науч.-практ. семинара. Москва, 7—8 декабря 2002 г. Ч. 1 / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2002. С. 49—51.
161. Гуров А.И. Криминальный профессионализм и борьба с ним. М., 1983.
162. Гуров А.И. Организованная преступность — не миф, а реальность. М., 1990.
163. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990.
164. Гуров А.И. Три туза и напёрсток // Империя страха. М.: Макет Лимитед, 1993.
165. Данилина Е.Ф. Личные официальные имена в современном русском языке (Специфика. Словообразование): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1970.

166. Данилина Е.Ф. Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М.: Наука, 1979.
167. Данилова З.А. К вопросу о мотивах выбора личных имён // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.
168. Дарвин Ч. Сочинения / пер. С.Л. Соболя; под ред. акад. Е.Н. Павловского; Изд. АН СССР. М., 1953. Т. 5.
169. Дашков Г.В. О российской оценке современных зарубежных подходов к решению межнациональных конфликтов // Россия: преобразования, развитие, инновации / Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова. М., 2011. С. 26—30.
170. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. М., 1983. № 6. С. 58—67.
171. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Белгород: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
172. Демьянков В.З. Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. С. 109—116.
173. Демьянков В.З. Интерпретация текста и стратагемы поведения // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. С. 109—116.
174. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. М., 1983. № 6. С. 58—67.
175. Диффамация в СМИ / авт.-сост. Г.Ю. Арапова, М.А. Ледовских. М.: Престиж, 2006.
176. Дмитриев В.Г. Придуманые имена (рассказы о псевдонимах). М.: Современник, 1986.
177. Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русских арга // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7.
178. Дмитриев Е.Н. Судебная фотография: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2009.
179. Доронина С.В. Проблемы лингвистической квалификации речевого экстремизма // Русский язык: исторические судьбы и современность:

III Междунар. конгресс исследователей русского языка: сб. тез. / МГУ. М., 2007. С. 780—781.

180. Ениколопов С.Н. Средства массовой информации и насилие // Проблемы медиапсихологии: мат-лы секции «Медиапсихология» Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития». М., 2001.
181. Еременко Н.А. Природа жаргонов, аргю и тарабарщины: доклад по научно-исследовательской работе. Ленинград: Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1957.
182. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приёмы, последствия. Екатеринбург, 1995.
183. Желтухина М.Р., Кисляков В.П. О проблеме исследования продуктов речевой деятельности в рамках психолингвистической судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4 (12). С. 219—223.
184. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословия как социальная проблема. М.: Ладомир, 1997.
185. Жельвис В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1992.
186. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004.
187. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
188. Журавлев С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2004.
189. Журавлев А.В. Проблемы производства лингвистических экспертиз при документировании преступлений экстремистского характера / А.В. Журавлев // Мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе 2—3 марта 2011 г. М., 2011. С. 251—252.
190. Зайковская Т.В. «Можно мозжечокнутья?» — «Сабо самой!» // Русская речь. 1993. № 6.

191. Занадворова А.В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык. М.: Языки славянской культуры, 2003.
192. Запесоцкий А., Файн А. Эта непонятная молодёжь...: Проблемы неформальных молодёжных объединений. М.: Профиздат, 1990.
193. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы изучения. М.: Русский язык, 1987.
194. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е. Н Русская разговорная речь. М.: Наука, 1981.
195. Земскова С.И., Шахов В.В. Долгий путь к чести, достоинству, деловой репутации: монография. Кострома, 2007.
196. Земскова С.И. Конституционное право на доброе имя: инновационный и сложившийся подход // Актуальные проблемы Российского права 2011. № 2 (19). С. 271—282.
197. Земскова С.И. Методические материалы к междисциплинарному спецкурсу «Авторское право»: монография. М.: СТЭНСИ, 2002.
198. Земскова С.И. Правовое положение экспертизы по делам о диффамации // Мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых (студентов и аспирантов) «Судебные экспертизы: теория и практика» (Москва 25—26 января 2011 г.). М., 2010. С. 365—370.
199. Земскова С.И. Судебная экспертиза по делам о диффамации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 35—37.
200. Зильберт Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. М., 1986.
201. Зинин С.И. Антропонимика: библиографический указатель литературы. Ташкент, 1968.
202. Зинин С.И. Введение в русскую антропонимию. Ташкент, 1972.
203. Зинин С.И. Из истории антропонимической терминологии // Антропонимика. М.: Наука, 1970.
204. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2011.
205. Зинин А.М., Майлис, Н.П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон: Юрайт-издат, 2002.

206. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубочёва. М.: Школа-Пресс, 1994.
207. Ильин П.П. Исследование жаргона преступников. Рукопись 1912 г. СПб.: С.-Петербургская библиотека АН России. Рукописн. отдел; шифр 25.4.7.
208. Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ / отв. ред. А.К. Симонов; сост. А.К. Копейка. М.: Галерея, 2002.
209. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики. Екатеринбург; Омск, 1999.
210. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический мир, 2006.
211. Калинина Л.В. Язык современных СМИ. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015.
212. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2004.
213. Карпенко М.В. Русская антропонимика. Одесса, 1970.
214. Кашкин В.Б. Коммуникативная мимикрия и социальная власть // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
215. Кедяркин С.Н. Роль языковых средств в формировании этнической толерантности и напряжённости в нижегородских СМИ // Язык — культура — право: мат-лы всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. Ч. 1.
216. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие для студентов фак-тов рус. яз. и литературы пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1977.
217. Козлов Ю.Ф. От князя Рюрика до императора Николая II. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992.
218. Колесов В.В. «Как наше слово отзовётся...». СПб.: Иван Фёдоров, 2001.
219. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб.: Юна, 1998.

220. Колесов В.В. Язык города. М.: Высшая школа, 1991.
221. Комаров М. обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина // Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века. М., 1989.
222. Кон И. Введение в сексологию. М., 1990.
223. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
224. Конев А.А., Париллов О.В. Смысл и значение зашифрованной в аббревиатуру тагуировки: лекция. Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995.
225. Конин В.В. Опровержение выводов эксперта при осуществлении профессиональной защиты по уголовным делам с использованием специальных познаний // Использование специальных познаний в судопроизводстве: сб. науч. тр. / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград: Изд-во КГУ, 2005.
226. Константинов А. Бандитский Петербург. СПб.: Фолио-Пресс, 1997.
227. Копорский С.А. Воровской жаргон в среде школьников // Вестник просвещения. 1927. № I.
228. Копчева В.В. Соотношение естественной и искусственной номинации (на материале названий растений): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
229. Королёва И.А. Социальный аспект бытования современных прозвищ // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики. Н. Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 2006.
230. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
231. Кравчук О.Н. Научные основы работы со звуковыми следами преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002.
232. Крупская Н.К. Борьба с беспризорностью // Собр. соч. М., 1978. Т. 3.
233. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

234. Кудрявцев М.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988.
235. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
236. Кузнецова Т.В. Секретарское дело. 2-е изд., испр. и доп. М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.
237. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ЭКОМ Паблишерз, 2011.
238. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие / Федеральное агентство по образованию. Самара: Самарский ун-т, 2007.
239. Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2009.
240. Лазаревич С.В. Прозвища в военном жаргоне // Социальные варианты языка: Материалы конференции 25—26 апреля 2002 г. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002.
241. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка. М., 2003.
242. Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского *арго* // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7.
243. Ларин Б.А. Об изучении городских арго // Русская речь. Нов. серия. 1928. № 3.
244. Ларьков Н.С. Документоведение: учеб. пособие. М., 2006.
245. Лейдерман Н. «...В метельный, ледящий век»: О «Колымских рассказах» В. Шаламова // Урал. 1992. № 3.
246. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
247. Леонтьев А.А. Табу // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
248. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Битов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.
249. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008.

250. Летова И.А. О следах языческих представлений в русской топонимии // Вопросы ономастики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15. Свердловск: УРГУ, 1982.
251. Липская Л.П. Грамматический и прагматический аспект анализа императивных высказываний в лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4 (12). С. 185—188.
252. Лихачёв Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
253. Лихачёв Д.С. Картёжные игры уголовников // Статьи ранних лет. Тверь: Тверское областное отделение Российского фонда культуры, 1993.
254. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка. М., 1993.
255. Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном. М., 1989.
256. Лихачёв Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Статьи ранних лет. Тверь: Тверское обл. отд-е Российского фонда культуры, 1993.
257. Лихачёв Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. III—IV.
258. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступлениях. СПб.: Изд-во Н.К. Мартынова, 1892.
259. Мазурова А.М. Сленг хип-системы // По неписаным законам улицы. М., 1991.
260. Майданова Л.М. Тексты-воззвания // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
261. Максимов В.И. Русский язык и культура речи. М., 2001.
262. Максимов С. Сибирь и каторга. СПб.: Тип. Траншея, 1871.
263. Малаховский В.М. Изучение детского и юношеского словесного творчества как основа для построения методики речи // Родной язык в школе. 1927. № 7.
264. Мамаев Н.Ю. Методические презумпции лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2008. С. 275—280.

265. Маро [М.И. Левитина]. Беспорядочные: Социология. Быт. Практика работы. М., 1925.
266. Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: мат-лы межрегионального науч.-практ. семинара. Москва, 7—8 декабря 2002 г. Ч. 1 / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2002.
267. Матвеева О.Н. Методические рекомендации по назначению лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005. С. 409—414.
268. Мгеладзе Д.С., Колесников Н.П. От собственных имён к нарицательным. Тбилисси, 1970.
269. Мильяненко Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб.: Редакция журнала «Дамы и господа», 1992.
270. Монах Е. Братва: Век свободы не видать. М.: Эксмо-Пресс, 1998.
271. Мордовцев Д.Л. Ванька Каин: Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Грацианского, 1876.
272. Морохова О.А. Юрислингвистика: предмет и содержание в контексте языкового образования юристов // Язык — культура — право: мат-лы всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. Ч. 2.
273. Морощкин М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имён в алфавитном порядке. СПб., 1867.
274. Московский телеграф. 1829. № 23.
275. Мумриков А. Что в имени твоём // Наука и религия. 1994. № 5.
276. Назначение и производство судебных экспертиз: пособие для следователей, судей и экспертов. М.: Юридическая литература, 1988.
277. Наумов Б.П. Информационный поиск в АС «Товарные знаки РФ». М., 2001.
278. Нерознак В.П. Об этимологии имени собственного // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978.

279. Нечипоренко Н.В. О проблемах лингвистики // Язык — культура — право: мат-лы всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. Ч. 2.
280. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
281. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974.
282. Никонов В.А. Ищем имя. М.: Советская Россия, 1988.
283. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
284. Никонов В.А. Нерешённые вопросы ономастики Поволжья // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.
285. Никулина З.П. К вопросу о классификации индивидуальных прозвищ // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974. Вып. 1.
286. Никулина З.П. О социальной оценке прозвищ // Русская ономастика. Рязань: РГПИ, 1977.
287. Никулина З.П. Состав и функционирование прозвищ, используемых для наименования одного лица // Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976.
288. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
289. Ноэль-Нейман Э. Стереотип как средство распространения общественного мнения // Реклама: внушение и манипуляция / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 2001.
290. Образцов В.А. Криминалистика: учеб. пособие. М.: Юрикон, 1994.
291. Образцы заключений экспертов: практ. пособие / под общ. ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД, 2005.
292. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: От повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. XIV.
293. Ономастика Поволжья-3: мат-лы III конф. по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.
294. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год. М.: АН СССР ИНИОН, 1976.
295. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1971—1975 с приложением за 1918—1962. М.: АН СССР ИНИОН, 1978.

296. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1976—1980. М.: АН СССР ИНИОН, 1984.
297. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза, комплексное исследование и комплекс экспертиз: соотношение понятий // Мат-лы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 24—25 июня 2009 г.). М.: Проспект, 2009. С. 280—281.
298. Осадчий М. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
299. Основы судебной экспертизы. Ч. 1. Общая теория. М.: РФЦСЭ МЮ РФ, 1997.
300. Отин Е.С. Жигули // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М.: Школа-Пресс, 1994.
301. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004.
302. Панасюк А.Ю. А что ж в действительности на уме у Вашего собеседника? Ростов н/Д.: Феникс, 2007.
303. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. М., 2001.
304. Пашенко В.Г., Пашенко Д.В., Семянкова О.И. Документная лингвистика: метод. указания по выполнению лабораторных работ. Пенза, 2006.
305. Песчаный М.В. Некоторые особенности формирования вопросов при назначении экспертиз экстремистской направленности // Закон и право. 2009. № 5. С. 59—62.
306. Песчаный М.В. Особенности применения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 3. С. 207—210.
307. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: МГУ, 1997.
308. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён: Более 3000 единиц. 6-е изд., стер. М.: Русские словари: Астрель, 2000.

309. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодёжи: Криминальная субкультура. Тверь: Приз, 1994.
310. Плавич В.П., Назаренко Д.Б. Проблемы использования лингвистики в правотворческом процессе // Право і лівгвістика. Мат-ли міжнар. науково-практич. конф.: у 2 ч. Сімферополь: ДОЛЯ, 2003. Ч. 1.
311. Подольская Н.В. Антропонимика // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. М.: Советская энциклопедия, 1979.
312. Подольская Н.В. Антропонимика // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1988.
313. Подольская Н.В. Антропонимия берестяных грамот // Восточнославянская ономастика. М., 1979.
314. Подольская Н.В. Ономастика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
315. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
316. Полещук О.В., Саксин С.В., Яровенко В.В. Теория специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2007.
317. Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и о славянском языке революционной эпохи. М., 1927.
318. Поливанов Е.Д. Стук по блату // За марксистское языкознание. М., 1931.
319. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медя, 2004.
320. Попов В.Г. Молодёжь в сфере криминогенного влияния // Социологические исследования. 1998.
321. Портянникова В.Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов: дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
322. Потапенко С.В. Осташевский А.В. Диффамация в СМИ: Проблемы права и журналистики: учеб. пособие / КГУ. Краснодар, 2001.

323. Потапенко С.В. Институт диффамации и российское законодательство // Российская юстиция. 2002. № 6.
324. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практ. пособие / под ред. Т.В. Авьяновой, В.Ф. Статкуса. М.: Юрайт, 2011.
325. Прибыловский В. Русские националистические и праворадикальные организации 1989—1995 гг.: документы и тексты. М.: Панорама, 1995.
326. Проблемы информационно-психологической безопасности: сб. ст. и мат-лов конф. М., 1996.
327. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1988.
328. Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ. М.: Статут, 2006.
329. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник для вузов. М., 1998.
330. Россинская Е.Р. Развитие новых судебных экспертиз и подготовка специалистов // Закон. № 6. 2005. С. 100—105.
331. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 513.
332. Русинов Н.Д. Нижегородская сельская старина. Н. Новгород, 1997.
333. Рыбникова М.А. Об искажении и огрублении речи учащихся // Родной язык в школе. 1927. № 1.
334. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учебник. М.: Дашков и К, 2009.
335. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). С. 48—51.
336. Самойлов Л. Путешествие в перевёрнутый мир // Нева. 1989. № 4.
337. Сафуанов Ф.С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 51—62.

338. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 2000.
339. Селиванов Н.А. Спорные вопросы судебной экспертизы // Социалистическая законность. 1978. № 5.
340. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ // Учёные записки МГУ. М., 1948. Вып. 128. Кн. 1.
341. Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. 3-е изд. Тула: Автограф, 2000.
342. Сими́на Г.Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. М: АН СССР Институт языкознания, 1969.
343. Сими́на Г.Я. Бытовые варианты личных имён // Антропонимика. М.: Наука, 1970.
344. Симонов П.В. О филогенетических предпосылках воли // Вопросы психологии. 1971. № 4.
345. Сиповский В.В. Из истории русского романа XVIII в. // Известия ОРЯС. 1902. Т. 2. Кн. 2.
346. Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
347. Смирнов И.Т. Мелкие торговцы г. Кашина Тверской губернии и их условный язык // Известия ОРЯС. 1902. Т. VII. Кн. 3.
348. Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе 2 (экстремизм и утрата искренности). URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=229>
349. Смирнова Л.Е. Жаргон как средство отображения окружающего мира ребёнком // Социальные варианты языка-II. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002.
350. Снегов С. Философия блатного языка // Даугава. Рига, 1990.
351. Снетков В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 2001.
352. Соловьёва А.К. Материалы для изучения прозвищ по переписке К. Маркса и Ф. Энгельса. Ономастика. М: АН СССР Институт языкознания, 1970.

353. Сорокин Ю.А. Каким не должен быть суггестивный текст? // Политический дискурс в России: мат-лы постоянно действующего семинара. М., 2001.
354. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180—186.
355. Спивак В.А. Делопроизводство. СПб.: Питер, 2003.
356. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005.
357. Сталтмане В. Обзор диссертационных работ по советской ономастике (1947—1972) // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976.
358. Стратен В.В. Арго и арготизмы // Труды комиссии по русскому языку. М., 1931.
359. Стратен В.В. Об арго и арготизмах // Русский язык в советской школе. 1929. № 5.
360. Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды. М., 2003.
361. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012.
362. Суперанская А.В. Апеллятив — онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978.
363. Суперанская А.В. Внеязыковые ассоциации собственных имён // Антропонимика. М.: Наука, 1970.
364. Суперанская А.В. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962.
365. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1975.
366. Суперанская А.В. Ономастическая стандартизация, допустимость, возможности, ограничения // Восточнославянская ономастика. М., 1979.
367. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М., 1969.
368. Суркова Т.И. Псевдонимы как особый тип антропонимов // Русская ономастика. Рязань, РГПИ, 1977.

369. Сулова А.В. К проблеме реконструкции древнерусских личных имён // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988.
370. Сулова А.В. Некоторые данные о составе и распределении имён в Ленинграде // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
371. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1991.
372. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: мат-лы межрегионального науч.-практ. семинара. Москва, 7—8 декабря 2002 г. Ч. 1 / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2002.
373. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: науч.-практ. пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2006.
374. Теплиц К.Т. Всё для всех: Массовая культура и современный человек. М.: 1996.
375. Тимофеев В.П. Русские фамилии с архаическими (диалектными) корнями // Ономастика. М., 1969.
376. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: методические рекомендации / под ред. В.Ф. Статкуса. М.: ЭКЦ МВД России, 2009.
377. Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение: фундаментальный курс. М.: Интел-синтез, 1998.
378. Тонков В.А. Опыт исследования воровского языка. Казань, 1930.
379. Третьякова В.С. Объект и единицы лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: мат-лы межрегионального науч.-практ. семинара. Москва, 7—8 декабря 2002 г. Ч. 1 / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2002. С. 58—61.
380. Трипольская Т.А. О методике выявления коннотативных компонентов семантики экспрессивного слова // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 51—62.
381. Трофимовский И.А. Офени // Русский вестник. Т. 63. 1866.
382. Трубочёв О.Н. История славянских терминов родства. М., 1969.

383. Трубачёв О.Н. Этимологические заметки, мелочи // *Этимология* 1964. М., 1964.
384. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии: пер. с англ. / общ. ред. Б.А. Успенского. 2-е изд., испр. М.: Прогресс, 1995.
385. Успенский Б.А. Из истории русских канонических имён. М.: МГУ, 1969.
386. Успенский Л.В. Имя дома твоего: Очерки по топонимии. М.: Армада-пресс, 2002.
387. Успенский Л.В. Ты и твоё имя. Имя дома твоего. Л.: Детская литература, 1972.
388. Ухмылина Е.В. Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.
389. Ушаков Н.Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвищ) // *Имя нарицательное и собственное*. М.: Наука, 1977.
390. Фомина Т.Г. «Свои» и чужие» в восприятии звуковой формы языка // *Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т.И. Ерофеева*; Перм. ун-т. Пермь, 2002. Вып. 1.
391. Фридман М.М. Еврейские элементы блатной музыки // *Язык и литература*. Л., 1931. Т. 7.
392. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994.
393. Фромм Э. *Бегство от свободы*. Минск, 1998.
394. Халитова Н.Р. Особенности семантической и структурной организации лексико-семантического поля «Жители страны ГУЛАГ» в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2001.
395. *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.
396. Чернеева Н.П. Личные имена в Новгородских берестяных грамотах // *Ономастика Поволжья*. Горький, 1971.
397. Шарандина Н.Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000.

398. Шварцкопф Б.С. О социальных и эстетических оценках личных имён // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976.
399. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М.: Высшая школа, 1963.
400. Швец С.В. Современное состояние и перспективы развития судебно-лингвистических экспертиз // Право и политика. Краснодар, 2008. № 1. С. 33—36.
401. Шилов А.И. Военнослужащий в условиях дисциплинарной воинской части // Социологические исследования. 2003. № 12.
402. Шор Р.О. Язык и общество // Работник просвещения. 1921.
403. Шрейтерфельдт К.Н. Арестантская честь. СПб.: Тип. Н.К. Мартынова, 1903.
404. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юридическая литература, 1967.
405. Эксархопуло А.А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях: учеб. пособие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
406. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М.: Юристь, 1999.
407. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996.
408. Эрделевский А.М. Диффамация // Законность. 1998. № 12. С. 14.
409. Юридический энциклопедический словарь. М., 1987
410. Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул, 2004.
411. Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005.

Словари и словники

1. Алфёров А. Жаргон и татуировки наркоманов в ИТУ: Словарь. Домодедово: РИПК работников МВД РФ, 1991.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1962.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007.

4. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона: в 2 т. М.: Кампана, 1997.
5. Бец В. Босяцкий словарь выражений, употребляемых босяками. Одесса, 1903.
6. Библийская энциклопедия. Репринтное издание. М.: ТЕРРА, 1990.
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002. (БТС)
8. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
9. Быков В. Русская феня. Смоленск: Траст-Имаком, 1994.
10. Вальтер Харри, Мокиенко Валерий. Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск / под ред. А.А. Шумейко. Грайфсвальд, 2004.
11. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.
12. Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь / отв. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: ИЛИ РАН, 1996.
13. Грачёв М.А. Жаргон и татуировки наркоманов: Краткий словарь-справочник. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1996.
14. Грачёв М.А. Словарь тысячелетнего русского арга. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003.
15. Грачёв М.А., Мокиенко В.М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб.: Фолио-Пресс, 2000.
16. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь имён. 3-е изд. Н. Новгород: Три богатыря: Братья славяне, 1997.
17. Даль В. И. Словарь русско-офенский. Писарская копия в переплёте. 1854—1855 гг. СПб.: Санкт-Петербургская б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. № 234. Ед. хр. № 7.
18. Даль В.И. Пословицы русского народа // Сб. В. Даля: в 3 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1994.
19. Даль В.И. Словарь офенского языка. Рукопись. 1850-е годы. СПб.: С.-Петербургская б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. № 234. Ед. хр. № 8.

20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Terra, 1994.
21. Даль В.И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем *музыки* или *байкового языка*: Рукопись 1855 г. С.-Петербургская библиотека им. М.Е. Сатыкова-Щедрина.
22. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. С. 325.
23. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. М.: Вече : АСТ, 1999.
24. Досталь Г. Воровской словарь. М.: Слобода Покровская, 1904 .
25. Дубягин Ю.П. Происхождение и смысловые значения татуировок // Сыщик России. 1991.
26. Дубягин Ю.П., Теплицкий Е.А. Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона = Concise English-Russian and Russian-English of the underworld. М.: ТЕРРА, 1993.
27. Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник. М.: Юриспруденция, 2001.
28. Елистратов В.С. Словарь московского арго. М.: Русские словари, 1994.
29. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / под общ. рук. Р.И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999.
30. Из истории русских слов: словарь-пособие. М.: Школа-Пресс, 1993.
31. Ирецкий В. Для словаря Даля. Спекулянтско-налётческий тюремный жаргон // Вестник литературы. 1926. № 4, 5.
32. Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооружённых сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII—XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
33. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
34. Крестинские М.М. и Б.П. Краткий словарь современного русского жаргона. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1965.

35. Криминалистический словарь-справочник / авт.-сост. Д.В. Исютин-Федотков. М.: Юрлитинформ, 2010.
36. Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычай, язык, татуировки: Энциклопедия. Донецк: Сталкер, 1998.
37. Лебедев В.И. Словарь воровского языка // Вестник полиции. 1909. № 12—14.
38. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
39. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 151.
40. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антоним. пар / под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984.
41. Малый энциклопедический словарь: Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон. М.: Терра, 1994. Т. I—IV.
42. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
43. Миртов А.В. Из лексикона ростовских беспризорников и босяков // Миртов А.В. Донской словарь: мат-лы к изучению лексики донских казаков Ростов н/Д., 1929.
44. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.
45. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001.
46. Наркоманический сленг: Краткий словарь / сост. Н.Ф. Лукьянчиков и др.; под общ. ред. канд. мед. наук, доц. В.А. Кирьяка; ВЮИ Минюста России. Владимир, 2000.
47. Никитина Т.Г. Так говорит молодёжь. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
48. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
49. Новейший энциклопедический словарь. М.: АСТ: Астрель: Транзит-книга, 2004.

50. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
51. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1987.
52. Попов В.М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев: Печатня С.П. Яковлева, 1912.
53. Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М.: Народный комиссариат внутренних дел, 1927.
54. Преображенский А.И. Этимологический словарь современного русского языка. М., 1910—1914.
55. Розенталь Д.Э., Теленкова А.М. Словарь лингвистических терминов. М., 1983.
56. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч. 2-е изд., доп. М.: Просвет, 1991.
57. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия, 2001. С. 1023.
58. Русский ассоциативный словарь / под ред Ю.Н. Караулова. Т. 1. М.: РАН, 2002.
59. Русский толковый словарь / под ред. В.В. Лопатина. М., 2007.
60. Сидоров А. Словарь блатного и лагерного жаргона: Южная феня. Ростов н/Д.: Гермес, 1992.
61. Сворцов Л.И. Культура русской речи: словарь-справочник. М.: Знание, 1995.
62. Скляревская Г. Словарь сокращений современного русского языка. М.: Эксмо, 2004.
63. Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794. Т. 1—6.
64. Словарь воровского языка: Слова, выражения, жесты, татуировки. Тюмень: НИЛПО, 1991.
65. Словарь жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи уголовно-преступным элементом. Для служебного пользования / сост. А.Г. Бронников. Пермь, 1977.

66. Словарь иностранных слов и выражений. М.: АСТ, 2000.
67. Словарь иностранных слов. М., 2007.
68. Словарь основных терминов судебных экспертиз / ред.-сост. Ю.Г. Ко-рухов. М.: ИПК РФЦСЭ, 2007.
69. Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 7. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988.
70. Словарь русских донских говоров: в 2 т. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1991.
71. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985. Т. I.
72. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А—Й. С. 473.
73. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графиче-ский портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992.
74. Смирнов Н.А. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» // Известия ОРЯС. СПб., 1899. Т. IV. Кн. 3.
75. Снегирёв И.М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах / сост., подгот. текста, предисл., коммент. Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. Н. Новгород: Русский купец: Братья сла-вяне, 1996.
76. Собрание выражений и фраз, употребляемых С.-Петербургскими мо-шенниками: словник арготизмов // Северная пчела. 1859.
77. Судзиловский Г.А. Сленг. Что это такое?: Английская просторечная лек-сика: Англо-русский словарь военного сленга. М.: Воениздат, 1973.
78. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1991.
79. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.; Л., 1935-1940.
80. Толковый словарь уголовных жаргонов / под ред. А.Г. Бронникова и Ю.П. Дубягина. М., 1991.
81. Трахтенберг В.А. Блатная музыка. Жаргон тюрьмы. СПб., 1908.

82. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. СПб., 1903.
83. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. С. 214.
84. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. 1, 2.
85. «Феня». Словарь воровского жаргона: пособие для оперативных и следственных работников. Киев, 1964.
86. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997.
87. Флегон А. За пределами русских словарей. London: Flegon-Press, 1978.
88. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. С. 768.
89. Хукка В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира: словарь-справочник. Н. Новгород: Нижполиграф, 1992.
90. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М.: Русский язык, 1994 .
91. Чичагов В.К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий. М.: Учпедгиз, 1959.
92. Шанский И.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1971.
93. Щербакова О.И., Бруева Е.Т. Социально-корпоративная лексика. Словарь жаргона преступников: учеб. пособие. Минск: Изд-во Академии МВД, 1992.
94. Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. М.: Голос, Колокол-Пресс, 1998.
95. Эрудит: Толково-этимологический словарь иностранных слов / Н.Н. Андреева и др. М.: Школа-Пресс, 1995.
96. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга: сленговые слова и выражения 60—90-х годов / под ред. А.Н. Баранова. М.: Метатекст, 1997.

Учебное издание

Грачёв Михаил Александрович

СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Учебник

Подписано в печать 10.05.2016.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛИНТА»

существует на книжном рынке с 1996 г. Во «ФЛИНТЕ» ежегодно выходит более 200 книг. Издательство специализируется на выпуске литературы для вузов в основном гуманитарного профиля: учебники, учебные и методические пособия, хрестоматии, современные словари и справочники. Вся учебная литература подготовлена в соответствии с государственными образовательными стандартами. Среди авторов – ведущие ученые и преподаватели из Москвы, других городов России и зарубежья. Большинство учебников и учебных пособий проходят экспертизу и имеют грифы Министерства образования и науки РФ или соответствующих учебно-методических объединений.

ВЕДУЩИЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

- РЕЧЬ, ЯЗЫК, ОБЩЕНИЕ
- РИТОРИКА
- РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
- ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА
- РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ
- ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ
- ЛАТИНСКИЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫКИ
- ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК
- ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА
- ВАЛЕОЛОГИЯ, МЕДИЦИНА
- ПОЛИТОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС
- ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА, ИНФОРМАТИКА, ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
- НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Предлагаем вузам и библиотекам

электронные версии книг для использования в собственных ЭБС

Приглашаем к сотрудничеству

библиотеки, книготорговые организации, авторов учебной литературы

Выполняем заказы

по изданию монографий, научных трудов и других печатных работ
на договорных началах

НАШИ КООРДИНАТЫ:

Тел./факс: (495) 334-82-65, тел.: (495) 336-03-11

E-mail: flinta@mail.ru, WebSite: www.flinta.ru